

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1977

6

Татьяна Андреевна Мельник — старший консультант отдела правовой пропаганды и правового воспитания Министерства юстиции Молдавской ССР. Она готовит телевизионные и радиопередачи, посвященные правовому воспитанию.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

6(78) ИЮНЬ 1977

Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), А. М. РЕКУНКОВ,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ, А. М. ЯКОВЛЕВ.

В НОМЕРЕ

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Ленинские уроки права

Э. Клопов. Первое Советское правительство 4

М. Панкин. Права молодых рабочих и специалистов 16

Н. Притулина. Дела юных 24

Борис Антонов. Дело Штерна и кампания клеветы 28

По протесту прокурора 39, 135

СОБЕСЕДНИК:

Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!

Н. Дерепя. Идут поезда из карьера 41

В. Русланов, В. Обухов. У Белой горы 46

Нам пишут

Б. Панасюк. В классе — урок права 52

Г. Трофимов. Исцеление 53

Подготовительное отделение юридического института 55

Продолжаем начатый разговор 57

Как с шумом бороться...

К 60-летию Великого Октября

В. Околов. Новь молдавского села 62

Органы подлинно народной власти 65

Эрнст Сафонов. Щепки из-под топора 66

А. Серобян, А. Алтунян. Дипломы для недорослей. Очерк 76

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры А. В. ЕЛИЗАРОВА, Б. С. ТУМЯН.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

Главное — предупредить правонарушение 83

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Читатель на приеме у юриста

О паспортах нового образца 86

Может ли суд освободить родителя от уплаты алиментов на несовершеннолетних детей 88

Ганс Шнайдер. Ночь без алиби. Роман. (Окончание) 89

Юрий Карчевский. Подрывные голоса 122

В. Шахин. Оправдание с опозданием 133

Судебная хроника 134

ИМЕНЕМ САТИРЫ:

И. Носенко. Ну и хозяин... 136

Юморисконсульт

«Малость» перепутали... 139

Мих. Владимов. «Платформа» бракоделов. Фельетон 143

Зарубежная мозаика 144

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: председатель исполкома Гидигичского сельского Совета депутатов трудящихся Мария Павловна Казаку в гостях у самых юных жителей села Гидигич. (Читайте очерк «Новь молдавского села»).

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: главный ветеринарный врач колхоза имени В. И. Ленина Овидиопольского района Одесской области, председатель товарищеского суда Иван Викторович Пяста договаривается с работницей фермы Ниной Андреевной Такач о времени проведения лекции на правовую тему.

Фото В. ЗИМИНА.

Сдано в набор 1/IV-77 г. Подписано в печать 11/V-77 г. А11108. Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,41. Заказ 1342. Тираж 3 310 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.). Цена 40 коп.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ПРАВОВОЙ

ленинские
уроки права

Э. КЛОПОВ,
кандидат исторических наук

ПЕРВОЕ СОВЕТСКОЕ

В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» говорится: «Шесть десятилетий назад героический пролетариат России под руководством партии большевиков во главе с Владимиром Ильичем Лениным поднялся на решительный штурм буржуазно-помещичьего строя и сокрушил его. Впервые в истории борьба трудящихся против эксплуатации, социального и национального гнета завершилась их полной победой». В канун празднования этого славного юбилея трудящиеся нашей страны, все прогрессивное человечество с особенно большим интересом изучают опыт тех глубочайших социально-экономических преобразований, начало которым было положено 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Всего вклад в сокровищницу этого бесценного опыта первого Советского правительства России — Совета Народных Комиссаров, образованного II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов из представителей большевистской партии во главе с В. И. Лениным, которого делегаты съезда приветствовали как «стойкого борца и вождя рабоче-крестьянской победоносной революции». Именно этому государственному органу диктатуры российского пролетариата предстояло выработать основные принципы руководства страной и начать претворение в жизнь программы социалистических преобразований, уточнить и конкретизировать ее, уделяя вместе с тем пристальное внимание решению тысяч конкретных вопросов, которые ставила жизнь перед новым правительством страны.

УНИВЕРСИТЕТ

★ 1917 1977 ★

ПРАВИТЕЛЬСТВО

В постановлении II съезда Советов об образовании Советского правительства предусматривалось, что «заведование отдельными отраслями государственной жизни» поручается комиссиям — народным комиссариатам. Таких комиссий намечалось создать тринадцать: по внутренним делам, земледелия, труда, народного просвещения, финансов, юстиции, по делам иностранным и другие. Коллегия председателей этих комиссий и составила Совет Народных Комиссаров.

И хотя только пост народного комиссара железных дорог, согласно постановлению съезда, оставался временно незамещенным, это вовсе не означало, что организация Советского правительства была уже решена. В действительности некоторые из избранных съездом народных комиссаров так и не смогли в силу тех или иных обстоятельств приступить к исполнению своих обязанностей. Предстояло еще сформировать намеченные съездом Советов комиссии, а также аппарат Правительства. К тому же уже вскоре стала выявляться необходимость образования новых народных комиссариатов, не предусмотренных постановлением съезда.

Именно поэтому на первых порах деятельности Совета Народных Комиссаров, в «период Смольного» (то есть с ноября 1917 по март 1918 года), очень большое значение приобрели уточнение структуры СНК в соответствии с нуждами государственного управления и социалистических преобразований, вовлечение в правительственный аппарат преданных делу социализма и пригодных для этой работы активистов большевистской партии, местных Советов, профсоюзов и других массовых организаций трудящихся, организация деятельности как самого правительства, так и его аппарата.

Одной из самых больших трудностей при решении этих задач было практически отсутствие в распоряжении ЦК большевистской партии таких работников, которые обладали бы опытом работы в правительственных и вообще государственных учреждениях. «Среди нас...— вспоминал впоследствии Г. И. Ломов,— было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, прошедших... весь крестный путь до Якутии и Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством».

Найти в таких условиях подходящую кандидатуру для работы в составе Правительства и в его аппарате было не так-то просто. К тому же нередко приходилось убеждать товарищей в необходимости заняться вовсе незнакомой им работой. Так, В. И. Невский писал позднее, что он упорно отказывался от назначения в Народный комиссариат путей сообщений: «Я не хотел этого. Мне не хотелось занимать никаких высоких должностей, мне казалось, что я работник не канцелярии, а массы. Но, вызванный В. И. Лениным, выслушав его доводы, я беспрекословно подчинился приказанию».

Вот почему глубокое негодование в партии и рабочем классе вызвал выход из Совнаркома группы оппозиционеров ленинскому курсу, приверженцев соглашательской линии Каменева и Зиновьева. Местные организации партии, пролетарские коллективы заводов и фабрик Петрограда, Москвы, других промышленных центров активно поддержали в этот ответственный момент ленинское большинство Центрального Комитета большевиков и Совета Народных Комиссаров. Их поддержка помогла относительно быстро не только преодолеть отрицательные политические последствия дезертирского поступка нескольких членов СНК, не оправдавших доверия ЦК партии и съезда Советов, но и вовлечь в деятельность Советского правительства десятки новых работников, преданных делу революции и социализма.

В результате менее чем за месяц, к концу ноября 1917 года, было в основном завершено формирование Совнаркома, начали действовать коллегии большинства народных комиссариатов, сложился и приступил к обслуживанию работы Правительства его аппарат — Секретариат СНК и приемная. Это стало возможным прежде всего потому, что за долгие годы революционной борьбы партия вырастила политически опытные, хорошо владевшие теорией марксизма-ленинизма кадры, которые внесли в деятельность создаваемого государственного аппарата революционный энтузиазм и энергию, партийный стиль работы, строжайшую дисциплину и принципиальность в больших и малых делах. Личные качества руководителей государственного аппарата, и в первую очередь В. И. Ленина, во многом

определили складывавшийся в те дни стиль работы первого в мире правительства трудящихся.

Совет Народных Комиссаров как высший исполнительный орган государства диктатуры пролетариата ставил целью преодоление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, пресечение попыток реставрации капитализма, сплочение рабочего класса и всех трудящихся для строительства социализма, создание благоприятных условий развертывания и углубления революции.

С первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции центральным направлением внешнеполитической деятельности Советского правительства стала борьба за мир, за выход России из империалистической войны. В этой деятельности органически сочетались принципиальность и реализм, последовательная борьба за коренные интересы трудящихся своей страны и народных масс всего мира. Характерно, что Декрет о мире был обращен и к народам воюющих стран, и к правительствам государств, входящих в противоборствующие империалистические коалиции. Выражая настроения и интересы народных масс, правительство Советской России призывало к всеобщему и справедливому демократическому миру без аннексий и контрибуций. Вместе с тем, чтобы добиться скорейшего прекращения войны, продолжение которой, как отмечал Ленин, являлось «величайшим преступлением против человечества», оно выражало готовность «рассмотреть и всякие другие условия мира», настаивая лишь на скорейшем предложении этих других условий и «на полнейшей ясности», на безусловном исключении «всякой тайны при предложении условий мира».

Ленин подчеркивал, что Советское правительство не считает ультимативной свою программу мира. «Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела...— говорил он.— Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню... Ультимативность облегчит нашим противникам их положение».

Первым шагом, предпринятым в соответствии с Декретом о мире, было предписание Совнаркома верховному главнокомандующему русскими армиями генералу Духонину «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». Однако Духонин стал на путь саботажа мирных инициатив Советского правительства, и тогда Совнарком отстранил его от должности главнокомандующего «за неповиновение,— как отмечал Ленин,— предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бед-

ствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям», а верховным главнокомандующим назначил народного комиссара Н. В. Крыленко (впоследствии ставшего одним из видных деятелей советской юстиции). Одновременно Ленину обратился от имени Совета Народных Комиссаров к солдатам и матросам с призывом брать в свои руки дело мира и не дать контрреволюционным генералам сорвать это великое дело. По призыву Советского правительства началось массовое братание солдат на русско-германском фронте. Между русскими и немецкими частями на фронте стали заключаться перемирия — «солдатские миры». Важным фактором в борьбе за прекращение войны стала публикация тайных договоров царского и Временного правительств России, предпринятая по решению Совнаркома в середине ноября 1917 года.

Правительства Англии, Франции, а также Соединенных Штатов Америки и других стран не ответили на призывы к миру, раздававшиеся из революционного Петрограда. И Советское правительство было вынуждено стать на путь односторонних, сепаратных переговоров о прекращении войны с Германией и ее союзниками. Измученным войной народам России мир был нужен как воздух, никакие отсрочки не могли быть оправданы.

Конференция представителей Советской России и стран германской коалиции, на которой обсуждались вопросы сначала о перемирии, а затем о заключении мира, открылась в Брест-Литовске 20 ноября (3 декабря) 1917 года. И на первом же заседании советская делегация, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, выступила с декларацией, в которой изложила принципы всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, а также предложила обратиться к странам Антанты с приглашением принять участие в переговорах о перемирии и мире.

Представители Германии лицемерно соглашались с советскими предложениями, однако непременным условием подписания мира выдвинули возвращение Германии ее колоний, захваченных войсками Антанты в ходе войны. В противном случае германское правительство отказывалось вывести свои войска с захваченных российских территорий. Аннексионизм германского империализма был налицо, поскольку правительства стран Антанты категорически и недвусмысленно отказывались от участия в переговорах о мире, и правительство Германии надеялось возместить военные «убытки» за счет Советской России и народов Польши, Белоруссии, Литвы, Латвии.

Однако положение дел в Советской России было крайне тяжелым, и выход из войны, демобилизация армии, восстановление по-

дорванного войной народного хозяйства были первым и неременным условием как дальнейшего углубления революции, так и преодоления тяжелейшего хозяйственного и продовольственного кризиса, охватившего страну. Мир был нужен, чтобы окончательно сломить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, чтобы организовать новую, рабоче-крестьянскую армию. Ленин, а вслед за ним и под его влиянием большинство ЦК большевистской партии и Совета Народных Комиссаров решили, что следует пойти на подписание мира даже и на грабительских условиях, выдвинутых правительством Германии. Советской делегации на Брест-Литовской мирной конференции была дана директива держаться до ультиматума германской стороны, а затем подписать мир на ее условиях.

Однако возглавлявший советскую делегацию Троцкий нарушил эту директиву. Он заявил, что Советская Россия войны вести не будет, армию демобилизует, но мира не подпишет. И 18 февраля 1918 года войска кайзеровской Германии возобновили военные действия на русско-германском фронте. Положение сложилось исключительно тяжелое, поистине трагическое: старая русская армия разваливалась, новая Красная Армия только еще создавалась, и перед германскими войсками оказалась открытой дорога в глубь России, где их с надеждой ждали жаждущие реванша капиталисты, помещики, их приспешники из других слоев населения. В результате Советское правительство вынуждено было пойти на новые, гораздо более тяжелые условия мира. Только таким путем в тех условиях можно было сохранить Республику Советов, спасти революцию. «Благодаря достигнутому миру,— писал В. И. Ленин,— несмотря на всю его тягостность и всю его непрочность,— Российская Советская республика получает возможность на известное время сосредоточить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции — на задаче организационной».

К решению вопросов, составлявших суть «организационной стороны» революции, Советское правительство приступило буквально с первых же дней своей деятельности. Одним из таких вопросов было введение рабочего контроля над производством. «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности,— говорил Ленин.— Пусть рабочие берутся за создание рабочего контроля на своих фабриках и заводах, пусть снабжают они фабрикатами деревню, обменивают их на хлеб. Ни одно изделие, ни один фунт хлеба не должен находиться вне учета, ибо социализм — это учет».

Вопрос о рабочем контроле обсуждался уже на первом заседании СНК 27 октября (9 ноября) 1917 года. За основу правительственного постановления был принят проект, подготовленный Лени-

ным. А 14 (27) ноября «Положение о рабочем контроле» было утверждено ВЦИК и в тот же день подписано Лениным как Председателем СНК. В нем говорилось, что контроль на предприятиях осуществляется всеми рабочими через их выборные органы — фабрично-заводские комитеты, советы старост и тому подобное. Органы рабочего контроля получили право наблюдать за производством, устанавливать нормы выработки, выяснять себестоимость производимых продуктов, контролировать всю деловую переписку, все книги и отчеты предприятия. Их решения объявлялись обязательными для предпринимателя и могли быть отменены лишь вышестоящими органами рабочего контроля.

Рабочий контроль стал подлинной школой управления народным хозяйством в условиях утверждения диктатуры пролетариата. Из рабочего класса вышли тысячи активистов, которые включились в борьбу за экономическую жизнь страны на новых, социалистических принципах хозяйствования. Вместе с тем осуществление рабочего контроля показало недостаточность только этого метода воздействия на экономическую деятельность. Требовалось создание системы специальных органов Советской власти, управляющих народным хозяйством от имени и в интересах широких масс трудящихся. Особое место среди этих органов занял Высший Совет Народного Хозяйства, который был образован в начале декабря 1917 года.

Декрет о создании ВСНХ определял в качестве его основной задачи организацию народного хозяйства и государственных финансов, а для ее решения наделял ВСНХ самыми широкими полномочиями. Высший Совет Народного Хозяйства, говорил В. И. Ленин при обсуждении проекта декрета во ВЦИК, «должен быть таким же боевым органом для борьбы с капиталистами и помещиками в экономике, каким Совет Народных Комиссаров является в политике». Его создание приобрело в конце 1917 — начале 1918 года еще большее значение, поскольку в это время в управление центральных и местных органов власти стали переходить сотни и тысячи промышленных и прочих предприятий, целые отрасли промышленности.

В соответствии с экономической программой большевистской партии, выработанной накануне Октября, предполагалось на первых этапах социалистических преобразований национализировать только самые крупные, ключевые предприятия промышленности, а также акционерные предприятия и банки. Однако повсеместный саботаж предпринимателей, их контрреволюционная деятельность вынуждали Советское правительство, его органы на местах, массовые организации рабочего класса к ответным мерам: национализации фабрик, заводов, предприятий добывающей промышленности.

Одновременно с такими мерами, которые лежали в основе социалистических преобразований, Советское правительство уделяло пристальное внимание налаживанию хозяйственной жизни, улучшению работы транспорта, преодолению продовольственного кризиса, порожденного призывом в армию миллионов крестьян, мобилизацией на военные нужды лошадей, разрухой на транспорте.

Одной из важнейших задач Советского правительства буквально с первых же дней его деятельности стала борьба против антисоветских и антисоциалистических сил, пресечение действий, направленных во вред трудящимся массам, в том числе на реставрацию буржуазно-помещичьего строя. Это была нелегкая задача, потому что в борьбе против Советской власти свергнутые эксплуататорские классы и их пособники прибегали и к прямым вооруженным выступлениям, и к таким «невоенным» методам сопротивления новой власти, как саботаж предпринимателей и буржуазных специалистов, который вел страну к голоду, разрухе на транспорте, дезорганизации промышленности, городского хозяйства, народного просвещения, здравоохранения.

Для борьбы с контрреволюцией Республика Советов начала образовывать такие институты и учреждения, которые были призваны защищать завоевания народа от поползновений свергнутых эксплуататорских классов, предупреждать и пресекать любые попытки нанести ущерб строительству нового общества. Особенно большое значение имело в той обстановке создание Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с саботажем и контрреволюцией и Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Непосредственным толчком к образованию ВЧК как специального органа борьбы с контрреволюционными заговорами послужил принявший огромные масштабы саботаж чиновников и служащих правительственных и муниципальных учреждений, поддерживавшийся представителями предпринимателей и финансовых кругов. В постановлении Совнаркома от 7 (20) декабря 1917 года об организации и составе этой комиссии на новый орган пролетарской диктатуры возлагалось пресечение любых контрреволюционных и саботажнических попыток и действий на территории Советской России, а также выработка способов борьбы с ними. Постановление определяло такие меры наказаний за антинародную деятельность, как конфискация имущества, лишение продовольственных карточек, высылка, опубликование списков врагов народа и тому подобное. И только активизация контрреволюции, покушения на деятелей и активистов Советского государства, заговоры заставили Советскую власть и ее

боевой орган — ВЧК — перейти к более суровым мерам воздействия на антисоветские элементы.

В связи с активизацией боевых действий на «внутреннем фронте» (казацких генералов и украинской Центральной рады) и угрозой срыва мирных переговоров Германией и ее союзниками большую остроту в декабре 1917 года приобрел вопрос о строительстве Красной Армии. Правда, первоначально Ленин «как бы задерживал этот ответственный шаг...» — писал Н. И. Подвойский. — Когда мы предлагали ему, чтобы от имени Совпаркома он обратился к населению страны с манифестом о создании Красной Армии, он отклонил эту мысль и предложил другой путь — провести решение о создании Красной Армии самым демократическим путем, через Советы... Так и было сделано. Это был сложный политический вопрос, и очень важно было знать, как отнесутся к его постановке и решению трудящиеся Советской России, безмерно уставшие от войны и военных тягот». Поэтому только после того, как резолюции о необходимости создания новой, социалистической армии были приняты Петроградским и Московским Советами, а также Советами других городов и солдатской секцией III Всероссийского съезда Советов, декрет о создании Красной Армии был принят Совпаркомом 15 (28) января 1918 года.

После утверждения декрета, тщательно отредактированного Лениным, с тем чтобы придать ему политическую остроту и законченность, сделать понятнее народу, повсеместно была открыта запись в Красную Армию. Видную роль в создании ее первых частей сыграли те отряды революционных войск, которые вынесли на своих плечах тяжесть борьбы с вооруженной контрреволюцией в конце 1917 — начале 1918 года; многие из этих отрядов целиком влились в новую армию.

Претворение в жизнь декрета СНК о создании Красной Армии было ускорено агрессией германского империализма против Советской России в феврале 1918 года.

Очень важное место в деятельности Советского правительства занимали вопросы упрочения связи с широчайшими массами трудящихся, соединения революционных починов «сверху» с революционной активностью «снизу». В таком соединении Ленин видел и условие, и форму реализации программы социалистических преобразований. Первостепенное значение он придавал законам и постановлениям Советского правительства — «декретам Октября», видя в них один из наиболее действенных способов пробуждения инициативы масс, активизации их деятельности в углублении и расширении социалистических завоеваний Октябрьской революции. «...Издавая законы, идущие навстречу чаяниям и надеждам широких народных

масс,— говорил Ленин,— новая власть ставит вехи по пути развития новых форм жизни».

Начало пропаганды законами положили Декрет о мире и Декрет о земле II Всероссийского съезда Советов. А на первом же заседании Совнаркома, 27 октября (9 ноября) 1917 года, был принят и на следующий день опубликован в газетах Декрет о печати — первый закон Советской власти о принципах и методах защиты революционных завоеваний. В нем выражена непреклонная решимость Советского правительства вести беспощадную борьбу с теми, кто пытался «отравлять умы и вносить смуту в сознание масс» в тот момент, «когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается». Декретом определялись «временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса». Этот декрет провозглашал право и обязанность власти трудящихся защищать завоевания революции.

Одним из программных, определяющих основы нового общественного строя законов Советского государства было и упоминавшееся выше «Положение о рабочем контроле». Причем некоторые из членов комиссии, созданной для выработки окончательного текста этого положения, придавали чрезмерное значение тому, чтобы в нем была детально разработана организационная сторона рабочего контроля; они настаивали на том, чтобы подчеркнуть необходимость перехода от стихийного, организуемого самими рабочими массами контроля к государственному, то есть регламентированному и централизованному государством, рабочему контролю. Ленин возражал против такого подхода к закону, главной задачей которого он считал провозглашение рабочего контроля и выработку основных принципов проведения его в жизнь. «Из того, что он мне говорил в частной беседе,— вспоминал С. А. Лозовский,— было ясно, что для него организационная сторона дела в данном случае была второстепенной, ибо в декрете о рабочем контроле он усматривал прежде всего развертывание инициативы рабочих масс и близкий, практический подход их к процессу производства».

Такие акты Советской власти, как Декларация прав народов России и написанная Лениным Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, декреты о свободе совести, о гражданском браке, о суде и об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, обращения СНК «К населению» и «Ответ на запросы крестьян» и многие другие звали трудящихся «к массовому практическому делу».

Другой формой связи правительства с широкими народными массами, которой Ленин также придавал очень большое значение, была работа с посетителями, непрерывный поток которых хлынул в Смольный сразу же после победы Октября. Особое внимание уделялось приему делегаций трудящихся — рабочих, ходоков-крестьян, представителей местных Советов. Общение с ними служило одним из самых надежных источников информации о положении дел на местах и особенно о настроениях масс. В свою очередь, представители трудящихся получали здесь, в Смольном, ответы на вопросы, возникавшие в ходе строительства новой жизни.

«Из самых глухих деревушек Рязанской, Курской и даже Киевской губ. приезжали к Ильичу ходоки-крестьяне,— рассказывала М. Н. Скрипник, работавшая в то время в Секретариате СНК.— Приезжали на собранные «миром» гроши в столицу, охваченную революционным огнем.

— Пришлось бросить хозяйство, малых детей, так «мир» захотел. Порешили послать уполномоченных к тов. Ленину,— не раз говорили мне степенно и с достоинством ходоки-крестьяне».

Сохранился замечательный документ тех ярких дней — «протокол» рассказа делегатов из города Сердобска Саратовской губернии, записанного с их слов секретарем СНК Н. П. Горбуновым. В беседе с ними, говорится в «протоколе», В. И. Ленин «преподал в напутствие делегатам, для передачи на месте, в гор. Сердобске и его округе, правственное правоучение о сохранении порядка, о недопущении различных насильственных погромов со стороны кого бы то ни было, просил строжайше следить за провокацией, саботажем и другими преступными действиями контрреволюционеров, злонамеренных лиц, хулиганов, темных личностей». Ленин поблагодарил сердобчан за их стремление лично, своими глазами убедиться во всем и выразил уверенность, что Сердобский Совет всегда и всеми силами поддержит дело революции и окажет содействие Совнаркому в его начинаниях. «В добавление ко всему сказанному,— отмечается в «протоколе»,— тов. Ленин лично написал инструкцию для руководства Советам и земельным комитетам, копия с которого при сем прилагается, и приказал выдать делегации литературу и газеты для ознакомления населения гор. Сердобска и его окрестностей с ходом дел в Петрограде».

Упомянутая «инструкция» — это «Ответ на запросы крестьян», написанный В. И. Лениным по просьбе Н. П. Горбунова, чтобы секретари СНК раздавали его ходокам-крестьянам как разъяснение Председателя Совнаркома по самому важному для крестьянства вопросу — о земле. «В ответ на многочисленные запросы крестьян

разъясняется, что вся власть в государстве перешла отныне всецело в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...— писал Ленин.— Помещичья собственность на землю Вторым Всероссийским съездом Советов отменена... Все помещичьи земли полностью поступают в руки Советов крестьянских депутатов». Он призывал крестьян брать земли и инвентарь помещиков, но относиться к ним как к общенародному достоянию и сохранять полный порядок. Это обращение Председателя СНК к крестьянству неоднократно перепечатывалось в газетах, было издано отдельной листовкой, а его машинописные копии раздавались крестьянским делегациям в Смольном.

Тесная связь с трудящимися была и поныне остается важным элементом ленинского стиля государственной деятельности.

«Исторические революционные свершения советского народа,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»,— его успехи в борьбе за построение коммунистического общества, победы, одержанные на трудном, неизведанном пути, которым идет наша страна уже шестидесятый год,— получили признание во всем мире. Они являются прямым продолжением дела Октября, воплощением в жизнь идей великого Ленина. Эти успехи и достижения, этот исторический опыт стали путеводной звездой современного мирового революционного движения». Трудящиеся нашей страны всегда будут помнить, что первые шаги на этом историческом пути наш народ делал под руководством образованного II Всероссийским съездом Советов Советского правительства во главе с В. И. Лениным.

М. ПАНКИН,
начальник сектора
юридического отдела
Государственного комитета
Совета Министров СССР
по труду и социальным
вопросам

ПРАВА МОЛОДЫХ РАБОЧИХ И СПЕЦИАЛИСТОВ

В постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 года «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» указывается: «Социализм открыл трудящимся широчайший доступ к знаниям, к богатствам духовной культуры. В дореволюционной России около трех четвертей взрослого населения было неграмотным. Сейчас же более трех четвертей работников, занятых в народном хозяйстве, имеет высшее или среднее (полное или неполное) образование». Различными видами обучения в 1976 году было охвачено более 93 миллионов человек. Из них в общеобразовательных школах всех видов обучалось 46,5 миллиона, в средних профессионально-технических училищах — 1,5 миллиона, в техникумах и других средних специальных учебных заведениях — 4,6 миллиона, в высших учебных заведениях — 5 миллионов.

В истекшем году в народное хозяйство было направлено 1843 тысячи специалистов, в том числе 735 тысяч с высшим образованием и 1108 тысяч со средним специальным образованием.

Характерная особенность народного просвещения в СССР — не только равенство всех граждан в получении образования независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, отношения к религии, имущественного и социального положения, но и бесплатность всех видов обучения, содержание части учащихся на полном государственном обеспечении, выплата стипендий учащимся и студентам и оказание им другой материальной помощи. Кроме того, молодым рабочим и специалистам, окончившим учебные заведения, предоставляются льготы и преимущества, о которых мы и расскажем в настоящей статье.

Сразу же следует отметить, что молодыми рабочими и специалистами здесь и далее называются лица, окончившие высшие, средние специальные и профессионально-технические учебные заведения, учебно-курсовые комбинаты, курсы, учебные пункты либо прошедшие индивидуально-бригадное обучение непосредственно на производстве.

ОТПУСК

Прежде всего, перед выпускниками не стоит проблема трудоустройства. Еще в стенах учебного заведения они получают путевку в жизнь и государственные комиссии по персональному распределению направляют их на объекты народного хозяйства. В случаях, установленных законодательством, по личной просьбе самих учащихся и студентов комиссии предоставляют им возможность самостоятельно устраиваться на работу.

Но еще до того, как выпускники приступят к работе, им необходимо отдохнуть. Для этого установлены отпуска. Если молодой специалист окончил высшее или среднее специальное учебное заведение, то ему до начала работы предоставляют месячный отпуск. За время отпуска ему выплачивают пособие в размере месячной стипендии за счет предприятия, на которое его направили. Заработная плата за время отпуска не выплачивается.

Молодым специалистам, которым было предоставлено право самостоятельно устраиваться на работу, а также тем, которые в последнем семестре не получали стипендию, пособие за время отпуска не выплачивается.

Во всех случаях указанный отпуск должен быть использован молодым специалистом в предусмотренное законодательством время — то есть непосредственно после окончания учебного заведения.

Выпускникам профессионально-технических и технических училищ отпуск предоставляется за счет предприятий,строек, совхозов, других организаций, куда они направлены. Эти отпуска оплачиваются в порядке, установленном законодательством.

Если выпускнику меньше восемнадцати лет, то продолжительность его отпуска один месяц. А для того, кому к моменту окончания училища уже исполнилось восемнадцать лет, продолжительность отпуска такая, какая установлена на предприятиях, стройках, в совхозах, организациях для работников профессии и специальности, на которую зачислен молодой рабочий, но не менее 15 рабочих дней.

Лицам, окончившим курсы по подготовке и повышению квалификации, отпуск не предоставляется. Дело в том, что начальная профессиональная подготовка проводится сравнительно недолго — до

шести месяцев, а по некоторым сложным профессиям — до года. Незначителен и срок повышения квалификации и обучения вторым профессиям — до шести месяцев.

Однако тем из них, которые направлены на обучение или повышение квалификации предприятием, совхозом, строительной или другой организацией и возвратились на работу, откуда их направили, время обучения засчитывается в трудовой стаж, дающий право на отпуск с оплатой из расчета среднего заработка за 12 месяцев работы перед уходом в отпуск. Если трудящийся перед уходом в отпуск проработал менее 12 месяцев, то средний заработок исчисляется исходя из заработка за фактически проработанное время. Денежные суммы, которые он получал во время обучения, в среднем заработке не учитываются.

Но вот отпуск подходит к концу — и молодому специалисту надо ехать на работу. Администрация места будущей работы должна оплатить стоимость проезда самого работника и членов его семьи, провоз имущества, суточные работнику за время нахождения в пути, единовременное пособие на самого работника и членов его семьи. При проезде по железной дороге оплачивается стоимость билетов и плацкарты в жестком вагоне. При переезде водным путем возмещается стоимость билетов второго класса, а автотранспортом — стоимость проезда в данной местности.

Единовременное пособие выплачивается в размере половины оклада или тарифной ставки по месту назначения, а на членов семьи специалиста — в размере одной четверти его пособия. Направленным на работу в районы Крайнего Севера и в приравненные к ним местности из других районов страны единовременное пособие увеличивается в четыре раза, а суточные — в два раза, при условии заключения срочного трудового договора о работе в этих районах и местностях на три года, а на островах Северного Ледовитого океана — на два года.

РАБОТА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ И КВАЛИФИКАЦИИ

Закон устанавливает, что молодые рабочие, окончившие профессионально-технические и технические училища, должны быть обеспечены работой в соответствии с полученной специальностью и квалификацией. При этом производственные разряды, классы, категории, присвоенные лицам, окончившим профессионально-технические учебные заведения, обязательны для предприятий, учреждений и организаций всей страны.

Рабочим и служащим, окончившим вечернее (сменное) профессионально-техническое училище или вечернее (сменное) отделение (группу) при дневном профессионально-техническом училище и сдавшим выпускные экзамены, тоже присваивается производственная квалификация и выдается аттестат. Хотя они и не подлежат распределению, но это не освобождает администрацию от необходимости предоставления им работы в соответствии с полученными специальностью и квалификацией.

Это правило относится также и к лицам, окончившим высшие и средние специальные учебные заведения. Согласно Положению об их распределении администрация предприятий и организаций, в которые они направлены, обязана предоставить им работу по специальности и квалификации, полученным в учебном заведении, и должности не ниже указанной в удостоверении о направлении на работу.

Министерства (ведомства) имеют право использовать на рабочих местах и лишь по утвержденным ими перечням рабочих профессий и квалификаций для данной отрасли промышленности лиц, окончивших средние специальные учебные заведения.

На молодых специалистов, окончивших техникумы и занятых в качестве рабочих, распространяются условия оплаты труда, установленные для рабочих данного производства. Причем в течение первых шести месяцев заработная плата им выплачивается по выполняемой работе согласно установленному разряду, но размер ее должен быть не ниже минимального должностного оклада техника.

Выпускники высших учебных заведений должны пройти стажировку на тех предприятиях, куда они направлены по распределению. Продолжительность стажировки до одного года. В это время молодые специалисты выполняют должностные обязанности и получают заработную плату по штатному расписанию. На стажировке они под руководством высококвалифицированных работников приобретают практические навыки для выполнения обязанностей по занимаемой должности, изучают особенности своей работы, углубляют знания по экономике производства, научной организации труда и управления, знакомятся с новейшими научно-техническими и производственными достижениями. На основе материалов стажировки и рекомендаций комиссии по подведению ее итогов руководитель предприятия издает приказ, которым оставляет молодого специалиста на занимаемой должности или продвигает его по работе. Время стажировки включается в трехлетний срок работы молодого специалиста по месту распределения. Не засчитываются в срок стажировки периоды длительного отсутствия на работе — в связи с болезнью, отпуском по беременности и родам, призывом на военные сборы и так далее.

Молодым специалистам, прибывшим на предприятия по персональному распределению после окончания высших и средних специальных учебных заведений, испытание с целью проверки их соответствия поручаемой работе не устанавливается. Эти специалисты не подлежат аттестации в течение трех лет работы по направлению.

В этот же период запрещается использовать молодых специалистов в управленческом аппарате, перемещать их на работы, не связанные с их специальностью, а также увольнять без разрешения министерства (ведомства), которому подчинено данное предприятие.

Если молодой специалист в течение указанного срока по какой-либо причине не может быть использован на предприятии, куда он направлен комиссией по распределению, или предприятие не выполняет условий трудового договора, записанных в удостоверении о направлении на работу, министерство (ведомство), в ведении которого находится предприятие, обязано предоставить молодому специалисту иную работу в своей системе или по его просьбе откомандировать на работу в систему другого министерства (ведомства) по согласованию с данным министерством, ведомством.

Молодые специалисты, окончившие высшие и средние специальные учебные заведения без отрыва от производства, должны быть также обеспечены работой по специальности (квалификации). Если на предприятии, где работают молодые специалисты, нет работы по специальности, которую они получили в учебном заведении, то по их желанию соответствующее министерство или ведомство может направить их для работы по специальности на другие предприятия в той же или другой местности. При таком переводе обязательно выплачиваются компенсации, связанные с переездом работника и членов его семьи, и возмещаются расходы по провозу багажа.

В организованном порядке обеспечиваются работой и лица, окончившие аспирантуру с отрывом от производства. По путевке министерства или ведомства, в ведении которого находится высшее учебное заведение или научно-исследовательское учреждение, готовящее аспирантов, они направляются для работы по специальности в высшие учебные заведения, научно-исследовательские учреждения, на предприятия.

При направлении в другую местность лиц, окончивших аспирантуру с отрывом от производства и защитивших диссертацию, либо принятых в аспирантуру с практическим опытом не менее двух лет, независимо от защиты диссертации, по месту работы им выплачиваются компенсации, связанные с переездом, по нормам для рабочих и служащих, направляемых на работу в другую местность. А тем,

кто до поступления в аспирантуру не имел опыта практической работы и не защитил диссертации,— по нормам, установленным для молодых специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения.

На администрацию предприятия, учреждения, организации возложена также обязанность обеспечивать работой по специальности и квалификации рабочих и служащих, прошедших производственно-техническое обучение непосредственно на производстве или на курсах по подготовке квалифицированных работников. Например, администрация предприятия обязана так организовать труд рабочих и служащих, чтобы каждый работал по своей специальности и квалификации, имел закрепленный за собой станок, машину и так далее.

ПОНИЖЕННЫЕ НОРМЫ ВЫРАБОТКИ

Для того, чтобы привлечь в народное хозяйство новых рабочих, особенно из числа молодежи, и закрепить их на производстве, была введена и в последние годы получила распространение такая льгота, как возможность устанавливать молодым рабочим в течение определенного периода с начала трудовой деятельности пониженные нормы выработки. К молодым рабочим в данном случае независимо от возраста относятся лица, поступившие на предприятие после окончания общеобразовательной школы с производственным обучением, краткосрочных курсов, профессионально-технических училищ или прошедшие индивидуально-бригадное обучение непосредственно на производстве.

Конкретные размеры понижения норм выработки и срок применения пониженных норм (в пределах, установленных законодательством) утверждаются руководителем предприятия по согласованию с фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза.

Действующее законодательство не предусматривает условий, при которых возможно устанавливать пониженные нормы выработки молодым рабочим. По сложившейся практике администрация и комитет профсоюза, решая этот вопрос, учитывают степень напряженности (технической обоснованности) норм выработки, действующих на предприятии, уровень техники, научной организации труда и производства и передового опыта, возможность выполнения молодыми рабочими действующих норм и другие обстоятельства.

Понижение норм выработки должно в первую очередь служить тому, чтобы молодые рабочие постепенно осваивали производство, совершенствовали свои профессиональные знания, приобретали нужные навыки в работе.

Сейчас применение пониженных норм выработки для молодых рабочих независимо от их возраста предусмотрено не на всех промышленных предприятиях и в строительных организациях, а только там, где это определено специальными нормативными актами.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДЬЮ

Молодые специалисты, окончившие высшие и средние специальные учебные заведения либо аспирантуру, обеспечиваются жилой площадью, указанной в удостоверении, предприятием, на которое они направлены.

Если молодые специалисты направлены на работу в учреждения просвещения, культуры, здравоохранения, торговли, бытового обслуживания населения, суда и прокуратуры, а там отсутствует ведомственная жилая площадь, то обеспечить жилой площадью, указанной в удостоверении, должны местные Советы депутатов трудящихся по ходатайству соответствующих учреждений и организаций. Президиум ВЦСПС в постановлении «О недостатках в использовании ФЗМК профсоюза своих прав по распределению жилой площади» от 12 февраля 1960 года обратил внимание профсоюзных организаций на то, что необходимо обеспечивать жилой площадью, наряду с нуждающимися рабочими, инженерно-техническими работниками и служащими, имеющими длительный стаж работы, также и молодых специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения.

Отказ в предоставлении жилого помещения, указанного в удостоверении, может быть обжалован только в административном порядке. Поэтому, если в направлении на работу молодого специалиста указано на необходимость предоставить ему жилую площадь по месту назначения, предприятие, на которое он направлен, обязано ему ее предоставить. При отказе в этом молодой специалист должен обратиться в министерство по подчиненности предприятия с просьбой о перераспределении его на другое предприятие той же системы. Если министерство в этом ему откажет, то специалист может обратиться в комиссию по трудовым спорам с заявлением о расторжении трудового договора. Необходимо обратить внимание на такое существенное правило: молодые специалисты должны обеспечиваться жилым помещением только в тех случаях, если они не имеют его по месту назначения. Поэтому при направлении специалиста на работу в населенный пункт, в котором он уже проживает как наниматель, член ЖСК или собственник дома либо как член семьи названных лиц,

дальнейшее улучшение его жилищных условий может происходить лишь на общих основаниях, а не в первоочередном порядке.

Что касается молодых рабочих, прошедших индивидуально-бригадное обучение непосредственно на производстве или вернувшихся на предприятие после окончания курсов, то они обеспечиваются жилой площадью в порядке очередности на общих основаниях со всеми рабочими и служащими.

Мы рассказали вам об основных правах молодых рабочих и специалистов. Знать их должны не только те, кто заканчивает институт, техникум, курсы. Должны их знать и люди старшего поколения, в чьи коллективы придут те, кто закончил обучение и приобрел специальность.

На октябрьском (1976 года) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что в ближайшие годы с особой остротой будет стоять задача более рационального использования трудовых ресурсов, ускорения роста производительности труда. Это в свою очередь потребует подготовки новых кадров — квалифицированных молодых рабочих и специалистов. Забота о воспитании этих кадров, строжайшая охрана их законных прав и интересов — дело государственной важности, потому что широчайшие права и льготы, предоставленные молодым рабочим, техникам, инженерам, — это еще одно достижение социализма. И служит оно нашему общему делу — строительству первого в мире коммунистического общества.

ДЕЛА ЮНЫХ

Небольшой читальный зал республиканской юношеской библиотеки города Нальчика заполнен до отказа. Нас — руководителей республиканских правоохранительных органов, представителей издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», редакции журнала «Человек и закон», секретарей Нальчикского горкома ВЛКСМ, работников-энтузиастов республиканской юношеской библиотеки — встречают ребята.

Начинается очередное занятие Школы юного правоведа. Это занятие с полным правом можно назвать и читательской конференцией, и встречей за «круглым столом». Школьники и взрослые одинаково серьезно, заинтересованно обсуждают проблемы правового воспитания, которые освещаются в журнале «Человек и закон», в книгах серии «Закон обо мне и мне о законе» и ежегоднике «Именем закона», издающихся «Молодой гвардией».

Один за другим выступают школьники. Среди них есть и такие, которых не так давно относили к числу «трудных», а сейчас они в активе Школы, в активе борцов с правонарушениями. На сегодняшнем занятии есть юноши, которых и сейчас считают «трудными». Руководители Школы результативность правовоспитательной работы оценивают не только по активности на занятиях, не по рефератам, которые пишут ребята, а по их поведению в семье, школе и в общественных местах.

Ребята делятся своими впечатлениями о книгах по правовому воспитанию, которые выпускает «Молодая гвардия», о журнале «Человек и закон». Причем говорили издателям, редакторам, авторам не только приятные слова. Нет, почти каждый из них высказывал и кри-

тические замечания. Ребята предложили давать в журнале «Человек и закон» и в ежегоднике «Именем закона» больше очерков, воспитывающих молодежь на положительных примерах. Просили издательство «Молодая гвардия» выпустить книги «За страницами учебника», где в более доступной форме разъяснить некоторые главы учебника по основам государства и права.

Зрелость выступлений учащихся Школы юного правоведа проявилась в понимании того, что добиться эффективности правового воспитания, как части идейно-нравственного воспитания, можно, говоря словами Л. И. Брежнева, лишь в тесном единстве «идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся».

Взрослые участники встречи больше слушали (было что послушать!), иногда задавали вопросы, уточняли ту или иную мысль и ограничивались короткими репликами: всем хотелось понять настроение ребят, почувствовать, усвоили ли они основы правовых знаний, насколько глубоки их правовые убеждения.

Школа юного правоведа работает при Министерстве внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР. Активно участвует в работе Школы городской комитет комсомола.

Несколько слов о порядке обучения.

В Школе ребята обучаются два года. Первый учебный год начинается в январе и заканчивается в мае. На второй курс слушателей переводят в торжественной обстановке после подведения итогов конкурса рефератов учащихся. Затем, с сентября по май, ребята проходят второй курс обучения. Выпускники получают свидетельство и удостоверение. Им предоставляется право пропаганды основ юридических знаний в своей школе и в опорных пунктах охраны порядка. Занятия в Школе проводятся один раз в месяц по воскресеньям. Лекции и практические занятия ведут опытные работники суда, юстиции, прокуратуры, милиции (ГАИ, в частности).

Помимо Школы юного правоведа при горкоме ВЛКСМ и горвоенкомате активно действует Школа мужества — военно-патриотический молодежный клуб.

В одно из воскресений каждого месяца в Нальчике у здания горкома комсомола собирается около полутысячи юношей и девушек. Начинается парад. Командиры батальонов сдают рапорт Герою Советского Союза К. Л. Карданову о готовности школы к очередному занятию. Под звуки оркестра вся колонна шагает по проспекту Ленина, впереди торжественно плывет флаг Школы мужества. Ребята направляются к кинотеатру «Восток», где и проходит очередное занятие.

Основная цель клуба — военно-патриотическое воспитание молодежи, приобщение юношей и девушек к революционным, боевым и трудовым традициям советского народа, героической истории Коммунистической партии, Ленинского комсомола, советских Вооруженных Сил, подготовка допризывной молодежи к службе в рядах Советской Армии, пропаганда и распространение военно-технических знаний, физическая и моральная закалка будущих воинов.

В клуб принимаются учащиеся 8—9 классов средних общеобразовательных школ и профессионально-технических училищ. Время пребывания в Школе мужества — два года. У нее есть свое знамя и эмблема. Все имеют форму, нагрудный знак и на рукавные нашивки. Новые члены принимаются в торжественной обстановке у Вечного огня один раз в год — в День Победы. Слушатели Школы изучают историю советских Вооруженных Сил, гражданской и Великой Отечественной войн, овладевают основами военных знаний и гражданской обороны. Для ребят организуются военно-спортивные игры и соревнования по военно-техническим видам спорта, викторины и олимпиады, проводятся конференции и выставки военно-технической литературы, строевые смотры и парады, показы учебных кинофильмов, вечера вопросов и ответов, встречи с ветеранами войны, труда, партии и комсомола, походы по местам революционной и боевой славы.

Военно-патриотический клуб — хорошая школа для воспитания у молодых людей воли, целеустремленности. Организует и направляет всю работу горком комсомола города Нальчика во главе с секретарями Валерием Ковалевым и Русланом Урусовым. Горком организовал и трудовой военно-спортивный лагерь «Олимп». Каждое лето более ста ребят уезжают на два месяца в совхоз «Нальчикский». Несколько часов в день ребята работают, остальное время занимаются военно-прикладными видами спорта.

Военно-спортивный лагерь «Олимп» и Школа мужества многое делают и для перевоспитания «трудных» ребят. Комсомольцы всегда активно участвуют в профилактике правонарушений. Они делают все, чтобы оступившийся подросток стал на правильный жизненный путь, заботятся о нравственном и правовом воспитании.

Воспитатели лагеря «Олимп» — комсомольские активисты, секретари комитетов комсомола. Все они имеют педагогическое образование и опыт воспитательной работы. Уклад лагерной жизни вырабатывает у подростка такие черты характера, как трудолюбие, самостоятельность, у него растет уважение к праву, закону.

Республиканская юношеская библиотека в Нальчике помогает не только школам и училищам, но и республиканским, городским правоохранительным органам, комсомолу, общественным организациям

в воспитании у подрастающего поколения высоких принципов коммунистической морали, любви к Родине, стремления к знаниям и трудолюбия.

Школа юных правоведов, с занятия которой мы начали свой рассказ, создана Министерством внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР, но работает она на базе республиканской юношеской библиотеки. А Школа мужества создана Нальчикским горкомом ВЛКСМ и горвоенкоматом, но и она широко пользуется помощью республиканской юношеской библиотеки.

Душой Школы юного правоведа, Школы мужества является директор республиканской юношеской библиотеки Елена Сафарбиевна Темботова — депутат городского Совета.

На встрече с юными правоведами отмечалось, что за последние пять лет число правонарушений несовершеннолетних снизилось, и это результат огромной работы партийных и профсоюзных организаций, комсомола, милиции, органов юстиции, прокуратуры, суда по профилактике правонарушений и ликвидации преступности.

Отмечалось на встрече и большое значение национальных традиций, национальных обычаев в воспитании подрастающего поколения. Особое значение имеет у горцев старинный обычай почитания старших. С малых лет воспитывается у детей уважение к матери, женщине. В быт людей внедряются и новые традиции, играющие важную роль в системе коммунистического воспитания молодежи.

Комсомольские организации много внимания уделяют воспитанию молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях Коммунистической партии и советского народа.

Дело это чрезвычайной важности, сложное и ответственное. Ведь речь идет о воспитании продолжателей великого революционного дела, хорошо знающих историческое прошлое и героическое настоящее, способных претворить ленинскую мечту, грандиозные планы партии в коммунистическую реальность.

Н. ПРИТУЛИНА,
редактор издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Кампания клеветы и давления на советское правосудие в связи с делом Михаила Штерна началась два с половиной года назад с митингов и сборов подписей в защиту этого человека, которого обвиняли в том, что, заведя поликлинику Винницкого областного эндокринологического диспансера, он вынуждал пациентов платить за лечение, вымогал взятки, спекулировал лекарствами. Тысячи терапевтов, хирургов, стоматологов, отоларингологов и других медиков в США, Канаде, Голландии, Англии, ФРГ подписы-

ДЕЛО ШТЕРНА И КАМПАНИЯ КЛЕВЕТЫ

вали послания и петиции, которые пачками приходили в советские государственные инстанции. Многочисленные телефонные звонки будоражили днем и ночью работников советской юстиции. Это требовали освободить Штерна, утверждая, что он невиновен.

И даже сейчас, когда советский суд, приняв во внимание возраст Штерна, состояние его здоровья, первую судимость, исходя из высокогуманных соображений снизил срок наказания Штерну и освободил его, сионисты на Западе продолжают твердить, что процесс Штерна с самого своего начала не имел никаких оснований и был попросту затеян «антисемитами».

Недавно в Париже вышла в свет пухлая книга о деле Штерна — тенденциозная и фальсифицированная интерпретация судебного процесса в Виннице. Сионистская пропаганда пытается приравнять дело Штерна к одиозным делам Дрейфуса и Бейлиса, закрепленным в мировом общественном мнении в выгодной для сионистов трактовке, проводит между этими процессами спекулятивные и ложные параллели. Дело Штерна хотят превратить в хрестоматийный пример «антисемитского акта» в Советском Союзе. Не случайно в конце нынешнего года сионисты планируют инсценировать в Копенгагене суд над Штерном, превратив его в антисоветский спектакль. Организаторы фарса заранее потирают руки, предвкушая,

как будут глумиться над демократией и правосудием в нашей стране: освобождение Штерна они спешат выдать за признание неправоты суда, за поражение советского правосудия. Но это не так.

В судебном определении о снижении Штерну срока наказания особо подчеркнуто, что вина его была доказана полностью и преступлению дана верная квалификация. Однако суд счел возможным проявить снисхождение к Штерну, глубокую человечность. Все это извращает сионистская пропаганда, используя дело Штерна для идеологических диверсий против советского общества. Вот почему правда об этом деле замалчивается сионистами, и нужно дать его всестороннее и объективное освещение, чтобы исключить всякие кривотолки.

В ноябре 1974 года я впервые увидел Штерна, посетив его в камере для подсудимых Винницкой тюрьмы. Мы были вместе со старшим помощником прокурора области П. Лепшиным, который сообщил Штерну, что следствие по его делу закончилось и дело передано в суд. Он спросил затем Штерна, как тот себя чувствует и есть ли какие-либо жалобы.

— Жалоб никаких нет,— отвечал Штерн, экспансивный пятидесятишестилетний мужчина с черной густой бородой.— Здесь ко всем относятся вполне гуманно. Медицинская помощь оказывается каждому, кому требуется. Я в ней не нуждаюсь. Я не имею никаких претензий.

Когда представитель прокуратуры, побеседовав с другими подсудимыми (их в камере было несколько человек), собрался уходить, Штерн сказал, что хотел бы поговорить наедине. Его пригласили в отдельный кабинет, где он пространно и страстно стал доказывать свою невиновность (ну, подумаешь, брал червонец или два за прием — в качестве благодарности). Затем Штерн сообщил, что желает сделать заявление, которое просит передать председателю областного суда. В заявлении этом Штерн просил «в интересах Советской власти» отменить судебное разбирательство по его делу.

— За меня вступится за граница, и Советский Союз понесет большой пропагандистский ущерб,— так и сказал Штерн.

Ранее Штерн был согласен и на иной вариант. «В крайнем случае мне может быть предъявлено обвинение в перепродаже дефицитных медикаментов по повышенным ценам,— писал он в заявлении в прокуратуру.— Как мне кажется, вышеизложенное дает основание предъявить обвинение в злоупотреблении служебным положением и спекуляции медикаментами... Мое условное осуждение будет свидетельствовать о советском гуманизме, терпимости, дальновидности и создает благоприятную обстановку для полного пере-

осмысливания моих ошибок и заблуждений». Это, повторяю, было написано ранее, когда следствие только началось. Теперь же, накануне суда, позиция Штерна явно ужесточилась, он стал говорить о «заступничестве за границы».

Характер этого заступничества был к тому времени уже ясен из зарубежных петиций, телеграмм и звонков. Но апофеозом всего, вне сомнения, стала статья в лондонской «Таймс» 28 ноября 1974 года, которую написал обозреватель газеты Бернард Левин.

«В предстоящий понедельник в маленьком украинском городе Виннице,— писал Бернард Левин,— начинается судебный процесс, подобного которому цивилизованный мир не видел в течение последних пяти или шести веков. Заключение — еврейский доктор Михаил Штерн — обвиняется в намеренном убийстве младенца путем отравления... Все пациенты Штерна, которых он принимал в течение последних десяти лет, допрашивались специальной группой из 25 следователей. Эти следователи требовали подтвердить вину Штерна в детоубийстве».

В статье Левина утверждалось, что Штерн ни в чем не виновен, отвергалась сама возможность какой-либо его вины. Фактически Штерн объявлялся неподсудным лишь на том основании, что он еврей.

Публикация эта не оставляла сомнений в том, что сионисты решили раздуть, в общем-то, заурядное дело о мошенничестве и вымогательстве взяток для разжигания национальной розни, возбуждения на западе недовольства внутренними порядками в Советской стране и для дискредитации социалистической демократии. Этим целям содействовал сам подсудимый и его родственники, которые думали повлиять таким способом на правосудие.

Процесс в Виннице проходил открыто и гласно. В зале присутствовали представители общественности, печати, родственники подсудимого. Приехали из Москвы и несколько активных добровольных помощников, которые после каждого заседания звонили в Лондон и передавали в сионистские организации, ведущие пропагандистскую кампанию по делу Штерна, грубо искаженную информацию о ходе процесса. В Англии и других западных странах эту дезинформацию публиковали, подстрекая общественность выступать в поддержку «невинного доктора, которого судят антисемиты на Украине».

В первый день суда, согласно процедуре, председательствующий на процессе В. Орловский огласил обвинительное заключение, в котором говорилось, что Штерн, заведя поликлинику Винницкого областного эндокринологического диспансера, использовал в целях наживы свое служебное положение. Он вынуждал пациентов пла-

тить ему за лечение, продавал лекарства по спекулятивным ценам. Эти действия квалифицировались как вымогательство взяток и мошенничество, согласно статьям 168 и 143 Уголовного кодекса Украинской ССР. В свидетелях не было недостатка. Житель села Плиски Погребищенского района Семен Гужва сообщил суду, что его жена в октябре 1971 года была тяжело больна, перенесла операцию. Он привез ее в эндокринологический диспансер на прием к врачу. Штерн осмотрел больную, обещал вылечить, но потребовал «магарыч». Семен Гужва тут же поехал домой и привез Штерну 50 рублей. После этого Штерн дал направление в стационар. Семен почти каждый день навещал больную жену в больнице и часто встречался на территории диспансера с доктором Штерном. Тот зазывал его к себе в кабинет, говорил, что активно участвует в лечении больной, хотя не имел к этому никакого отношения — М. Гужву лечили другие врачи. Штерн же систематически вымогал у Семена Гужвы деньги и продукты питания. Семен полагал, что Штерн и вправду лечит его жену, достает ей «дефицитные заграничные лекарства». За это Семен регулярно давал Штерну деньги, приносил к нему домой уток, кур, яйца, масло и другие продукты.

После того как М. Гужва выписалась из стационара, ей требовалось пройти обследование в Киевском научно-исследовательском институте эндокринологии и во врачебно-трудовой экспертной комиссии — для оформления инвалидности. За выдачу направлений на эти обследования Штерн также требовал взятку и получил от Семена Гужвы 95 рублей.

Вызванная в суд свидетельница Анна Оверчук сообщила, что ее сын лечился у Штерна. За это Штерн выудил у Оверчук и ее мужа 32 руб. для «покупки заграничных лекарств».

Ампулы Штерн продал матери своего несовершеннолетнего пациента В. Лесового Анне Матвиенко. Она сообщила суду, что за коробку сустанона она заплатила Штерну 25 рублей, положив деньги в открытый ящик стола перед ним. После этого Штерн еще дважды продавал это лекарство Анне Матвиенко по завышенной цене.

Свидетельница Н. Кондратюк показала, что Штерн рекомендовал ей фепранон, за который она тут же уплатила ему 5 рублей, тогда как это лекарство стоит в аптеке 52 копейки. «Я знала, что цена завышена в десять раз,— сказала Н. Кондратюк,— но я знала и то, что если не уплачу, Штерн меня в следующий раз не примет».

Михаил Сушко рассказал, что Штерн прописал его несовершеннолетнему сыну тереоидин и тут же предложил купить у него 2 флакона за 10 рублей. Сушко купил лекарство и обнаружил, что

цена на этикетке стерта. Он пошел в аптеку, где узнал, что флакон тереоидина стоит 15 копеек.

Отец другого пациента Николай Безкурский из села Слободники показал, что, осмотрев сына, Штерн сказал: «Лечение будет стоить дорого»,— и предложил лекарство за плату. Взяв из рук Безкурского 25 рублей, а затем 3 килограмма рыбы, Штерн на собственной автомашине подвез его к своему дому в Виннице, откуда вынес коробку префизона (государственная цена 2 руб. 30 коп.). Когда через некоторое время Безкурский с сыном вновь приехали к Штерну и заявили, что лечение не дает результатов, Штерн предложил прийти к нему на квартиру, пообещав другие, «еще лучшие лекарства». Получив 7 рублей, Штерн дал 10 таблеток тереоидина.

Колхозница Т. Плясун-Сокур сообщила суду, что Штерн продал ей для лечения сына коробку хориогонина, взяв за нее 40 рублей, тогда как она стоит 2 рубля 28 копеек.

«Штерн у меня вытряхнул последние деньги,— сетовал свидетель П. Малишевский, отец больного ребенка, лечившегося у Штерна.— Дал две коробки инсулина, флакон тереоидина, апилан — их цена 6 рублей 16 копеек. Я набрал 19 рублей, порылся еще в карманах. А Штерн говорит: «Клади шо маешь!» Я отдал последнюю пятерку».

Жительница одной из деревень близ Винницы Богуцкая рассказала, как привела сына-подростка на прием к Штерну. Врач осмотрел В. Богуцкого и сказал, что вылечит его, но нужно, чтобы «мать не скупилась». «Придется какую-то десятку потерять»,— сказал Штерн. Богуцкая дала Штерну 25 рублей, получив за это две ампулы сустанона (государственная цена 2 руб. 90 копеек). Впоследствии, когда В. Богуцкий приходил на прием к Штерну, тот неоднократно требовал принести ему земляники, черной смородины и денег. Подросток вынужден был бросить лечение.

Сходную историю рассказала мать подростка С. Полищука М. Полищук. После приема Штерн пригласил их в свою автомашину «Волга», приехал вместе с ним к городской аптеке № 5. «Там он потребовал у меня 40 рублей,— говорила М. Полищук,— и сказал, чтобы мы ждали в машине. Из аптеки он вынес много медикаментов. Потребовал у меня еще 5 рублей и дал два флакона инсулина, коробку сустанона 250 и гонадстриона. После этого я еще отнесла на дом Штерну петуха и 20 яиц».

Когда государственный обвинитель стал уточнять стоимость лекарства и продуктов, Штерн вскочил и в оскорбительной форме потребовал, чтобы прокурор не вмешивался в показания свидетелей. Председательствующий В. Орловский разъяснил, что обвинитель

действует согласно закону. В перерыве Штерн в присутствии члена Московской коллегии адвокатов Д. Аксельбанта, который осуществлял защиту интересов подсудимого в процессе, извинился перед прокурором, сказав: «Я ведь не знал закона».

Свидетельница М. Коваль, которая лечила у Штерна сына Владимира, сказала суду, что привезла домой Штерну курицу, 30 яиц, отдала деньгами 15 рублей.

Савва Король рассказал, что 15 февраля 1973 года Штерн осмотрел его сына Николая и потребовал 25 рублей. Король дал. Тогда Штерн выписал Николаю рецепт на бесплатное получение большого количества лекарств. «Все, что получите, принесите мне»,— сказал Штерн. Король принес все медикаменты, полученные бесплатно в аптеке. Штерн забрал их себе, отдав ему лишь коробку сустанона и инсулина.

Мать больного М. Прибега сообщила в своих показаниях, что Штерн сначала принимал ее сына в поликлинике диспансера, а потом предложил продолжить лечение у него на дому. За это она заплатила Штерну 50 рублей и отдала 20 яиц. «А ты скупенька!»,— сказал Штерн, получив все это (он израсходовал на А. Прибегу сустанона на 8 рублей 70 копеек).

В ходе процесса судом была назначена для участия в разбирательстве судебно-медицинская экспертиза, от которой требовалось определить, были ли у Штерна медицинские показания для освобождения от призыва на воинскую переподготовку жителя Винницы А. Гармасара, дав ему заключение, что тот болен тиреотоксикозом. Штерн, однако, отвел председателя этой комиссии. Тогда в Винницу прибыл для участия в деле новый эксперт — главный эндокринолог УССР профессор А. Ефимов.

Мать Гармасара Антонина Гармасар сообщила: «Когда Винницкий городской военкомат направил сына в эндокринологический диспансер для обследования здоровья, Штерн сказал, что освободит его от призыва, как говорится, авансом. За это мы будем должны его отблагодарить».

Невзирая на то, что лаборантка диспансера Л. Егорова правильно определила основной обмен у А. Гармасара, Штерн сам «исправил» в медицинском журнале эту цифру и дал заключение, что Гармасар болен тиреотоксикозом и подлежит освобождению от воинского призыва.

«Некоторое время спустя,— рассказала А. Гармасар,— Штерн приехал к нам на дом и потребовал «магарыч». Мы дали ему 200 рублей. Штерн сказал: «Маловато». Тогда я вытащила ему еще

продуктов: лук, чеснок, яблоки, мешок картошки. Все это Штерн увез на своей «Волге».

Суду было зачитано заключение медицинских экспертов, обследовавших А. Гармасара. Их вывод: «А. Гармасар здоров и никогда не болел тиреотоксикозом».

Когда суд приступил к допросу самого Штерна, тот ничего не говорил по существу, то и дело обращался к публике, сидящей в зале, и, энергично жестикулируя, вдавался в пространные рассуждения, обзывая всех, свидетельствующих против него, антисемитами. Председатель суда сделал Штерну замечание, подчеркнул, что Штерн избрал неубедительный и провокационный способ самозащиты, что национальная принадлежность Штерна ни при чем и его судят за вымогательство взяток и мошенничество.

Отчеты о ходе процесса, включавшие все свидетельские показания, Агентство Печати Новости направило по телексу в Лондон прямо в редакцию газеты «Таймс». Ее главный редактор сразу же понял, в какую лужу посадил уважаемую газету ставленник сионистов Бернард Левин. «Таймс» опубликовала отчеты советского агентства о процессе в Виннице и тем самым дезавуировала своего обозревателя.

Однако не дремали и сионисты. В разделе писем редактору «Таймс» появилось послание сионистского активиста из Англии Майкла Шербоурна. В его интерпретации свидетели, полностью изобличившие Штерна, превратились в хор, распевавший хвалебные гимны искусству «великого доктора». Судебно-медицинская экспертиза, раскрывшая обман при освобождении Гармасара от призыва в армию, была превращена в «комиссию», которая «оправдала» Штерна. Правда, в письме Шербоурна уже не утверждалось, что Штерна судят за отравление младенца.

На судебном следствии по делу Штерна были заслушаны показания 101 свидетеля. Такой объем свидетельского материала говорит об объективности следствия. Даже и не юристу ясно, что чем больше свидетельских показаний предъявляется суду, тем всестороннее и объективнее может быть рассмотрено дело.

Заместитель прокурора Винницкой области пригласил Виктора Штерна к себе на беседу. Прокурор указал, что в то время, как суд публично и гласно ведет разбирательство дела, за рубежом при участии В. Штерна передается намеренно извращенная и клеветническая информация — для того, чтобы из-за границы оказать политическое давление на ход процесса.

«У меня свой, субъективный подход, — оправдывался Виктор Штерн. — Важно любой ценой освободить отца».

Суд приговорил Штерна к восьми годам лишения свободы, согласно статьям 143 и 168 Уголовного кодекса Украинской ССР. Этот приговор не представляет собой какого-либо исключения в советской судебной практике. Более того, Штерн был приговорен к минимальной мере наказания, предусмотренной законом за вымогательство взяток (статья 168 УК Украинской ССР предусматривает лишение свободы на срок от 8 до 15 лет с последующей ссылкой и конфискацией имущества).

Не без злого умысла дело Штерна с самого его начала западная антисоветская пропаганда пыталась притянуть к одиозным казусам средневекового мракобесия, связанным с обвинениями иудеев в ритуальных убийствах христианских младенцев.

Социальный вред преступления Штерна обусловлен не только размером полученных им взяток — Штерн, являясь врачом на государственной службе, использовал в целях наживы свое официальное положение. Право на бесплатное медицинское обслуживание — одно из важнейших прав человека, о нем мечтают, его добиваются повсюду в мире. Советские люди обеспечили для себя это право и рассматривают его как большое социальное завоевание.

Как известно, платная медицина зачастую более усердно служит наживе врачей, нежели здоровью пациентов. В западной прессе не раз писали о том, например, что перед тем, как поставить однуединственную пломбу, дантист требует от клиента дорогостоящих рентгеновских снимков обеих челюстей. Английская «Санди Таймс» писала об алчных хирургах, готовых для укрупнения счета за операцию вырезать у клиента абсолютно здоровый орган «заодно» с заболевшим. Гангстер со скальпелем едва ли не более страшен, чем бандит с пистолетом. Система советского здравоохранения организована так, чтобы заболевание ни у кого не пробивало бреши в семейном бюджете. Медицинское обслуживание у нас бесплатно.

Нужно сказать, что «невинными жертвами» сионистская пропаганда систематически объявляет различных уголовных преступников, наказанных советским правосудием. Это — и расхитители народной собственности, и мошенники, подобные Штерну. Преступления, совершенные ими, наказуемы и по законам западных стран. Тем не менее «Таймс» и другие буржуазные газеты настаивают на невинности этих преступников, регулярно публикуют требования освободить их.

Доходит до курьезов. Возьмем дело Пинхаса Пинхасова, плотника из Дербента. В Нью-Йорке его именем даже нарекли условно авеню Беннет. Ему создали ореол «мученика за убеждения». «Убеждения» состояли в том, что Пинхасов собрал авансы за будущие

работы и решил сбежать от заказчиков в Израиль. Узнав, что Пинхасов собирается уехать, не выполнив работы, заказчики всполошились и обратились в суд. Им повезло: у них были расписки Пинхасова на 1300 рублей. За мошенничество Пинхасов был осужден дербентским городским народным судом. Ни одна газета, печатавшая фамилию Пинхасова в списках «инакомыслящих», ни словом не обмолвилась об этой истории.

Супругов Анну и Юрия Берковских, живущих в Новосибирске, суд осудил условно. Они на свободе. Однако за рубежом их причисляют к «узникам за убеждения», их имена — в списке «диссидентов». Анна Берковская, работавшая преподавателем, занималась мелкой спекуляцией. Торговала из-под полы модными кофточками и другими вещами. Ее изобличили свидетели, да она и не отрицала своей виновности. На суде ее спросили, испытывали ли они материальную нужду. «Никаких материальных затруднений у нас не было,— отвечала Берковская,— просто хотела побольше денег». При обыске у Берковских обнаружили пистолет «Вальтер» № 773211 и патроны к нему. Пистолет принадлежал Юрию Берковскому, который незаконно приобрел и хранил его.

Братьям-близнецам Аркадию и Леониду Вайнманам по 24 года. Они также числятся «страдальцами за убеждения» и «диссидентами». Их «инакомыслие» состояло в том, что, пьяные, они зашли в магазин «Союзпечать» на Сумской улице в Харькове, где продаются марки. Стали требовать у покупателя Юрия Щербова три рубля, чтобы купить еще водки. Тот не дал. Тогда Аркадий Вайнман выхватил у Щербова кляссер с марками и вышел на улицу. За Щербова заступился прохожий — Евгений Сурков. Братья Вайнманы жестоко избили его. Подоспела милиция. В свидетелях недостатка не было: все происходило в три часа пополудни.

В число «диссидентов» занесен Михаил Левиев, бывший директор фирменного магазина «Таджикистан» в Москве. Получаемые для продажи лучшие национальные таджикские шелковые ткани не попадали на прилавок, а распродавались тайно по спекулятивным ценам. Всего таким образом было реализовано 220 тысяч метров ткани на полтора миллиона рублей. За это Левиев получил 77 500 рублей взятки. Левиев скупал и перепродавал золото, занимался контрабандой и незаконными валютными операциями.

Советским судом к Штерну проявлен гуманный подход, он на свободе. Но клеветническая и провокационная кампания в связи с его делом на Западе не утихает. Недавно стокгольмская газета

«Дагенс Нюхетер» отвела целую полосу для публикации письма Виктора Штерна, в котором он пробует оправдать своего отца и доказать, что осудили его несправедливо.

Кто-то заплатил за публикацию 10 000 долларов. Под письмом стоят подписи нескольких сотен шведских врачей. Одновременно это письмо было опубликовано в крупных газетах США, Великобритании, Франции. Кто-то заплатил еще несколько десятков тысяч долларов: под публикацию отведены страницы, предназначенные для рекламы. Почему врачи подписали письмо? До некоторой степени можно понять: врачу, практикующему в Швеции, Англии, Франции или США, не придет в голову считать преступлением получение платы от пациента. Наоборот, они скорее потянут в суд пациента, если тот не будет платить за лечение.

Истина же состоит в том, что Штерн был осужден в полном соответствии с законами Советской страны. Но благодаря своему провокационному поведению этот, в общем-то, заурядный мошенник был избран империалистической пропагандой как повод для дискредитации социалистического правосудия.

БОРИС АНТОНОВ

А ведь подземный переход в двух метрах.

**по протесту
прокурора**

Исполком Пятовского поселкового Совета депутатов трудящихся Калужской области принял решение «О запрещении катания на мотоциклах и мотороллерах по улицам поселка», за нарушение которого предусматривался штраф 10 рублей.

Прокурор Дзержинского района опротестовал решение как незаконное. Право принимать решения, предусматривающие за их нарушение наложение штрафов в административном порядке, имеют лишь краевые, областные, автономных областей, окружные, районные и городские Советы депутатов трудящихся. Исполкомы этих Советов издают решения, предусматривающие наложение штрафов в административном порядке, только по вопросам борьбы со стихийными бедствиями, эпидемиями и эпизоотиями. Кроме того, прокурор признал решение исполкома Пятовского поссовета незаконным и по существу. Дело в том, что Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1962 года «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» установил, что местные Советы депутатов трудящихся и их исполкомы могут принимать решения, предусматривающие наложение штрафов в административном порядке, если эти вопросы не регулируются актами вышестоящих органов государственной власти или государственного управления и если необходимость в таких решениях вызывается местными условиями. А права и обязанности водителей автотранспорта регулируются Правилами дорожного движения, которые утверждены Министерством внутренних дел СССР 25 августа 1972 года на основании постановления Совета Министров СССР.

Ответственность за нарушение правил для мотоциклистов установлена Перечнем нарушений правил движения по улицам и дорогам Союза ССР и правил пользования автотранспортом и городским электротранспортом, за которые могут налагаться штрафы в административном порядке, утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР от 20 декабря 1963 года. А так как этот вопрос уже урегулирован действующим законодательством, исполком поссовета не вправе был принимать решение об ответственности мотоциклистов.

Протест прокурора рассмотрен и удовлетворен. Незаконное решение отменено.

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**ОБМЕН МНЕНИЯМИ,
ДИСКУССИИ**

*что сделано по вашим
письмам*

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

**ВСТРЕЧИ НА ЖУРНАЛЬНЫХ
СТРАНИЦАХ**

**РЕПОРТАЖИ ИЗ
ЗАЛА СУДА**

Свободный

Решения

XXV

съезда

КПСС —

в жизнь!

Н. ДЕРЕПА,
бригадир машинистов
экскаватора Сарбайского
рудоуправления,
делегат XXV съезда КПСС

ИДУТ ПОЕЗДА ИЗ КАРЬЕРА

Самолет летел низко над землей. Внизу расстилалась огромная желто-коричневая степь. Безжалостное в этих местах солнце выжгло ее почти дотла. Потом показалась синева небольшого озера Сарбай. И тут произошло неожиданное. Стрелка на компасе самолета неожиданно заметалась. Летчик подумал: может, неисправность какая? Однако мотор гудел ровно, без перебоев. Еще более удивило летчика то, что, как только Сарбай остался позади, компас разом успокоился. Летчик снова сделал круг и снова пролетел над озером. И опять стрелка компаса заметалась. Создавалось впечатление, что поблизости находится мощный магнит...

Так оно и оказалось. Проведенные впоследствии наземные геофизические исследования подтвердили, что здесь залегают крупные запасы магнетитовых руд. Это месторождение назвали Сарбайским. А спустя немного времени неподалеку было открыто другое, еще более крупное месторождение — Соколовское.

Я нередко вспоминаю эту удивительную, похожую на легенду историю здешних мест. В степи построен громадный горно-обогатительный комбинат. Рядом с ним вырос молодой город — Рудный. Со всех концов страны съезжается сюда молодежь. Я и мои ровесники считаемся здесь уже ветеранами. Гигант вырос на наших глазах. А в 1960 году, когда я приехал сюда с Дальнего Востока, только начинали строиться первые корпуса. И потому у меня ко всему здесь особое отношение. Люблю свой город, свой комбинат, свою профессию машиниста экскаватора...

Сегодня обычный рабочий день. Иду к отвалу, длинной гряде пустой породы. Возле нее круглые сутки работает наш экскаватор. Мой помощник Иван Селеменчук уже дожидается меня. Вместе принимаем смену у машиниста Николая Федоровича Тищенко и его помощника Ивана Александровича Девянина. Предыдущая смена прошла

спокойно. Тищенко с Девяниным того же желают и нам. Я посылаю Селеменчука проверить подъездные пути, а сам берусь за рычаги. Смена началась. Ковш мерно черпает породу и заносит ее на самую вершину отвала.

В нескольких километрах отсюда расположена гигантская чаша самого месторождения. Чтобы добыть руду, надо сначала снять покрывающий ее слой пустой породы, так называемую вскрышу. Эту вскрышу привозят сюда. А мы ее сгребаем в гигантские отвалы. Пока эти горы, темно-сизого цвета, безжизненны. Но в скором времени планируется засыпать их плодородным слоем земли и развести сады. Возможно, на этих рукотворных горах появятся дачи. Люди будут проводить здесь свой досуг...

Вернулся Селеменчук и коротко доложил:

— С подъездными путями все в порядке!

Эта проверка необходима. Подъездные пути проходят прямо по насыпной породе. Если с краю насыпь станет оползать, то надо тут же бульдозером быстренько подгрести породу, чтобы создать опору. Не проследишь — рельсы могут разойтись и подошедшие думпкары пойдут под откос. Пока их поднимешь, пути восстановишь — сколько времени уйдет! Так что уж лучше лишний раз проверить.

Такая скрупулезность стала обязательной для нашей бригады. Коллектив у нас небольшой — восемь человек: четыре машиниста, четыре помощника. И мы придерживаемся твердого правила: не только выполнять каждое сменное задание, но и стремиться к тому, чтобы работа была качественной. В Кодексе законов о труде — верном советчике в нашей повседневной жизни — подчеркивается, что рабочие и служащие обязаны улучшать качество продукции. Но это не должно достигаться за счет снижения темпов производства. Другое положение закона требует от рабочих и служащих, наряду с улучшением качества продукции, добиваться высокой производительности труда. А это немыслимо без правильной, четкой организации производственного процесса.

Вот, скажем, я только что принял смену у Девянина. Свое «рабочее место» он мне сдал в образцовом порядке. Естественно, нам с Селеменчуком работать будет легче, поскольку не надо подчищать огрехи за предшественниками. У меня будет принимать смену машинист Виктор Михайлович Исаков вместе с помощником Николаем Павловичем Гавриловым. И мы, конечно, постараемся сделать все, чтобы и у них не было никаких лишних забот.

Борьба за качество в бригаде начинается с элементарного — с заботы о технике. Конечно, каждый из нас отвечает за состояние всего экскаватора. Но мы еще ввели персональную ответственность машинистов и помощников за определенные узлы и механизмы. Если по каким-то технологическим причинам машина стоит, то это время используется для смазки, профилактических осмотров и мелких ремонтных работ. Смотришь, какая-то деталь поизносилась. Оставь ее на месте — через месяц выйдет из строя. Придется останавливать экскаватор. Лучше уж принять меры сейчас. Подремонтировать, пока это возможно. Вот и получается, что сразу два полезных дела делаем: «продлеваем жизнь» детали и одновременно предотвращаем возможный простой. И еще при этом добиваемся, пожалуй, самого главного:

машина работает безупречно. А это уже верная гарантия высокой производительности.

Нередко говорят, что качество работы зависит от добросовестного отношения человека к своему делу. Не только. А сметка? А творческая инициатива, постоянный поиск новых, более рациональных путей? Эти важные качества, мне думается, должны быть неотъемлемыми чертами характера каждого работника современного производства. И не беда, что приходится ломать какие-то установившиеся каноны, терзаться сомнениями, даже поначалу терпеть неудачи — поиск никогда не бывает легким. Еще несколько лет назад на нашем участке можно было наблюдать такую картину. Подошел электропоезд с длинной цепочкой думпкаров. А приямок — место, куда ссыпают породу, — еще полон. Машинист кричит:

— Поторопитесь!

Какое уж тут «поторопитесь», когда экскаватор и так работает на полную мощность. А вся беда в том, что приямок небольших размеров. Один электропоезд выгрузит из думпкаров породу — вот он и заполнился. Следующему электропоезду приходится ждать. Задумались мы: а что если увеличить приямок? Не думайте, что это так просто. С одной стороны приямка расположено железнодорожное полотно, с другой — громадный экскаватор. Прибавьте к этому сыпучесть насыпи с обеих сторон и поймете, что задача не так проста, как это может показаться. И все-таки мы увеличили приямок почти в три раза. Забот, конечно, сразу прибавилось. Надо следить за насыпью, более тщательно трамбовать площадку для экскаватора. При этом, как того требует трудовое законодательство, строго соблюдаем правила техники безопасности и производственной санитарии, чтобы не было аварий и несчастных случаев.

Простои электропоездов на нашем участке заметно сократились. А это — экономия в сотни и тысячи рублей.

Кстати, в повседневной производственной практике нам постоянно приходится считать. Точный расчет — неотъемлемый элемент высокого качества работы. Ну, много ли можно сэкономить, скажем, на обыкновенной электрической лампочке? Или на кабеле, по которому подается электрическое питание к гигантскому организму экскаватора? Или на тросах? Если взять это по отдельности, то немного, хотя я сам придерживаюсь твердого убеждения, что каждый сэкономленный рубль — это уже достижение. А если взять в целом, то получается довольно-таки приличная сумма. Судите сами. На эти кабели, лампочки, тросы, смазку нам по норме ежемесячно выделяется тысяча рублей. Из них мы расходует не более трехсот-четырехсот.

Не сразу, конечно, удалось этого добиться. Хоть и небольшие, но в свое время допускались просчеты. В основном теми, кто только-только пришел на экскаватор. Подойдешь к молодому рабочему, поинтересуешься:

— Тросы смазал?

— Забыл, Николай Федорович. Да их все равно через два дня менять надо, так что ничего страшного.

Приходилось ему разъяснять, что он глубоко заблуждается. Конечно, нас никто не упрекнет, если сразу после положенного срока мы заменим старый трос новым. Но ведь надо стремиться к тому, чтобы полностью использовать технические возможности старого. Тем

более что для этого требуется всего лишь регулярный и правильный уход. Да и в законе, определяющем всю нашу трудовую деятельность, говорится: коли доверена нам социалистическая собственность, то мы обязаны всемерно ее беречь и укреплять. И если благодаря нашим стараниям, бережливости, рабочей сметке какой-то узел или агрегат работает дольше положенного ему времени, так это — лишние рубли в общенародную копилку.

Пример хозяйского, рационального отношения к делу в бригаде показывают наши опытные машинисты. Вот Василий Павлович Сигаев. На его работу любо посмотреть. Все у него рассчитано до мелочей. Случись задержка электровозов на линии — он и тут не потеряется. Воспользовавшись свободным временем, начнет трамбовать трассу. Все равно это потом придется специально делать. Только справился с трассой, а тут подошли составы с думпкарами. Снова закипела работа...

Вот такую хозяйственную деловитость и сметку мы стремимся развивать в каждом члене нашей бригады. В крепком и слаженном коллективе молодые рабочие познают все секреты подлинного мастерства. А потом — уходят. Но эта «текучесть» нас отнюдь не огорчает. Появляются-то они у нас неоперившимися юнцами. А проводим мы их настоящими мастерами своего дела. Вспоминаю одного из своих подопечных, Александра Грашина. Много у него вначале не получалось, но по тому, с какой горячностью он брался за работу, как внимательно относился к технике, чувствовалось: из парня толк будет.

Подошло мне время уходить в отпуск. Но начальник участка огорчил меня:

— Понимаешь, никак не можем подыскать тебе подходящую замену.

— А зачем искать? Оставьте за меня Грашина.

— Думаешь, справится?

— Уверен!

И в самом деле, когда вернулся из отпуска, то услышал о подопечном самые лестные слова. Сейчас Грашин работает машинистом в комсомольско-молодежном экипаже. Самостоятельно работает и Николай Гаврилин, тоже когда-то ходивший у меня в помощниках. Теперь вот опекаю Ивана Селеменчука. Тоже толковый парень. В свое время он окончил Рудненское горно-техническое училище. Был призван в ряды Советской Армии. Уволившись в запас, сразу пришел к нам в бригаду.

...Как-то меня неожиданно вызвали в рудоуправление. Секретарь парткома представил мне невысокого человека средних лет, с золотой звездой на пиджаке.

— К нам гость приехал. Из Экибастуза. Хочет с тобой познакомиться.

Так я встретился с Героем Социалистического Труда Сабитом Кадыровичем Кадыровым. Он тоже возглавляет бригаду машинистов экскаватора. Только мы в Сарбае добываем руду, а он вместе с товарищами у себя — уголь. Тем не менее у нас нашлось много общего. Прежде всего заинтересовались, как организован труд у каждого в бригаде. Какие используем новинки? А потом решили соревноваться. Заключили договор. И одним из первых пунктов этого договора

было высокое качество работы. Это соревнование — оно продолжается и сейчас — не только соперников, но прежде всего друзей, живущих общими мыслями и задачами. Побывав у меня в бригаде, Сабир Кадырович предложил интересную новинку, которая позволила увеличить срок годности металлических пальцев между ковшом и коромыслом. Мы тоже не остались в долгу и поделились новшеством, которое улучшает работу седлового подшипника.

Соревнуемся с друзьями из Экибастуза. Соревнуемся сменами. Каждый рабочий день — это очередной шаг вперед. Из дней складываются месяцы, из месяцев — годы. Вспоминаю начало девятой пятилетки. Нас спросили: сколько бригада может принять породы? После всех прикидок и расчетов мы назвали цифру: шестнадцать миллионов кубометров. Даже бывалые люди удивлялись: «Не переоцениваете ли свои возможности?» Нет, мы не переоценивали, хорошо знали свои возможности, уверены были в каждом из членов бригады. К концу пятилетки подсчитали — и оказалось, что всего приняли 18 миллионов 100 тысяч кубометров породы. А в канун XXV съезда партии, еще раз все взвесив, решили только в первый год десятой пятилетки принять в отвал 4 миллиона 150 тысяч кубометров породы. Это почти на миллион больше проектной производительности нашего экскаватора. Вот так мы претворяем решения XXV съезда КПСС в жизнь.

Закончилась рабочая смена. Усталые, мы вместе с Иваном Семеновичем возвращаемся домой. В ночном воздухе звуки разносятся далеко. За несколько километров отсюда слышно деловитое рокотание грузовиков в Сарбайском карьере. Этот звук перемещается влево, туда, где в слабом мерцании огня высятся корпуса горно-обогачительного комбината. Здесь работают дробильные машины, пережевывая только что добытую в карьере руду. Работа не прекращается ни на минуту. Идет постоянная напряженная борьба за большой металл...

г. РУДНЫЙ

У БЕЛОЙ ГОРЫ

В очерке «У Белой горы» рассказывается о работе Белгородской милиции в первые годы Советской власти. После изгнания из Белгорода в декабре 1919 года деникинцев освещенные в городе враги Советской власти — белогвардейцы, спекулянты, бандиты — мешали строительству новой жизни. Они нападали на советских работников, грабили склады, лавки, мирных жителей. На борьбу с ними по призыву городского комитета партии записывались в милицию советские активисты.

Откликнулся на призыв партии и Иван Иванович Кизилев, двадцатилетний парень, успевший уже повоевать на фронтах гражданской войны. Спустя много лет полковник МВД И. И. Кизилев начал писать воспоминания о службе в органах милиции. Но опубликовать их при жизни не успел.

События и факты, о которых пойдет речь, почерпнуты из его личного архива.

●

Над городом плыл колокольный звон, призывавший к воскресной молитве. К площади вереницей тянулись прихожане: старушки в платочках, молодцеватые старички в праздничных рубахах, статные девки с узелками в руках.

Со второго этажа особняка, в котором располагалась Белгородская уездно-городская милиция, хорошо просматривалась вся площадь. Стоя у раскрытого окна, Иван Кизилев с интересом наблюдал, как верующие толпой вливались в небольшой церковный дворик

и, остановившись на секунду у ограды, старательно отвешивали поклоны.

День был воскресный, но сотрудники милиции не отдыхали. В городе и его окрестностях бесчинствовали бандитские группы. Ограбления, убийства, поджоги — все это было не редкостью. Какой уж тут отдых!..

Иван подошел к столу, стал перечитывать показания арестованного Панаса Купрейчика, подозревавшегося в убийстве сторожа и краже муки с городского продовольственного склада. Купрейчик отрицал участие в преступлении. Заявил, что всю ночь кутил в доме своей знакомой Глафиры Романько, жившей на Веселой улице. А четыре мешка муки, которые у него нашли, он купил утром на рынке у незнакомого человека.

Не внушали доверия показания Купрейчика. Он утверждал, что возвратился домой в девять утра, а его жена показала на допросе, что муж вернулся домой не позже четырех. Преступление же было совершено между двумя и тремя часами ночи. Никто из соседей Купрейчика не подтвердил того факта, что утром к дому Панаса подъехала подвода. Напрашивался вывод, что мука была завезена ночью и Купрейчик участвовал в ее краже. Но как раскрыть преступление?

Иван Кизиллов всего полгода работал в милиции. Трудно ему было: не хватало опыта, знаний. В тот день, когда он впервые переступил порог этого особняка, сразу почувствовал беспокойную, боевую жизнь милицейского учреждения. И он понял, что его будущая работа связана с большим риском и опасностью. Его тогда начальник милиции спросил:

— Хочешь у нас работать? Ну что ж, милости просим. А не боишься, если с бандитами встретишься?

— А чего мне их бояться? Я же на фронте был... С врагами воевал,— ответил он.

— То на фронте. Там врага по мундиру отличить можно. А бандиты формы не носят. В мужицкой одежде разгуливают. А под ней — обрез. Смекаешь?

Иван понимающе кивнул головой.

— Ну, в общем, я не возражаю. Давай рекомендательное письмо. Только сходи-ка ты на станцию да пошукай оружие. На днях с фронта эшелон с оружием привезли. Попроси себе револьвер и карабин. Я тебе записку черкану.

В тот же день Иван получил удостоверение. Прочитав текст, он удивился: какие широкие права были ему предоставлены и какая ответственность ложилась на его плечи. В удостоверении значилось:

«Предъявитель сего Кизиллов Иван Иванович есть действительно сотрудник уголовного розыска Белгородской уездно-городской Советской Рабоче-Крестьянской милиции, который имеет право ношения всякого рода холодного и огнестрельного оружия, хождения во всякое время дня и ночи, арестовывать подозрительных ему личностей, проверять посты, а также в случае надобности производить разного рода обыски, что подписью и приложением печати удостоверяется».

Это удостоверение давало ему возможность активно бороться с врагами Советской власти. И в первые же дни он столкнулся с ними...

Стояла весна двадцатого года. Едва сошел снег. Работники милиции, в том числе и Иван, ночью окружили на окраине города дом. В нем уголовники собрались на сходку. При их задержании Иван едва увернулся от бандитского ножа. Зазевайся он хоть на секунду — не миновать бы беды. К счастью, все обошлось благополучно. Тогда они арестовали шестерых отпетых преступников.

А в один мартовский день Иван задержал группу конокрадов. Утром в милицию позвонил начальник Белгородского артиллерийского училища. Он сообщил, что ночью неизвестные лица угнали из конюшни училища пять лошадей. Кони были разных мастей, но у всех одна характерная примета — подрезанные хвосты.

Иван, переодевшись в отцовский тулуп, направился на конный двор. Там собирались конокрады. Прогуливаясь по двору, он обратил внимание на двух молодых мужчин, сидевших на повозке. Подозрительно оглядываясь по сторонам, они о чем-то негромко переговаривались. Неожиданно их повозка тронулась. Иван пошел вслед за ней. Миновали мост через Северный Донец, затем Старый город. Путь привел их на окраину одного села. Повозка въехала во двор. Через некоторое время вошел во двор и Иван, но был замечен хозяйкой, которая сказала о нем мужчинам, пьянствовавшим в доме.

— Нужно осмотреть двор,— выйдя на улицу, приказал бородастый, сильно подвыпивший мужчина.— Как бы чего не вышло. Узнает про коней — беда!

Озираясь по сторонам, выходили во двор разгулявшиеся конокрады.

Иван выбежал из укрытия, скомандовал:

— Руки вверх!

Прибежавший на шум председатель сельсовета помог доставить задержанных по назначению. А в сарае обнаружили пять коней с подрезанными хвостами. Старательно осмотрев повозку, на которой только что приехали с конного двора двое мужчин, Иван нашел под сеном винтовочный обрез, заряженный пятью патронами.

...Колокольный звон внезапно стих. В комнате стало тихо. «Может,— думал Кизилев,— вдова-солдатка Глафира Романько даст ценные показания?» И только подумал, когда бы ее допросить, как вдруг тишину нарушил телефонный звонок. Иван встал из-за стола, быстрыми шагами подошел к аппарату, висевшему на стене.

— Дежурный по угро Кизилев слушает.

— Вас беспокоит милиционер Манякин. Звоню с железнодорожной станции. Тут ко мне граждане обратились. Говорят, что ночью на них бандиты напали, шестерых шашками порубали. Забрали лошадей и вещи.

— Где это случилось?

— У Белой горы. С Донбасса ехали на подводах. Заночевали в поле, и вот тебе — на!

— Через полчаса подъеду,— сказал Иван.

Он уже не раз слышал, что на беженцев, едущих из Донбасса в Курскую и Орловскую губернии, частенько нападали бандиты. Люди из городов ехали в села, где было легче прожить.

Местечко, именуемое Белой горой, находилось километрах в десяти от центра города.

Не мешкая ни минуты, Иван вместе с сотрудником уголовного

розыска Михаилом Горбунцом спустился во двор. Вскочив на оседланных лошадей, поскакали в сторону станции.

Был уже полдень, когда они приехали на место происшествия. Там, в поле, неподалеку от железнодорожного полотна, толпились люди. Манякин настойчиво упрашивал граждан не подходить близко к подводам, на которых лежали убитые.

Чуть в стороне сидели женщины — одна пожилая, другая помоложе, отчаянно голосили, оплакивая смерть близких людей.

Среди толпы работники милиции нашли очевидца, молодого мужчину с усами.

— Было их человек пять, — горестно поведал он, теребя в руках старый картуз. — Ночью напали. Я в тот момент по надобности в сторонку отошел. Завидев конников, сразу почувял недоброе. Прилег на землю и спрятался в траве. Бандиты меня не заметили. Пошептались о чем-то, поглядывая на наших лошадей. А один спрашивает: будут ли узлы забирать? Другой, вроде старшой у них, отвечает, что, мол, обязательно. А если, говорит, кто сопротивляться будет, того — руби, не жалей. Я как услышал такие слова, обмер. Ведь совсем безоружный, хоть бы дубина в руках была... Налетели они на спящих и стали вещи отымать. Тут Егор, свояк мой, схватился за узел да как закричит: «Не отдам, гады!» Ну, его первым они и зарубили. А потом и до других очередь дошла...

Кизиллов подошел к мужику поближе:

— А кого из бандитов ты запомнил? Во что они были одеты?

— Да разве в темноте их разглядишь? Все одинаковые. А шашки были только у двоих. У старшого и еще у одного, которого вроде цыганом звали. А старшого, кажись, Дениской...

Другие свидетели ничего нового не добавили.

В управление милиции возвращались не спеша. По пути обдумывали, что же следует предпринять для розыска преступников. Теперь у них была хоть какая-то практика. На счету у каждого по несколько задержанных преступников, самостоятельно раскрытых дел.

— На рынке надо бы последить, — предложил Горбунец. — Только жаль, что меня там каждый жулик в лицо знает. Появись я — сразу дело испорчу.

— А если переодеться? — предложил Иван.

Михаил задумался.

— А что? Можно попробовать. Давай, Иван, оденемся с тобой под мужиков.

По приезде в милицию так и сделали.

На рынке, смешавшись с толпой, стали прохаживаться среди торговых рядов. Воскресный рынок гудел, словно большой улей. Около хозяйственной лавки Горбунец неожиданно остановился.

— Не спускай глаз с крайней подводы. Вон она у самого забора. На ней цыган сидит. Я его знаю. Это Яшка Косой, матерый жулик, — сказал он Ивану.

Яшка в этот момент, оживленно жестикулируя, о чем-то разговаривал с возницей стоящей рядом подводы.

Вдруг Яшка, хлопнув вожжой по спине лошади, тронулся с места. За ним поехал и бородатый мужик.

Кизиллов и Горбунец молча пошли следом. Минут через тридцать повозки, сворачивая с одной улицы на другую, остановились около

небольшого кирпичного дома на Веселой улице. Привязав лошадей к забору, цыган и мужик вошли в калитку.

Не желая привлекать к себе внимание, Иван и Михаил сели на завалинку одного дома. Вскоре из кирпичного дома вышел тот мужик с мешком за спиной. Нагрузив подводу мешками, он повел в поводу лошадь вдоль улицы.

— А ну стой! — крикнул ему Горбунец. — Ворованную муку везешь?

— Кто вы такие? — зло спросил мужик.

— Мы из уголовного розыска, — объявил ему Кизиллов. — Поворачивай-ка обратно.

Мужик заругался, однако указания работников милиции стал исполнять.

— Вот бес попутал, — бормотал он, остановившись напротив кирпичного дома. — И зачем это я согласился купить муку? Теперь вот отберут...

Кизиллову показалось, что за калиткой дома кто-то стоит. Он рванул ручку, но калитка не поддавалась, была заперта изнутри.

— Эй, хозяева, откройте! — громко крикнул Иван.

— Сейчас откроем, — отозвался женский голос. — Подождите минутку.

Времени на ожидание тратить было нельзя. Преступник наверняка уже догадался, что пожаловали не совсем обычные гости.

Кизиллов побежал вдоль забора в сторону огорода. А Горбунец всей тяжестью тела навалился на калитку. Она затрещала, но не поддавалась. Тотчас со двора прогремел выстрел. Расщепив доску, пуля пробила калитку и едва не зацепила Михаила. Тот отпрянул в сторону. Затем выхватил револьвер и дважды наугад пальнул в забор.

Через несколько секунд во дворе прогремел еще один выстрел. Взглянув в щель калитки, Михаил увидел Яшку Косого, лежащего на земле вниз лицом. В стороне от него стоял Иван Кизиллов. В правой руке он держал револьвер, а в левой — обреза, выпавший из рук убитого бандита.

Начали обыскивать. В сарае оказалось двадцать шесть мешков муки, а за перегородкой стояли четыре лошади. Судя по штампам, в мешках была мука, похищенная с городского склада. А лошадей, как пояснила Романько, прошедшей ночью привел в ее дом Яшка Косой вместе со своими дружками Панасом Купрейчиком и Денисом Лысенко, проживающим на соседней улице.

— Не тот ли это Лысенко, отец которого до революции скобяную лавку держал? — спросил Кизиллов.

Глафира недовольно повела плечами:

— Это вы уж у него сами спросите...

Возвратившись в управление милиции, Кизиллов и Горбунец первым делом переоделись. Предстояла встреча с Денисом Лысенко. Кто он? Такой же бандит, как Яшка? Тогда надо быть осторожными.

Решено было арестовать Лысенко в его доме. Через четверть часа пролетка, на которой ехала оперативная группа, остановилась возле глиняной хаты, окруженной густым плетнем. Один за другим работники милиции вошли во двор. Кизиллов тихонько постучал в окно.

На стук выглянула седая старуха с морщинистым лицом и подслеповатыми глазами.

— Дома ли хозяин? — поинтересовался Иван.

— Спит он, сейчас разбужу. А кто спрашивает-то его?

— Скажите, что Яшка им интересуется.

В сенцах скрипнула дверь. На пороге выросла сутуловатая фигура мужчины лет сорока с явно помятым лицом. Он невольно появился, увидев направленное на него оружие.

Арестовав Лысенко, работники милиции вошли в дом. Не обращая внимания на старуху, без движения сидевшую у окна, бегло осмотрели комнаты. Обстановка небогатая. Каких-либо узлов с вещами ни в шкафу, ни под кроватями не было.

Выйдя на улицу, Горбунец попросил одного из милиционеров пригласить из соседнего дома понятых, чтобы они присутствовали во время обыска.

Вскоре в сопровождении милиционера во двор вошли понятые — лысый старик лет семидесяти пяти и полная молодая женщина с длинной косой.

Кизиллов отвел старика в сторонку.

— Вы, дедушка, давно тут живете? — спросил он.

— Да с самого своего рождения и проживаю. Отца я ихнего, Бориса Селиверстовича, хорошо знал. Богато они жили до революции. Говорят, бывший хозяин за границу сбежал.

— А сынок-то, Дениска, как он?

Старик огляделся и сразу понизил голос.

— Пьет запоем. У них в доме частенько гулянки бывают. Цыганские песни до самого утра поют.

— А этой ночью песни не пели? — поинтересовался Иван.

— Не-е! Но спать легли поздно. Все дверью хлопали. Просыпаюсь среди ночи и слышу: лошадь заржала. Удивился. Ведь лошади-то у Дениски нет. Выглянул из окна. А Дениска-то с товарищем из сарая выходит. А время уже было к утру...

Кизиллов направился к сараю. Войдя туда, увидел лошадь. Испугавшись его, она неожиданно рванулась в сторону. Кизиллову бросилось в глаза, что подстилочная солома в углу разворошена. Сунул туда руку и извлек узел с вещами. Потом второй. И третий. Здесь же оказалась и шашка, которой орудовал бандит ночью у Белой горы...

Так было раскрыто опасное преступление, совершенное бандитами. Участников вооруженного нападения на граждан вскоре судили. Все они были приговорены к расстрелу.

**В. РУСЛАНОВ,
В. ОБУХОВ,
кандидат исторических наук**

нам пишут

В КЛАССЕ — УРОК ПРАВА

— Почему именно в восьмом классе вы начинаете изучать основы Советского государства и права? Потому, что приближается время вашей гражданской зрелости. В будущем году вам уже шестнадцать...

Так начал первый урок права Александр Петрович Перетрухин, преподаватель школы № 10 города Батайска, заслуженный учитель школы РСФСР.

Когда спустя несколько уроков он спросил у восьмиклассников, не труден ли новый предмет, они ответили: «Чем-то он нам знаком». Чем же? Александр Петрович заметил: «Дело в том, что этот курс приводит в систему знания ребят о праве на труд, на отдых, на образование».

Восьмиклассники любят поразмышлять, поговорить о жизни, отталкиваясь от конкретной темы урока. Учитель поощряет это. Например, говоря о праве на труд, он подробно остановился на таком животрепещущем для подростков вопросе, как выбор профессии. Более того, на следующий урок пригласили в класс Героя Социалистического Труда Николая Максимовича Кулиша, бригадира экскаваторщиков. Николай Максимович рассказал ученикам о том, как важно каждому найти свое место в жизни, поведал им о собственном трудовом пути.

Александр Петрович придерживается принципа: воспитывать у ребят уважение к закону, самодисциплину, используя примеры из их повседневной жизни. Например, в связи с болезнью учителя в классе был отменен последний урок, дежурившие восьмиклассники ушли домой вместе со всеми, забыв о том, что они отвечают за порядок в школе до конца занятий. На другой день Перетрухин проводил занятия на тему «Основные права и обязанности советских граждан». И в конце беседы спросил у учеников: как они оценивают свой вчерашний поступок? После небольшой паузы один из провинившихся сказал: «Да, конечно, мы поступили плохо: не выполнили до конца свою обязанность». А другой добавил: «Обрадовались возможности уйти пораньше домой, а о дежурстве даже не вспомнили». Восьмиклассники решили исправить оплошность — дополнительно отдежурить день по школе.

Подчас занятия у Александра Петровича превращаются в оживленные дискуссии. Так однажды учитель задал ребятам вопрос: «Как вы понимаете свою ответственность перед обществом?»

Поднялся один ученик и заявил: «Но мы же не взрослые. Обязанность у каждого из нас скромная — учеба...»

Александр Петрович обратился к классу: «А как другие думают?» Возражения посыпались со всех концов. И очень разумные. Ребята

резонно заявили, что уже в школе у них есть большие возможности проявить свои способности, принести определенную пользу. И хорошая учеба, и техническое творчество, и кружковая работа, и работа в колхозе во время летних каникул.

Нередко Александр Петрович приглашает на занятия юристов-практиков. Например, на одном из уроков по основам Советского государства и права ребята встретились с народным судьей Ампиловой. В другой раз перед ними выступила сотрудник инспекции по делам несовершеннолетних Изюмская. Очень полезной оказалась встреча учеников с депутатом горсовета Мисуриной. Ребята узнали, как изменился Батайск в последние годы, как депутаты участвуют в решении многих важных сторон жизни города.

Чтобы сделать рассказ о праве более эмоциональным, запоминающимся, Александр Петрович использует материалы периодических изданий, приводит примеры из литературных произведений. В школе есть неплохо оформленная экспозиция «В помощь изучающим советское право». В течение учебного года ребята посмотрели документальные кинофильмы «Знать и соблюдать законы Родины», «Право на труд и обязанность трудиться», «Правосудие в СССР» и другие. А в свободное от учебы время школьники участвовали в рейдах по проверке чистоты и порядка в своем районе. Ребята должны не только хорошо знать основные законы своей страны, но и быть активными поборниками их соблюдения — такова цель, которую ставит в своей преподавательской практике права заслуженный учитель школы РСФСР Александр Петрович Перетрухин.

г. БАТАЙСК

Б. ПАНАСЮК,
учитель

ИЩЕЛЕНИЕ

Идет заседание медицинской комиссии лечебно-трудового профилактория. Обсуждается вопрос: как быть с Виктором Шиловым?

Вот уже почти полтора года он лечится от алкоголизма. До конца срока лечения осталось несколько месяцев. Однако в последнее время у руководителей ЛТП и врачей-наркологов появилась уверенность, что Шилова можно освободить досрочно. И вот комиссия, прежде чем направить все материалы вместе с ходатайством в народный суд, внимательно изучает историю его болезни...

Впервые Шилов узнал вкус водки в шестнадцать лет. В семейном кругу отмечался праздник. И кто-то из родственников поднес ему стакан водки. С тех пор Виктор по праздникам садился за стол и пил наравне со взрослыми. К алкоголю пристрастия еще не испытывал, но состояние опьянения ему понравилось: возникало чувство уверенности в своих силах, сознание того, что все позволено. С годами стал пить чаще, постепенно привык к алкоголю и, чтобы достичь привычного состояния — «повышенного» настроения, — с каждым разом увеличивал дозы. В этот период Виктор еще мог в

какой-то мере сдерживать свое влечение к спиртному. Поставил за твердое правило: на работу пьяным не являться. Но после смены, а также в субботу и в воскресенье уже не мыслил досуга без бутылки. Полное жизненное «благополучие» для него наступало лишь в состоянии опьянения. Так продолжалось около четырех лет.

Добром это, безусловно, кончиться не могло. У Шилова появились все признаки заболевания алкоголизмом. После каждой попойки утром поднимался с больной головой, с ощущением слабости во всем теле и теперь уж не мог отправиться на работу, не выпив 50—100 граммов водки. Такое состояние — один из характерных признаков алкоголизма. «Опохмелившись», Шилов сразу чувствовал себя лучше и в приподнятом настроении отправлялся на работу. Однако облегчение это было обманчивым. За что ни возьмется — все у него из рук валится. То дорогостоящий инструмент ломает, то деталь запорет... А болезнь между тем подстраивала ему новую ловушку: через два-три часа после начала смены у него появлялось неудержимое желание выпить. Другие в обеденный перерыв идут в столовую, а он всеми правдами и неправдами — к винному ларьку. И после рабочей смены единственной заботой у него было — выпить еще. В таком состоянии нередко попадал в медицинский вытрезвитель, за нарушения общественного порядка наказывался в административном порядке.

Иногда, правда, вняв уговорам окружающих, Шилов бросал пить. Но длилось это, как правило, недолго. Алкоголь уже включился в обмен веществ организма, и как только его поступление прекращалось, возникало состояние «кризиса». Без привычной дозы спиртного Шилов был угрюм, озлоблен, недоволен всем на свете. Алкоголь наложил свой отпечаток на психику. Виктор стал лживым, слабовольным, эгоистичным. У него пропал всякий интерес к труду. Круг жизненных интересов свелся к одному: как раздобыть денег на спиртное. Для этого тащил из дома вещи и продавал за бесценок. Характерным проявлением болезни в этот период стала неуживчивость. Он постоянно конфликтовал с окружающими. За последние два года, до поступления в ЛТП, девять раз менял место работы. А потом и вообще перестал работать... По ходатайству близких родственников и общественных организаций, народный суд, изучив все обстоятельства дела, направил Виктора Шилова в лечебно-трудовой профилакторий.

Принципы современного лечения от алкоголизма заключаются в том, чтобы нормализовать нарушенные в результате алкогольного отравления функции организма и подавить в человеке влечение к спиртным напиткам. Для этого существуют различные методы и средства. Большая роль принадлежит трудовому воспитанию. Но успех, в конечном счете, зависит от самого больного, от того, насколько он сознательно и серьезно стремится избавиться от порока.

Полтора года в лечебно-трудовой профилактории не прошли для Виктора Шилова бесследно. Как утверждает врач-нарколог, его пациент сознательно и убежденно выполнял все медицинские предписания, за время нахождения в ЛТП у него не было ни одного нарушения режима. Начальник отряда говорит о том, что Шилов честно и добросовестно трудится, выполняет производственные задания.

Восстановились у него и нормальные отношения с семьей. В бу-

душем Шилов мечтает учиться, прилежно трудиться. Да, все говорило о том, что человек твердо встал на путь исправления.

...Спустя некоторое время Виктор Шилов (фамилию и имя мы по вполне понятным соображениям изменили) по ходатайству администрации лечебно-трудового профилактория и решению медицинской комиссии постановлением народного суда был досрочно освобожден от пребывания в лечебно-трудовом профилактории. Сейчас он живет вместе с семьей, воспитывает сыновей Алешу и Вову. Устроился на крупное предприятие. Здесь он встретил новых друзей, вместе с которыми работает, отдыхает, участвует в общественной жизни. Дурные привычки давно позабыты. Человек исцелился.

Г. ТРОФИМОВ,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник
ВНИИ МВД СССР

ИНТЕРВЬЮ
ПО ПРОСЬБЕ
ЧИТАТЕЛЕЙ

**ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

Многие молодые читатели нашего журнала, желающие получить профессию юриста, спрашивают: как организована работа подготовительных отделений в юридических вузах? Кого туда принимают? Какие права предоставляются тем, кто их окончил?

Ответить на эти вопросы редакция попросила доцента Э. Н. Ренова. Он рассказывает о работе возглавляемого им подготовительного отделения Свердловского юридического института.

На подготовительное отделение мы принимаем людей с законченным средним образованием из числа передовых рабочих и колхозников, имеющих непрерывный стаж на последнем месте работы не менее года, а также освобожденных секретарей партийных, комсомоль-

ских организаций и председателей профсоюзных организаций, если они до избрания на эти должности работали не менее года рабочими или колхозниками (по направлениям предприятий, учреждений и организаций). Уволенных в запас военпослужащих принимаем по направлениям командования воинских частей.

На предприятиях и в организациях, как правило, ответственно относятся к направлению рабочей молодежи на рабфак. Однако следует сказать, что некоторые руководители, ссылаясь на профиль вуза, неохотно направляют людей на подготовительное отделение или вообще не дают им направлений. А между тем институт имеет хозяйственно-правовой факультет, готовящий кадры для правовой работы в народном хозяйстве.

Приемная комиссия при отборе слушателей проводит с ними собеседование. Здесь выясняется подготовленность их к обучению в институте, общий уровень развития, склонность к юридической специальности. Например, при поступлении на следственно-криминалистический факультет подготовительного отделения учитывается опыт работы в народной дружине или детской комнате милиции (ныне — инспекции по делам несовершеннолетних). Принимается также во внимание производственная и общественная характеристика поступающего, оценки в его аттестате. Если у кандидатов на учебу на подготовительном отделении все данные окажутся равными, то при зачислении предпочтение отдается тем, кто имеет больший стаж работы.

Срок обучения на подготовительном отделении — 8 месяцев. Слушателям выплачивается стипендия в размере, установленном для студентов первого курса юридического института (55 рублей в месяц).

Слушатели подготовительного отделения наравне со студентами пользуются специально оборудованными кабинетами, спортивным залом, обеспечиваются учебными пособиями.

Учебный процесс осуществляется в основном по типовым программам, утвержденным Министерством высшего и среднего специального образования СССР. Занятия проводятся по следующим дисциплинам: русский язык, литература, история СССР, обществоведение, иностранный язык, физкультура. Кроме того, слушатели получают определенную профессиональную ориентацию. Для этого специально разработана программа, цель которой — подготовить слушателей к последующему обучению в юридическом вузе.

продолжаем
начатый разговор

КАК С ШУМОМ БОРОТЬСЯ...

В первом номере журнала за этот год редакция опубликовала статью А. Митько «Беречь тишину». Затронутые в ней вопросы нашли живой отклик у читателей, они охотно продолжают начатый редакцией разговор. Многие высказывают свои мысли, предложения о том, как устранить те или иные источники шума, какие меры, на их взгляд, обеспечили бы всем нам здоровый, полноценный отдых. Ниже публикуем отрывки из полученных писем.

Я живу в Севастополе на улице Хрусталева. Движение автотранспорта здесь очень большое. Машинам приходится часто останавливаться, при этом водители так резко тормозят, что скрежещет вся машина. А когда трогаются с места, «газуют» что есть мочи. Те, кто за рулем, стремятся как можно быстрее провести машину по городу и совершенно не думают о том, как провести ее тише. А сколько машин проходит без глушителей, с неисправными моторами. Шум и треск от них особенно неприятен. Думается, что сотрудники госавтоинспекции на все это должны обращать больше внимания. «Шумные» водители заслуживают таких же строгих наказаний, как и нарушители правил движения.

Желательно, чтобы по мере возможности все автобазы, автоколонны, заправочные станции выводились за пределы населенных пунктов, форсировалось строительство объездных путей. Все это сократит движение транспорта на улицах наших городов.

СЕВАСТОПОЛЬ

Г. БАЗЮК

У меня претензии к «частникам» — владельцам личных автомобилей. Особенно много от них неприятностей в летнюю пору, на капауне выходных дней. Собираясь на рыбалку или в лес за грибами, они с вечера ставят свои «Жигули» и «Запорожцы» под окнами жилых домов, а в четыре утра начинают громко хлопать дверцами, сигналить, сзывать знакомых и родственников, совершенно не думая о том, что другие-то еще отдыхают, многие после дежурства, второй смены.

Считаю, что такое поведение заслуживает не только общественного порицания, но и строгого наказания, а может быть, стоит продумать и меры ограничения пользования личным автотранспортом.

КАЛУГА

П. МАКАРОВ

Как ни странно, но некоторые горе-организаторы пансионатов и домов отдыха считают своей главной задачей «увеселять» отдыхающих, с утра включают на полную мощность радиолы, магнитофоны, динамики. А если баз отдыха не-

сколько и везде такое «культмероприятие»? К тому же в звуковое состязание включаются еще и владельцы транзисторов. Вот и превращаются чудесные, отдаленные от городов уголки природы в шумовые испытательные полигоны.

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

С. ПЕТРОВА

На лоне природы надо слушать пение птиц, шум леса, плеск волн. Считаю целесообразным запретить громкую музыку в местах отдыха, а также в городских садах и парках.

ЛЕНИНГРАД

Н. СПИЦИН

Недавно я приобрел электробритву «Эра-10». Однако, собираясь по утрам на работу, бриться ею не могу. Электробритва так шумит, что будит спящих детей. А какой шум, гул от работающих пылесосов, стиральных машин — слышно сразу в нескольких квартирах. На мой взгляд, создатели электробытовых приборов должны обратить на это серьезное внимание. Прежде чем дать новому прибору «путевку в жизнь», не лишне устроить ему «экзамен на шум».

КОСТРОМА

И. АНДРИАНОВ

Все устали от шума. Винят машины, транспорт, механизмы, электробытовые приборы. А ведь немало шума в наших домах по вине плохо воспитанных людей. Один с раннего утра начинает колотить молотком, без конца благоустраивая свою квартиру, другой, затеяв ссору с домашними, кричит на всю округу, третий ленится привести в порядок краны в своей квартире, и они «ревут» на весь дом. Особенно много неприятностей соседям доставляют «любители» громкой музыки, владельцы различных проигрывателей, усиленных мощными колонками.

Как быть? Думается, что людей нужно воспитывать и воспитывать не только внушением и призывами, но и наказывая. Жилищным органам вместе с общественностью надо активнее браться за это дело. Необходима и разъяснительная работа. Люди должны хорошо знать, какими правами они могут воспользоваться в борьбе с нарушителями и какова их ответственность за соблюдение тишины.

МОСКВА**Г. РОДЬКИН**

У нас в городе немало любителей громкой музыки, особенно из числа молодежи. Летом, распахнув окна и выставив на подоконники свою «технику», они «вещают» с утра до вечера. Каково от этого окружающим? Считаю, что таких людей надо штрафовать, а если это не поможет, конфисковать у них радиоаппаратуру.

ОМСК**П. РЕШЕТНИКОВ**

Мне как дружиннику доводилось делать замечания подобным «любителям» музыки. «До двадцати трех часов что хочу, то и ворочу», — отвечали некоторые из них с ехидной улыбкой.

А не целесообразно ли расценивать такое наплевательское отношение к покою окружающих как мелкое хулиганство?

МУРМАНСК**И. ВОЙТОВСКИЙ**

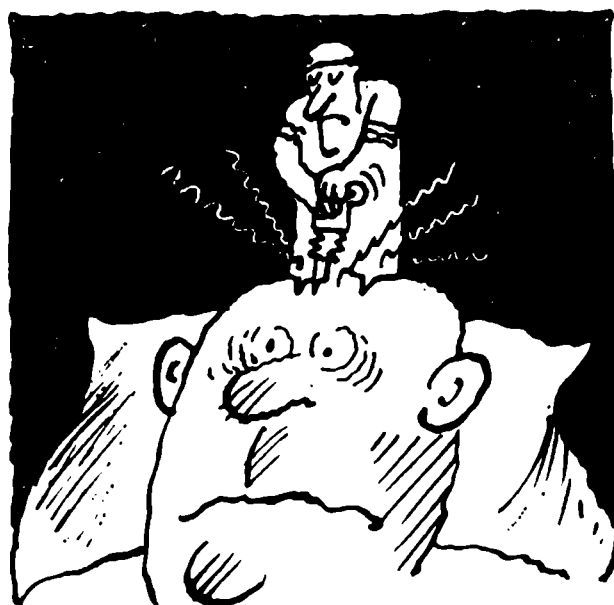
Я не могу пожаловаться на своих соседей. В нашем доме люди живут дружно, уважая покой друг друга. У нас другая беда. В первом этаже дома расположен продовольственный магазин, а к нему подключена сигнализация. И вот зачастую среди ночи «электронный сторож» дает о себе знать мощным ревом, который не прекращается до тех пор, пока не придут работники магазина и не отключат сигнализацию.

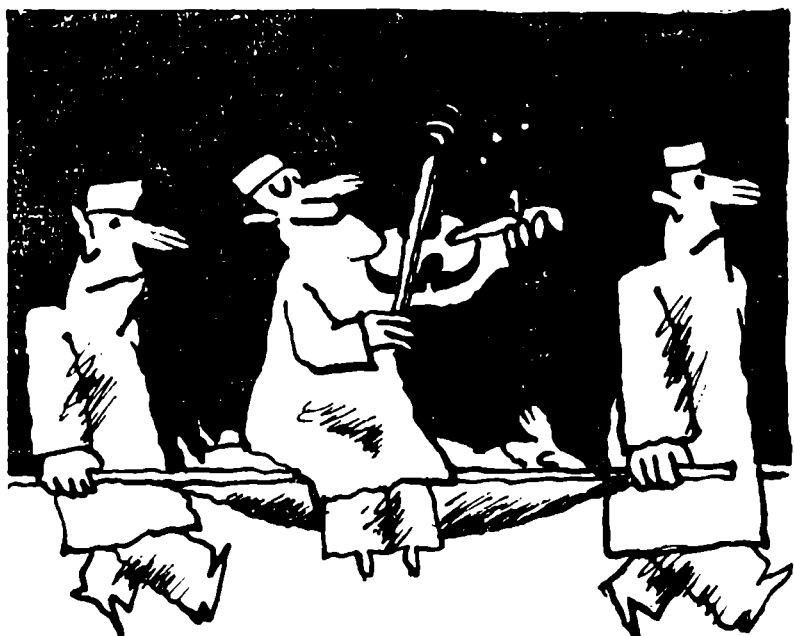
Какой смысл в этом звуковом сигнале? Ведь если «срабатывает» сигнализация, то у дежурного по милиции зажигается световое табло.

К чему же еще этот трезвон, который будит среди ночи сотни людей. Требовать соблюдения тишины нужно не только от отдельных граждан, но и от различных предприятий и организаций.

МОСКВА**Э. ДЮДИКОВА**

Начатый редакцией разговор «Беречь тишину» — важный и своевременный. Хочу познакомить читателей журнала с результатами одного исследования, которое

проводилось в Москве. Были опрошены тысячи семей, различных по социальному составу, проживающих в разных районах города. Оказалось, что на каждые сто семей приходится 92 телевизора, около 70 радиоприемников и радиол, около 90 репродукторов радиотрансляционной сети и более 40 магнитофонов и проигрывателей, то есть в каждой квартире более трех звукоусиливающих аппаратов. Но ведь это количество из года в год

продолжает увеличиваться. К тому же с ростом материальной обеспеченности населения растет спрос на радиоприборы более высоких классов, которые, как правило, обладают большей мощностью, часто намного превышающей возможности звукоизоляции квартир.

В летнее время, когда открываются окна, шум от работающих приемников и телевизоров возрастает еще примерно на 15—18 процентов. Анализ поступающих от населения жалоб свидетельствует о том, что более всего наш покой дома страдает от шума радио и телевизоров. Он особенно вреден для здоровья, так как вызывает сильное напряжение нервной системы человека. Учитывая все это, Мосгорисполком принял в последние годы ряд решений, направленных на снижение шума в столице. Например, после 22.00 централизованно снижается уровень звука громкоговорителей радиотрансляционной сети; резко ограничивается время работы уличных громкоговорителей в праздничные дни, установка их вблизи жилых домов вообще запрещена; дикторы радио и телевидения в вечерние часы напоминают радиослушателям и телезрителям о необходимости убавить громкость аппаратов; обращено внимание жилищных органов и органов милиции на необходимость ужесточения требований к нарушителям тишины, ведется разъяснительная работа.

Однако все меры достигнут цели, если и само население примет участие в наведении должного порядка в своих жилищах. Каждый из нас должен повысить требовательность к себе лично и к тем, кто живет рядом. Нужно быть настоящим хозяином в своем доме, на своей улице, в своем городе, не проходить мимо фактов, требующих принятия активных, решительных мер. А что касается прав, то они у нас есть. Право граждан на покой защищено такими нормативными актами, как «Санитарные нормы допустимого шума в помещениях жилых и общественных зданий и на территориях застройки», утвержденные Минздравом СССР 18 декабря 1970 года, и другими.

Вот, например, что сказано в «Санитарных нормах»: «Все проживающие в квартирах граждане обязаны соблюдать правила социалистического общежития и не нарушать тишину в квартире». Требования о соблюдении тишины в квартирах предусматриваются «Правилами пользования жилым помещением», утвержденными советами министров союзных республик и министерствами жилищно-

коммунального хозяйства, а также специальными решениями исполкомов местных Советов депутатов трудящихся. В соответствии с этими правилами пользование радиоприемниками, телевизорами, магнитофонами и проигрывателями возможно лишь при обязательном условии уменьшения их громкости до такой степени, чтобы звук не беспокоил живущих в соседних комнатах.

Выполнение этих требований для всех обязательно. Те, кто их злостно нарушает, должны привлекаться в установленном порядке к ответственности. Это касается как отдельных граждан, так и организаций.

И. ШАМШИН,
главный инженер
управления Мосгоррадиосети,
заслуженный связист РСФСР

НАКАЗАН СПРАВЕДЛИВО

(По поводу одного письма в редакцию)

С жалобой на незаконное привлечение к административной ответственности обратился в редакцию житель Норильска Э. Струков. Он, дескать, никого не трогал, ничего не похитил, а его взяли — и ни с того, ни с сего наказали.

По просьбе редакции жалобу Э. Струкова проверила прокуратура Красноярского края. Выяснилось следующее. Э. Струков проживает в коммунальной квартире. Однажды вечером он устроил у себя в комнате дружескую вечеринку. Громко распевали песни, плясали. Ревел включенный на полную мощность магнитофон. Когда время подошло к полуночи, соседи попросили Э. Струкова, чтобы тот вместе с гостями вел себя потише. В ответ раздалась нецензурная брань. Видя, что уговоры не действуют, соседи вызвали дружинников. На нарушителя был составлен протокол. Дело о мелком хулиганстве рассматривалось в народном суде. Э. Струков подвергнут исправительным работам сроком на два месяца с удержанием 20 процентов заработной платы в доход государства.

Красиво молдавское село Гидигич. Раскинулось оно на склонах невысоких холмов, окруженное со всех сторон виноградниками и садами. Радует село не только яркими красками и обилием зелени, но и новыми современными зданиями, взметнувшимися ввысь. В этих зданиях, построенных по городским проектам, живут многие работники совхоза-завода «Гидигичский», одного из крупнейших в Страшенском районе.

Многие в селе знают друг друга по имени-отчеству, многие, но не все. Зато нет здесь человека, который бы не знал Марии Павловны Казаку, молодой женщины с черными, выразительными глазами — председателя исполкома Гидигичского сельского Совета депутатов трудящихся. На этой должности она уже не первый год. Ответственная и нелегкая работа у председателя. Сколько вопросов Марии Павловне приходится решать ежедневно, сколько людей принять! Люди приходят в исполком с самыми разными просьбами. Одному нужно помочь со строительными материалами, другой просит выделить на окраине села участок для строительства дома, третий жалуется на соседа, сломавшего забор между участками...

Справишься ли здесь в одиночку? Вряд ли. В Гидигичском сельском Совете активно работают все тридцать пять депутатов — в постоянных комиссиях по сельскому хозяйству, по народному образованию, культуре, здравоохранению, физическому воспитанию и спорту, по торговле.

Хорошо, к примеру, работает постоянная комиссия по соблюдению социалистической законности. Возглавляет ее депутат Василий Григорьевич Костиц. Совсем недавно по его инициативе в сельском Доме культуры была проведена встреча с молодежью. «А знаете ли вы закон?» — так называлась беседа, в которой приняли участие работники милиции, прокуратуры, депутаты сель-

совета. Комиссия большое внимание уделяет профилактике правонарушений.

В период полевых работ исполком все усилия направляет на улучшение бытового обслуживания сельских тружеников. На заседаниях постоянной комиссии по торговле составляется четкий график вывозки товаров непосредственно в поле, туда, где работают люди. Товары вывозятся на автомашинах, которые выделяются руководством совхоза. Имеются и ларьки без продавцов. Например, в тракторной бригаде, в мастерской, на ферме.

Не проходит дня, чтобы Мария Павловна Казаку не побывала в кабинете у директора совхоза-завода Ивана Ивановича Чепразова. Руководителю крупного хозяйства и председателю исполкома сельсовета всегда есть о чем поговорить — о дальнейшем благоустройстве села, о строительстве новых жилых домов, о газификации, асфальтировании улиц.

Иван Иванович Чепразов — не только руководитель крупного сельскохозяйственного предприятия. Он — депутат районного Совета депутатов трудящихся, член постоянной комиссии по сельскому хозяйству.

Главное направление в деятельности совхоза — виноградарство. В 1976 году валовой сбор винограда достиг в совхо-

зе 6550 тонн, прибыль составила 900 тысяч рублей. Значительная часть этой суммы отчислена на нужды, связанные с благоустройством села. Только за несколько прошедших лет за счет совхозных средств в селе построены Дом культуры, детские ясли-сад, новое здание продовольственного магазина, шесть двухквартирных жилых домов, заасфальтировано около десяти километров дорог. В сентябре 1976 года пятьдесят пять семей отпраздновали новоселье в новом пятиэтажном доме городского типа со всеми удобствами. На очереди — сдача в эксплуатацию второго такого же дома. Решается вопрос о полной газификации села, улучшении водоснабжения, о строительстве сетевой котельной, которая обеспечит теплом все общественные здания.

На базе совхоза вот уже в течение нескольких лет действует школа мастеров-виноградарей. В этой школе ежегодно обучаются сотни работников соседних совхозов. Дело в том, что совхоз «Гидигичский» является пионером внедрения новейших достижений в выращивании винограда. Интересно в совхозе совершенствуется структура управления производством. Проанализировав опыт работы, руководители совхоза пришли к выводу, что структура управления совхоз-

ным производством давно устарела.

— Например, раньше, — рассказывает И. И. Чепразов, — некоторые наши специалисты были лишены права непосредственно руководить производством. Агроном-виноградарь, в частности, лишь подсказывал, как лучше нужно выполнять ту или иную работу. У нас таких специалистов называли «советчиками». А советовать всегда легче. Спрашиваешь иногда такого специалиста: почему плохо обрабатывается виноградник? А тот отвечает, что, мол, говорил бригадиру, а тот не слушает. Мы изменили порядок. Теперь специалист-агроном одновременно является исполнителем работ, в его распоряжении все средства, техника, люди...

По мнению Ивана Ивановича Чепразова, упорядочение работы управленческого аппарата имеет первостепенное значение. В хозяйствах достаточно современной техники и механизмов, но одной лишь техникой проблемы не решишь. Те огромные производственные ресурсы, которыми располагают сельскохозяйственные предприятия, требуют четкого, грамотного, оперативного управления.

Красиво молдавское село Гидигич. Радует оно пестротой красок, обилием зелени, новыми современными зданиями. Но больше всего радует оно прекрасными людьми, которые там живут. Труд этих замечательных людей вливается в общий труд советского народа, строящего прекрасное будущее.

В. ОКОЛОВ

Председателю Страшенского районного народного суда Константину Федоровичу Платону и председателю исполкома Гидигичского сельского Совета Марии Павловне Казаку есть о чем посоветоваться.

Вот оно, село Гидигич! Вы видите его панораму наверху. А внизу — председатель исполкома сельсовета М. П. Казаку и директор совхоза-завода «Гидигичский» Иван Иванович Чепразов (справа) на строительстве многоэтажного жилого дома. Мария Павловна в гостях у жителей села. Идет разговор о благоустройстве. На третьем снимке — жительница села Мария Васильевна Костин на приеме у председателя исполкома.

Алла Ивановна Каткова — инженер по труду в колхозе имени Ленина Овидиопольского района Одесской области, народный заседатель Овидиопольского районного народного суда.

Фото В. ЗИМИНА.

ОРГАНЫ ПОДЛИННО НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

19 июня — очередные выборы в местные органы государственной власти нашей страны — краевые, областные, окружные, городские, районные, поселковые и сельские Советы депутатов трудящихся.

Велика роль местных органов власти в жизни нашего государства и общества. Советы депутатов трудящихся руководят на своей территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством, обеспечивают законность, охрану общественного порядка, социалистической собственности, прав и охраняемых законом интересов граждан, учреждений, предприятий, кооперативных и иных общественных организаций.

Местные Советы — их в стране более 50 тысяч — наиболее массовые организации трудящихся, создаваемые самим народом. В них работает свыше 2200 тысяч депутатов: рабочие, колхозники, деятели науки, культуры, просвещения, работники партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций. В Советы избраны депутаты более 100 национальностей.

Депутаты плодотворно трудятся в своих избирательных округах, участвуют в сессиях Советов, в деятельности постоянных комиссий, которых около 328 тысяч. В работе постоянных комиссий Советов — мандатных, планово-бюджетных, по социалистической законности и охране общественного порядка, по делам молодежи и других — принимают также участие несколько миллионов активистов-общественников.

Таким образом, Советы — коллективные органы, в которых полномочные представители народа, выполняя его волю, вершат государственные дела.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев отметил: «По инициативе депутатов Советов сейчас выдвигается и решается много важных вопросов. Надо прямо сказать, что предложения, вносимые депутатами на основании наказов избирателей, отражают потребности и нужды нашего народа, нашей жизни в целом».

Быть депутатом Совета — почетно. Но вместе с тем это очень ответственная, сложная работа. Большие права, предоставленные избраннику народа, неотделимы от его обязанностей. Советский депутат пользуется своими правами не ради каких-то личных благ или интересов, а с единственной целью — оправдать высокое доверие избирателей.

В Советском Союзе, где власть, средства производства, все национальные богатства принадлежат народу, органы народной власти — Советы имеют в своем распоряжении все необходимое, чтобы практически выполнять возложенные на них законом обязанности, заботиться о благе трудящихся.

ЭРНСТ САФОНОВ

ЩЕПКИ ИЗ-ПОД ТОПОРА

*В лесу рубят, а в мир щепки летят.
(Старая пословица).*

В самолете местной авиалинии Оренбург — Уфа за моей спиной сидел человек в новой, необношенной куртке из кожзаменителя. Стоило ее хозяину чуть пошевелиться, сделать какое-то легкое движение — куртка отчаянно скрипела на разные лады.

Под такую раздражающую «музыку» не читалось и не дремалось, да еще этот беспокойный попутчик что-то недовольно, бубняще рассказывал соседке, и опять: не хочешь, а услышишь... Короче, скоро я уже знал, что мужчина — бригадир на буровой установке, бурили они скважину в степи (видимо, артезианскую), там-то и произошел случай, которым он сейчас возмущался.

Во время буровых работ понадобился деревянный брус метра в три длиной. В степи, близ дороги, одиноко рос дуб, и они, буровики, чтобы не останавливать дела, накинув тросы, двумя тракторами свалили дерево, вытесали из него что им требовалось... А теперь, негодовал мужчина, полтора месяца прошло, он уж забыл про это — ему вдруг иск предъявляют: плати за погубленное дерево!

— Олухи, — кипятился он, — это ж надо: с меня! Будто б не для них, олухов, скважину пробивали и не для них старались вроде!

Внезапно один из пассажиров, сидевший через проход, наискось, — человек пожилой, лет под шестьдесят, с лицом смуглым, обожженным солнцем и ветрами, в кирзовых сапогах и старой порыжелой кепке, — тяжело (а мне почудилось — с ненавистью даже) сказал буровику:

— «Олухи!» Сам ты... обормот. Тот дуб, может, пятьдесят или все семьдесят лет на юру держался, а ты пришел — изничтожил. Это как?!

— Ты тихо, батя, тихо, — и я услышал, как яростно, уже на весь салон, заскрипела куртка. — Ты разберись вначале... Я его что — для себя?

— А что — людям хорошо сделал? — вопросом же ответил пожилой. — Тот дуб, понимаю, стоял у дороги, его небось каждый знал. А теперь его нет. С тебя четвертной присудили — это плюнуть и растереть... Однако дерева такого больше не будет. Срубили, а кто посадит?

Они еще что-то — зло, резко — говорили друг другу, слова заглушались шумом двигателей, а во мне словно бы застряло вот это: «Срубили, а кто посадит?» В душе пока горячо держались видения беспредельной оренбургской степи, по которой в те дни ездил, и живо представлялось мне, как в величавом одиночестве высился посреди золотых разливов хлебов тот самый дуб... Сколько силы понадобилось ему, чтобы укорениться тут, вдали от человеческого жилья, на суровой земле, выжигаемой жестокими морозами, страдающей от безводья и суховеев! Здесь вообще — исключая прибрежье Урала, те районы, где река несет свои воды, — деревья приживаются плохо, лесов крайне мало: лишь четыре процента всей территории Оренбуржья занято ими.

И какова же истинная цена редкостному дубу, что наперекор стихии утвердился на голом степном просторе, радовал своим видом людей, дарил им тень, притягивал к себе птиц, был вроде маяка на однообразно-унылом большаке, пока недрогнувшие руки — «ради пользы» — не убили его? Да не просто руки, а по-современному всеильные, ибо были «оснащены» они мощными, в полтораста лошадиных сил, тракторными двигателями и зацепистыми, сокруши-

тельными гусеницами... Представляю, как дуб гнул, упирался, не поддаваясь, как сухо, выстрелами лопались его многолетние связисухожилия, но разве живому, как бы сильно ни было оно, устоять перед натиском не знающей устали железной мощи!

Впрямь ли взыскиваемый «четвертной» — цена дубу? Наверно, с лиходея (по-иному не назовешь!) решили взять 25 рублей, учитывая лишь стоимость изведенной древесины, поскольку красота, то, что можно определить хорошим старинным словом *диво*, оценке в рублях не поддается.

И вот в чем суть, в чем главный вопрос: «Срубил, а кто посадит?»

Я думал об этом в самолете, и невеселые размышления сводились к тому, что вся моя подзатянувшаяся летне-осенняя поездка опять дала много примеров, как мы зачастую лихо рубим, не забываясь при этом — будет ли посажено. Имею в виду не сложную систему государственного лесопользования с ее проблемами, а обыкновенную — назову так — бытовую ситуацию: деревья, поля, реки — и мы в своем общении с ними... Как в этом вот эпизоде: был дуб — нет дуба.

Гром не грянул, земля не треснула, кто-то вздохнул, кто-то устало выругался, и трудовые рубли из кармана скрипучей куртки в качестве штрафа перекочуют в сейф... Инцидент исчерпан?

А в моем блокноте, среди других «оренбургских» записей, были еще вот такие... В селе Сергушкино некто Качалов темной ночью пустил под топор сразу двадцать три дерева. Это в Северном районе. В Абдулинском — тракторист Воронцов спилил себе на дрова пять берез. В этом же селе, Нижний Курмей, плотник Анисимов свалил три сосны.

Качалов заплатит за самовольную порубку три сотни, Анисимов с Воронцовым отдадут по сотне. Деньги, как положено, будут оприходованы, а на местах бывших деревьев останутся трухляво догнивать три десятка пней...

Кто посадит здесь сразу столько деревьев, посадит и обиходит так, чтоб выросли они при всех капризах местного климата?

Припомню другое... Мне сейчас под сорок, а те два огромных тополя, что спилили тридцать лет назад, видятся и поныне. Однако дело не просто в том, что они «видятся», рождая, так сказать, в душе сентиментальные отзвуки детской поры... Те могучие тополя росли на берегу пруда, поражая всех гигантским — в полнеба! — размахом ветвей своих и неоглядно-высооченными стволами, тоже уходящими куда-то под облака. Они, эти деревья, в поселке были «ничьи», как бы сами по себе, оставшиеся от погибшего в гражданскую старинного парка. И даже в трудные зимы последнего военного лихолетья устояли они: то ли пожалели люди, то ли слабые руки не смогли совладать с ними.

Для нас, ребяташек, два тополя на берегу пруда были особой мальчишеской «республикой»: возле них мы все дела свои, все игры затевали, и на драку с обидчиками сходились тут же... У матерей, конечно, лишняя заботушка была: как бы их огольцы не сверзлись с тополевой верхотуры, с двадцатиметровой высоты! А тополя каждую весну зеленели, и бывало только, что какая-нибудь из рас-

кидистых ветвей год пережидала, не одевалась листвой, но потом снова, обильнее прежнего, покрывалась молодыми побегами...

Однажды возле тополей появился человек в широченных брюках — ответственный за заготовку дров для районных учреждений. Он обмерил рулеткой неохватные стволы, посчитал, видимо, сколько «кубов» из них получится и тут же привел мужиков с бензопилами. Неделю шло сражение: надсадно трещали моторчики, ухали топоры, вгоняющие клинья, матерились пильщики, затачивая то и дело зубья стальных полотен, проклиная неподатливые, как камень, деревья, и с каким-то мстительным восторгом азартно покрикивал их начальничек: «Дави, ребята, дави, не таких ломали!..»

Один тополь, в конце концов, кое-как свалили, от другого, изувечив его, отступились. Но по весне, утыканный намертво вогнанными в него железными костылями, с глубокими, до сердцевины подпилынами, он не зазеленел, а через два-три года совсем зачах... И тут же — как следствие — обмелел, затянулся ряской пруд, а на другое лето вода из него ушла совсем. Стал он грязной, с липким дном ямой, да и она заросла вскоре лебедой, чертополохом, — просто овражек посреди луговины!

Тополя-великаны, вероятно, пока живы были, давали этому водоему надежную тень, создавали тут свой, особый микроклимат; их могучие корни-насосы, вглубь и вширь распространившиеся под землей, тоже, видимо, каким-то образом поддерживали уровень грунтовых вод... Короче, так ли, нет, но со смертью деревьев-«сторожей» моментально исчезло веселое голубое пятнышко на желтом, выжигаемом летним зноем ландшафте.

Каждый год бываю я в поселке, приезжаю в свои Сарай,— и, как повсюду, тут нынче иная, более шумная, несравнимо богатая, чем когда-то, жизнь... Вокруг того пруда, на бывшем лугу-выгоне, выросли дома. Поселились на этом месте, кроме других-прочих, люди уцепистой хозяйской хватки. Накупили утят и гусят — стали чистить, углублять старый пруд. Да не лопатами, а как нынче водится — нанятым на стороне бульдозером...

Пруд восстановили, а утки и гуси по-прежнему в пыли купаются. Не вернулась вода! И та, что после снеготаяния накапливается, стоит самую малость, быстро уходит... Чешут хозяева затылки, хмурятся. И на вопрос, отчего же такое невезение, один из них сказал задумчиво:

— Ты-то должен помнить... Те тополя, знать, не надо было рушить.

«Знать, знать...» И как не помнить!

Предвижу, что кто-то, прочитав, плечами пожмет: вот, дескать, сколько слов из-за срубленного дуба, из-за того, что когда-то пруд извели... Тайгу рубим — щепки летят, болота утюжим-сушим, реки выпрямляем, если требуется, — а тут разная-всякая «мелочишка»! Туда ли смотришь, писатель?!

Туда, отвечу, в самый корень причем. Что касается тайги — это другая тема, я ее сейчас не трогаю, но знаем, в тайге тоже давно пора бережнее топориком размахивать: при всей своей кажущейся безграничности она уже изрядно затоптана и изрежена. Как беззащитен, уязвим перед разгулявшимся жадным человеком даже

такой зеленый океан природы — недавно выстраданно написал Виктор Астафьев в книге «Царь-рыба».

«Однако живем, на наш век хватит!» — это ведь не только к за-скорузлomu браконьеру приложимо; этак же порой, лишь облекая свои приказы в другие слова, действуют те, кому «гнать план» надо — при строительстве, на заготовке, в изыскательных работах, в самой обычной хозяйственной деятельности. И, привыкнув не жалеть одно дерево, мы без содрогания замахиваемся на целую рощу; завалив мусором родниковый ручей, не задумываемся, что без него нет «дыхания» реке... «На наш век хватит — гони план, не за речку — за план спросят, премиальных лишат!» Особый уже вид браконьерства — под прикрытием служебных вывесок, с готовым, на случай, ответом (как у того, с буровой, бригадира!): «Не для себя ж старался — для общества!»

И директор фабрики, когда выходят из строя очистные сооружения, не останавливает производства для срочного ремонта фильтров — гонит в цехах тот самый «план» и одновременно гонит в реку тонны химической отравы, такой концентрации к тому ж, что на десятки километров травит в воде все живое, превращает ее в смрадные чернила. «Почему, как могли?» — спрашивают его потом в суде. «Дело делали, — твердо отвечает он. — Если б разрешил остановить конвейер — десять тысяч пар галош не додали б народу!»

Получается так: народную речку прикончил, зато народ теперь может разгуливать по ее увядшим берегам в новых галошах! И какие к нему, директору, претензии: он прежде всего за галоши отвечает! Пугаться он не намерен: деньги возьмут с фабрики — спишут с фабричного счета, не свои кровные из кармана выложит.

Так, сошлюсь, было, когда из-за неполадок в очистных сооружениях ядовитые сточные воды Ивановской ГРЭС отравили речку Ухтомку: всплывала задохнувшаяся рыба, пришлось в разгар лета закрыть пляжи... Руководители ГРЭС, не принявшие никаких мер к устранению аварии, выступали на суде... свидетелями; охотно, глазом, как молвится, не моргнув, выплатили рыбоохране шестнадцать с половиной тысяч рублей. За счет ГРЭС, разумеется.

Набезобразивших ивановцев хоть в народный суд вызывали — поволазовали малость. А вот их рязанскому «сподвижнику», начальнику станции перекачки воды управления «Водоканал», трое суток (!) прошлым летом морившему реки Павловку, Лыбедь и Оку нечистотами из городского коллектора, объявили лишь дисциплинарное взыскание, то бишь выговор. Тем более что обязанные быть бдительными службы наблюдения за санитарным, биологическим режимом водного бассейна (горсанэпидстанция, инспекция рыбоохраны и т. д.) — когда рыба, всплывая кверху брюшком, «кричала» о беде, мертво серебрилась поверх изгаженной водной глади — безмолвствовали в какой-то странной расслабленной спячке. И, может быть, все так и кончилось бы тихо — проточная вода по-светлела бы, заморенная рыбешка догнила б у речных окраин, ни одно б служебное кресло в волнении не скрипнуло — да пошли возмущенные письма в «Приокскую правду», и встревоженная редакция тут же обратила на них внимание областной прокуратуры...

Уроки?

Но какие?

Давайте так порассуждаем... Каждый из тех, кто с особенной жестокостью губит природу, превосходно знает: подними он, к примеру, руку на человека — ему несдобровать. Закон тут строг, немолчим, во всем своем достоинстве он грозно предстанет перед правонарушителем в облике сотрудников милиции и прокуратуры, свой твердый приговор провозгласит суд в конце судебного заседания — когда к тому ж за спиной у осужденного будет стоять вооруженный конвой. Но вот кто-то не просто обидел природу — трудно залечиваемую рану нанес ей (лесу ли, реке, животным), и этот «кто-то», пожимая плечами, начинает уверять, что чуть ли не впервые слышит, что так нельзя было поступать. Он же, мол, не у соседа украл, не прохожего ограбил, не жену искалечил... За все то — он знает — ему бы крепенько «припаяли». А здесь, разбойно поразвлекавшись в царстве зелени-воды, он не думал, не знал, ему в голову не приходило... То есть потому что «в голову не приходило» — он и не боялся!

Приблизительно так — искренне, причем, каясь, — оправдывались на суде рабочий Овсянников и шофер Казашин (оба из подмосковного совхоза «Дмитровский»). Ловили они удочками рыбу в речке Яхrome, клев был неважный, и тогда Казашин по подсказке раздосадованного дружка подогнал к воде свою автоцистерну, в три приема выкачал в воду около 200 литров сильно концентрированного жидкого аммиака. Щуки, спасаясь, выпрыгивали прямо на берег... А общий результат «улова» таков: аммиак начисто отравил в с ю рыбу на восемь километров вниз по реке.

Выслушав приговор Дмитровского городского народного суда, Казашин и Овсянников, подавленные, перепуганные, все равно искренне недоумевали, за что им такое строгое наказание — по три года лишения свободы с возмещением материального ущерба (около 4,5 тысячи рублей). Они впрямь — в силу своей гражданской, правовой невоспитанности — не могли осознать: за что? Были трезвые, шума не поднимали, никого не трогали... За что, граждане судьи?!

В последнее время мы много говорим, пишем о необходимости более широкой, более эффективной пропаганды правовых знаний, о том, что требования закона должны быть известны каждому еще со школьной скамьи. Но даже там, где не ограничиваются школьным курсом, где для подростков устраиваются «университеты», «семинары», «кружки» по изучению правовых норм, их программы, как правило, нацелены на одно: предостеречь податливые юные души от возможных дурных влияний «улицы». До разъяснения же законов, оберегающих права природы, руки не всегда доходят; тут, вероятно, надеются на просветительские усилия местных — со скудными штатами — организаций Общества по охране природы. Из моей семьи в этом обществе состоит сын-второклассник. В прошлом году — к восторгу всего их первого «Б» — каждому за гривенник дали по красной книжечке-удостоверению; следующей зимой велели принести еще по гривеннику — на марку. «А что ты делаешь в обществе?» — спрашиваю сына. «Не ломаю деревья», — отвечает.

И то, как говорится, слава богу!

Поездив, посмотрев, пришел я к заключению: если уж где и принимаются действенные меры по борьбе с губителями лесов и водоемов, флоры и фауны — это в районах заповедников, государственных и ведомственных заказников, промысловых управлений. То бишь там, где егеря с карабинами, инспектора с бланками актов «на потраву», всякие охранные таблички выставлены, загородочки возведены... Там уж сама обстановка, атмосфера житейско-деловых отношений настраивает: не переступай! При рассмотрении конфликтных ситуаций сразу же пускаются в ход положения и статьи Закона об охране природы, Водного кодекса, Правил охраны поверхностных вод и т. д. — вплоть до ссылок на статьи Уголовного кодекса республики, определяющие состав преступления и меры наказания за него.

Но вот выше поведал я историю о пересохшем пруде и, не меняя адреса, снова вернусь в рязанский поселок Сараи — для рассказа куда более грустного. О речке моего детства, а стало быть, той, милее которой для меня нет. Имя ей — Вёрда. И, в общем-то, не речка — река, обозначаемая на многих картах, по которым легко проследить ее путь до Каспийского моря. Да-да. Впадает она в Пару, пополняя ее воды; Пара бежит в Цну; та, в свою очередь, соединяется с Окой; ну, а большая Ока — уже первородная сестрица Волги... В школе мы, помнится, гордились этим открытием: наша тихая Вёрда, глянь-ка, саму Волгу подпирает!

В конце сороковых и в пятидесятые годы, когда старики-умельцы, что каждую весну подновляли плотины, одряхлели, а молодые — в новых, перекроенных и укрупненных колхозах — не стали плотинами заниматься, воды в Вёрде поубавилось, но все ж оставалась она речкой резвой, чистой, со своими «потайными» ямами, в которых жили сомы, откуда удачливые рыболовы выхватывали крупных, шириной с лопату лещей, округлых, тяжелых, смахивающих на поросят язей. В рачьих норах, по которым мы, мальчишки, неумоимо лазили, попадались налимы; и уж всякой мелочи — ершей, пескарей, плотвы, промышлявших этой мелочью щук — водилось с избытком. Река — с ее песчаными косами, зелеными берегами, плакучими ивами, полоскавшими ветви в прозрачной воде, — была не просто красива... Прекрасна она была — своим незамутненным цветущим ликом!

Была, была...

Поневоле сбиваюсь я на эти слова, потому что той, прежней реки больше нет, и во что превратилась она в последние пять-шесть лет — рука не поднимается описывать. Будто в черное, неожиданное одночасье река вмиг постарела и обессилела: стала воробью по колено, застойная вода ее мутна, покрыта гусиным пухом-пером, загнивающими растениями, мазутными разводами; прибрежные кусты усохли, сами берега, высоко обнажившись, сделались неряшливыми, обваливаются глыбами пересохшей рыжей глины, желтый песок повсеместно перемешан с грязью, и уж где тут теперь рыбе быть — в теплой липкой тине обильно размножаются стада головастиков и тучи злого комарья! Их царство наступило...

Что же подточило могучее природное здоровье реки?

В хозяйствах района стали создавать так называемые культурные — с орошением — пастбища. Вдоль реки лучшие луговые участки обнесли бетонными и железными столбиками с туго натянутой меж ними проволокой. У совхоза «Сараевский» свое такое пастбище, у колхоза имени Коминтерна — свое, у колхозов «Большевик», «Красный пахарь» и других — тоже... И заработали мощные насосы, безо всякой нормы выкачивая из реки воду на полив, и мелкая рыбешка, втягиваемая в шланги силой моторов, серебряным дождем падала на траву! На всем протяжении реки, от одного села к другому — насосы, насосы...

Когда же река, безудержно перегоняемая из своего русла на простор лугов, стала показывать дно, в хозяйствах началась горячка по созданию временных плотин. Бульдозерами — где кому вздумается — делали земляные перемычки, сосед спешил обогнать соседа — «хватали» воду; тысячи тонн черной, с полей земли и всякого строительного мусора сволакивались в Вёрду. Такие примитивные запруды держатся плохо, даже слабая, с вялым течением вода подмывает, рассасывает их, и они, рушась, уносятся по реке, загрязняя ее, превращая упругий, профильтрованный за долгие годы донный песок в вязкую илистую массу... А смывает такую горе-плотину — снова на берегу в этом месте появляется колхозный бульдозер, снова тут громяют железные кузова самосвалов, сваливая с кручи вниз щебенку!

Река Вёрда, поборовшись, выдохлась...

Почему не пришел ей на помощь закон, охраняющий — скажем так — суверенитет малых рек? Тех самых, что не громозвучны названиями своими, несудоходны, не промысловые по значению — однако столь же достойные в едином природном комплексе, тоже составляющие наше национальное богатство, являющиеся красой Отечества? Вот так, в порыве деловых увлечений, губить их, — это то же самое нелепое, безрассудное действие, что метко обозначено известным присловьем: рубить сук, на котором сидишь. Сук когда-то треснет, а вместе с этим уstraшенное сердце отзовется запоздалым горьким прозрением: а думал ли я, чего творил-делал?!

Нет, выходит, закон, призванный встать на защиту моей Вёрды, умеющий твердо заявить о себе там, где заповедано, в рязанской глубинке не достучался до должностных дверей, не заставил еще себя уважать, не стал нормой в деловой жизни района. Судьба Вёрды, за которую никто не вступился, подтверждение тому.

И, само собой, ошибочно связывать нынешнее убогое состояние речки с тем только, что она, мол, вынужденно принесена в жертву ненасытным в потреблении воды культурным лугам-пастбищам. Вёрда, распорядись ее возможностями мудро, грамотно, с хозяйским подходом (и добавлю: с сыновьей любовью!), могла бы досыта поить эти самые пастбища, оставаясь с хорошей глубиной, цветущими берегами, заводьями-купальнями, чистым песком... Для этого надо лишь удерживать по весне ее послепаводковый уровень — тот самый, что бывал в ней всегда, в уже далекие теперь годы, когда мужики окрестных сел, собираясь «всем миром», ставили две-три надежные, по известным от дедов правилам плотины: под селом Паники, за Сысоями, у Можар... Неужели колхозы, рьяно

разворачивающие сейчас бульдозерными ножами речные берега, забивающие реку мусором, безжалостно высасывающие ее с помощью моторов, не в состоянии, объединившись, ставить именно такие плотины? Гарантирующие необходимый уровень воды, оздоравливающие реку, а не уродующие ее?..

Впрочем, одни ль мои земляки столь недальновидны, обрекая реку свою на высыхание? Передо мной номера газет, в которых маленькие, по несколько строк, заметочки — как крик, зов о помощи, тот самый SOS, что требует немедленных действий..

В «Комсомольскую правду» пишет И. Мигас из Донецка: «...Надо спасти реку! Родилась и выросла я на берегах Берды, которая протекает по территории нашего села Белоцерковка Куйбышевского района Запорожской области. Сейчас речка обмелела, и с трудом узнаешь в узеньком ручейке, который можно спокойно перешагнуть, бывшую красавицу реку».

Житель Подмосковья В. Мирсков сообщает на страницах областной газеты «Ленинское знамя» о горестной участи речки в Шаховском районе: из-за того что на центральной усадьбе совхоза «Ново-Александровский» год не работают поля фильтрации — канализационные воды текут в эту речушку, превращая ее в мутный, кишящий нечистотами поток. А зловонный поток этот мчит всю грязь в реку Рузу...

А. Зудов (снова «Ленинское знамя») возмущается тем, во что превратили в Можайском районе «жемчужины этих мест» реки Берёгу и Протву: их вчера еще светлые воды загажены отходами совхозных ферм; плотины, что регулировали водный режим, в шестидесятые годы разрушены и никем не восстанавливаются...

Будучи по профессии юристом, А. Зудов напоминает: «Закон об охране природы, постановление о развитии Нечерноземной полосы России диктуют необходимость помочь обрести силу речкам Берёге и Протве... Реки — наше богатство, наше здоровье!»

Все правильно.

Кто только услышит этот призыв? Ведь руководителей хозяйств, предприятий, с молчаливого согласия которых оскверняется природа, не раз уже, поди, упрекали, стыдили... Вряд ли их встряхнут газетные строки!

Встряхнуть могут лишь действенные и незамедлительные меры, опирающиеся на требования Закона. И, значит, вопрос в том: кто по долгу службы вспомнит, что есть такой Закон, кто в своей будничной должностной работе станет активным проводником его положений? В масштабах села, города, района... Пока же — видим на примерах — мы еще или робко обращаемся к законам государства об охране природы, или вообще не умеем ими пользоваться.

А потому где-то безнаказанно срубили дерево, где-то опалили лес ядовитыми химикатами, где-то угрожающе мелеет от угарных промышленных стоков река... И, как знать, через энное количество лет не напишет ли кто-нибудь печальные строки о том, что была-де на свете речка Вёрда — была да вся вышла, «стерлась» голубая жилочка с географических карт (как я сейчас написал о старом, навсегда усохшем пруде...) И другой человек, возможно, возразит тому, кто вспомнит про Вёрду: «Нашел о чем жалеть. Вон Каспий мелеет, а ты про какую-то речку!..»

А ведь он, Каспий, будет мелеть и мелеть, если мы где-то, вдали от него, эту самую Вёрду не сохраним. В природе — доказано — все в равновесии, в жесткой взаимосвязи.

...И вот чего, признаться, не могу взять в толк, что томит душу тоскливым недоумением. Ведь в тех колхозах, по угодьям которых протекает река моего детства, председателями работают люди в общем-то, дельные, уверенно ведущие многоотраслевые хозяйства вперед. Они толково решают масштабные задачи современного строительства, подъема урожайности, развития животноводства; они интересны в общении, потому что кроме производственного опыта у них жадное стремление не отстать от всего, чем богата нынешняя жизнь. Они сами лихо водят «Волги», на них белоснежные сорочки и модные галстуки; они при своей деловой загруженности как-то умудряются прочитывать все, что в ходу у нашей широкой читающей публики, о чем говорят и спорят повсюду...

Мы неплохо знаем друг друга: росли, можно считать, вместе; возрастная разница меж всеми — от трех до семи лет. Росли на сараевской земле, и что было для нас отрадой в суровые послевоенные годы — это те часы, что могли провести на ней, Вёрде нашей. Летом — жарясь на песочке, или с удочками под ракитами; зимой — на коньках, по звонко поющему под ногами льду...

Что же сейчас-то эти бывшие мальчишки с Вёрды, преданные ей, любившие ее, повзрослев, озабоченные хозяйственными кампаниями, не только не хотят помочь своей реке — истощают последние ее силы?

Голубизна родной реки отразилась в наших глазах. Ее успели принять в себя дети наши...

А внукам что останется?

ДЕНЬГАМИ ДЯДЯ НЕДОРОСЛИМ

Проректор Ереванского государственного университета Л. Г. Есяян не ждал гостей, поэтому, когда поздно вечером в его квартиру позвонили, он считал, что звонок этот к нему никакого отношения не имеет. Но вошедшие хотели видеть именно его, его искали и вот, наконец, нашли.

— Мы к вам! — заявили ночные гости и шагнули навстречу хозяину дома.

С первого взгляда было ясно, что пожилой мужчина и совсем еще зеленый юноша не привыкли в столь позднее время врываться непрошеными гостями в чужие дома. Но, очевидно, какая-то острая необходимость толкнула их на столь дерзкий шаг, и оглядываться в поисках какой-нибудь железки.

— Деньги! — выпалил вдруг пожилой мужчина и тем самым совершенно определенно ответил на догадки проректора.

Левон Гарегиневич отшатнулся в глубину квартиры, подальше от грабителей, лихорадочно стал оглядываться в поисках какой-нибудь железки.

— Учтите, мы не бандиты и не шантажируем вас, — с достоинством произнес старший. — Мы пришли к вам за своими деньгами. В сентябре их передала вам Лидия Нагапетян, чтобы вы устроили моего племянника Гегаму, — он показал на юношу, — на юридический факультет. Но прошло уже четыре месяца! А свое обещание вы не сдержали, Гегам остался вне стен университета. Но, думаем мы, человек вы честный и деньги вернете.

Обескураженный проректор кое-как смог убедить своих гостей в том, что упомянутой особы он не знает, и уговорил их прийти завтра в университет.

На следующий день, как было условлено, жители села Айгезард Арташатского района Гегам Григорян и его племянник Гегам Авакян явились в университет. Здесь они дали письменное объяснение, на основании которого Левон Гарегиневич сделал официальное заявление в МВД республики. А вечером того же дня, едва только успели дядя с племянником вернуться в родной Айгезард, как к ним в дом явилась та самая Лидия Нагапетян и вручила злополучные шесть тысяч рублей, которых они не могли получить от нее несколько месяцев.

Задолго до описываемых событий следственное отделение Орджоникидзевого РОВД Еревана возбудило уголовное дело по фактам спекуляции автомашинами. За короткое время удалось установить многочисленные эпизоды криминальной деятельности аферистов, сумевших обобрать своих клиентов-автомобилей на кругленькую сумму в 55 тысяч рублей. Аферистами оказались супруги Лидия и Арменак Нагапетяны, проживающие в Ереване по улице Маркаряна. Она работала медсестрой в научно-исследова-

тельском институте рентгенологии и онкологии, а он — в Шаумянском районе Еревана инспектором финотдела. Следователь предъявил им обвинение в особо крупной спекуляции. Но дело застопорилось из-за маленькой детали — исчезли обвиняемые. Пришлось объявить розыск. И пока РОВД разрабатывал меры для задержания увильнувших жуликов, те не теряли времени зря.

Здесь, надо сказать, что Лидия Нагапетян знала не один способ и прием выманивания денег. Она могла пообещать устроить в вуз, техникум, купить автомобиль, записать в жилищный кооператив. Правда, ей уже дважды приходилось подолгу пребывать в местах, которые принято называть не столь отдаленными, но наивность отдельных граждан, торопящихся побыстрее достигнуть дозволенного недозволенным путем, вдохновляла ее и она вновь обращалась к испытанным способам, отдавая предпочтение спекуляции автомобилями и устройству в учебные заведения.

В тот день, когда Гегам не обнаружил своей фамилии в списках абитуриентов, допущенных к следующему экзамену, и стоял растерянный в толпе неудачников, к нему подошла незнакомка. Она близко к сердцу приняла случившееся с ним, попыталась утешить, а потом пообещала устроить на юридический факультет.

— Но ведь уже поздно,— засомневался будущий обладатель лучшей профессии.— Вступительные экзамены уже начались...

— Нелегко, конечно, будет, но раз уж я берусь, можешь не сомневаться.

Юный житель Айгезарда не хотел, а потому и не стал сомневаться. «Чем черт не шутит»,— подумал он, ударяясь в мистику, и вверил свою судьбу доброй женщине. Отец будущего юриста, таксист Арташатского АТК Саркис Авакян, обнаружил в себе юридические задатки и для вящей законности на церемонию вручения расписки на шесть тысяч рублей пригласил работников Арташатского РОВД Андраника Айрапетяна и Валерия Мкртумяна.

Получив деньги и необходимые документы, Лидия Нагапетян развернула бурную деятельность. Познакомившись с секретаршами ректората Анжелой Акопян и Сусанной Саакян, она сумела расположить их к себе, а в один прекрасный день вручила им подарки — каждой по отрезу на юбку.

Семья айгезардского таксиста настоятельно желала иметь точные сведения о судьбе шести тысяч рублей. Тогда Нагапетян привела представителей заинтересованной стороны к дому проректора, оставила их на улице и бесстрашно вошла в подъезд. Завороженные этим зрелищем айгезардцы, убедившись, что их купюры, перекочевавшие в сумочку Лидии, поднимаются по лестнице к квартире проректора, немного успокоились. Невдомек им было, что все то время, пока они ждали на улице, Нагапетян пила кофе не в квартире Есаяна, а этажом выше, у своей знакомой...

Выиграв таким образом немало времени, любительница денежных знаков продолжала поэтапно осуществлять операцию, которую можно было бы назвать «Даешь диплом!». С помощью мелких услуг и подарков она подружилась со старшими методистами университета Марленой Даниелян и Назик Хачатрян и рассказала им такую трогательную историю о «своем сыне» Гегаме Авакяне, что те наперегонки взялись устраивать бедного ребенка на юридический факуль-

тет. Благодаря общим стараниям Гегам несколько дней посещал лекции, но потом руководители факультета призвали его, как говорится, к порядку — заявили, что для того, чтобы учиться в университете, надо все-таки сдать экзамены.

Прошлая осень оказалась поистине золотой для Лидии Нагапетян. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, в одном только Арташатском районе ей удалось собрать «урожай», оцененный прокуратурой республики в 27 200 рублей.

Первый куш и большинство последующих Лидия Нагапетян сорвала в селе Айгезард. Поднимать айгезардскую «целину» она начала в доме Жирайра Петросяна. Явившись однажды к его жене, Лидия представилась человеком, близким к «руководящим кругам вузов» республики, и предложила устроить желающих в любое учебное заведение. И тут же выложила преёскурант. «Круги» якобы требовали мзду от трех до шести тысяч рублей. В зависимости от вуза и факультета.

А поборница просвещения, оперативности и предприимчивости, которой могли бы позавидовать многие работники заготовительных организаций и комиссионной торговли, не знала отдыха. Она навещала своих клиентов на дому, на колхозных полях, не отрывая людей от работы, брала деньги и документы, писала расписки, вела строгий учет абитуриентов и вакантных мест. В результате ни один из жаждущих попасть в вуз (а дело было в середине сентября, когда вступительные экзамены давно закончились) не был обойден, никому не отказала Нагапетян, взяла деньги у всех желающих. Так, А. Акопян дала 2400 рублей, Л. Петросян — 3000, А. Авакян — 6000, А. Аршакян — 3500 рублей, с 4000 рублями каждая расстались Р. Мелкумян и А. Мнацаканян. Деньги давались за «устройство» в институты племянников и племянниц, кузенов и просто знакомых.

Взамен айгезардцы получили расписки. А чуть позже и они, и их дети получили повестки к следователю прокуратуры. Вместо студенческой аудитории они оказались в зале суда, вместо студенческой скамьи — на скамье свидетелей. А в многотомном уголовном деле попадаются написанные ими собственноручно такие перлы в жанре заявлений, просьб, жалоб, что, читая, просто диву даешься убогости слога, неграмотности, невежеству незадачливых абитуриентов.

Следствие не ставило перед собой задачи выяснить, когда и при каких обстоятельствах Нагапетян сумела сколотить штат помощников. Однако совершенно точно установлено, что со своими обязанностями — найти желающих попасть в вуз или техникум, склонить к даче взятки и представить пред очи Нагапетян — «штатные единицы» «синдиката» справлялись настолько хорошо, что им также пришлось предъявить обвинение по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Среди них — дважды судимая Арус Папян, Каджик Гегамян, ранее судимый Миша Матевосян, Гаспар Гаспарян, Размик Киракосян, Зирвард Арустамян.

Надо отдать должное Нагапетян — она не сдерживала инициативы своих «единиц», позволяла им иметь еще и собственное дело.

«Дочернюю фирму», которая после бракосочетания стала семейной, создали, например, бывший заместитель председателя Калининского райпотребсоюза Р. Киракосян и управделами Армянского пе-

дагогического института З. Арустамян. Выдавая себя за преподавателей вузов, они за тысячу — вторую рублей в ничтожно короткий срок готовили недорослей к поступлению. Случалось, «занятия» кончались тем, что нетерпеливые абитуриенты, как, например, Б. Оганесян и В. Езекян, попросту покупали у супругов желанные дипломы специалистов. Разумеется, фальшивые. Покупали и тут же включались в трудовой процесс в качестве инженерно-технических работников. Насколько успешно — разговор другой.

Бывший деятель потребительской кооперации хорошо понимал значение первоклассного обслуживания. Тех, кто в силу своих способностей или других обстоятельств не сумел своевременно получить свидетельство об окончании средней школы, запасливая «фирма» снабжала аттестатами, за определенную плату, разумеется.

Да, надо признать, у «фирмы» были сложности, но всегда находились люди, которые охотно предлагали свои услуги и вовремя спасали дочернее предприятие от грозящего банкротства. Например, Лилия Гарегиновна Дадаян, бывший методист Дома художественного воспитания школьников Еревана. Когда эта сердобольная дама встретила с Мариам Хачатрян, первым ее побуждением было «помочь» девушке. Выбрав свободное время, Лилия Гарегиновна вместе с Р. Киракосяном отправились в гости к Хачатрянам. И хотя интересы девушки и гостей в выборе профессии не совпали, последним удалось уговорить ее поступить именно на фармацевтический факультет медицинского училища. Мариам согласилась. Получив восемьсот рублей, документы и четыре фотографии Мариам, гости ушли восвояси. Этот визит имел лишь то последствие, что Мариам в училище не попала.

Не всем, однако, удавалось отделаться так счастливо. Каджик Гегамян, например, сначала был обыкновенным недорослем. А преступником ему помог стать собственный дядя — М. Матевосян. Узнав, что племянник «срезался» на вступительном экзамене в автодорожный техникум, Матевосян взялся за две тысячи рублей устроить Каджика в полюбившееся ему учебное заведение. Получив согласие родителей, а также затребованную сумму, сердобольный родственник приступил к делу. Но ни Лилия Дадаян, ни Арус Папян, ни заведующий сектором ереванского Дома художественного воспитания школьников Гаспар Гаспарян не могли ничего сделать. Пришлось вмешаться самой Лидии Нагапетян. Через родственников и знакомых она попыталась оказать давление на директора техникума. Но директор устоял. Двери техникума так и остались закрытыми для Каджика. Тогда Л. Дадаян, не желая расстаться с деньгами, разработала операцию под кодовым названием «Перевод», и группа, усиленная новыми участниками, приступила к ее осуществлению. План был прост. Он заключался в том, что сначала Каджика устраивали в Севанский индустриально-технологический техникум, затем переводили в Ереванский электромеханический, а уже потом — в автодорожный техникум.

За дело взялись дружно. По просьбе Гаспаряна, заместитель директора ереванской школы имени Маяковского Ашот Саркисян подписывает липовую справку о том, что Каджик Гегамян проживает, дескать, в доме № 38 по улице Шаумяна. Сестра Л. Дадаян — заместитель главврача шестого медобъединения Еревана Екатерина

Алавердян, пользуясь служебным положением, заполняет и вместо своих коллег подписывает форму № 286, не забывая при этом упомянуть корь и свинку, которыми, дескать, Каджик болел в детстве, и сердобольно предупреждает, что предохранительные прививки ему не сделаны. И хотя сам Каджик ни разу не был в Севане и никаких экзаменов не сдавал, он стал студентом Севанского промышленно-технологического техникума.

По настоянию Каджика, который желал учиться лишь в автодорожном техникуме, и никаком другом, группа приступила к осуществлению второго этапа операции. Начался он на квартире бывшего министра высшего и среднего специального образования республики. Л. Дадаян принесла заявление от имени Каджика, ею написанное и ею же подписанное. В заявлении речь шла о переводе Каджика уже со второго курса Севанского промышленно-технологического техникума на вечернее отделение Ереванского электромеханического техникума. Тут же следует категорическая резолюция: «Тов. Саркисяну. Разрешить».

На следующий день директор электромеханического техникума Саркисян ставит на заявлении свою резолюцию: «Тов. Аракеляну. Ваши предложения». Завуч техникума Аракелян предлагает: «Можно оформить приказом на вечернее отделение». 31 января на заявлении появляется желанная резолюция директора: «Оформить».

Так завершился второй этап операции. Но вот третьему этапу осуществиться не было суждено: не оказалось в автодорожном техникуме ни головотяпов, ни халатных работников. Тогда Каджик, то ли в знак протеста, то ли почувствовав, что профессию ему выбрали неверно, ушел, заметьте, как значилось в «документах» с третьего курса техникума, ни разу и не посетив здесь ни одного занятия. Он решил, что сотрудничать в «синдикате» Л. Нагапетян куда более спокойно и доходно, нежели заниматься автодорожным делом.

На операции «Перевод» Каджик потерял тысячу рублей, которые «синдикат» оставил себе за устройство его в электромеханический техникум.

В то же почти время процветала и другая «фирма», возглавляемая Айцемик Сагинян. Как и Нагапетян, она пользовалась услугами добровольных помощников, среди которых особенно ценила Варю Киракосян, воспитательницу детского сада № 8 города Степанавана. Айцемик Сагинян преподавала в одной из местных школ. Поэтому искать клиентов ей не приходилось. Желающих воспользоваться услугами Сагинян было больше чем достаточно. К ней приезжали не только из Еревана, но и из районов республики, из Рустави, Мингечаура, Сумгаита, Закатал... По этой причине каджаранская гостиница часто была переполнена, бойко работала междугородная телефонная станция...

Совершая регулярные наезды в Ереван, Сагинян встречалась со «своими» абитуриентами, проводила «коллоквиумы», «проверочные письменные работы». Как же иначе? В вуз ведь должны попасть лишь лучшие из лучших. И поскольку она намеревалась устроить своих подопечных без вступительных экзаменов, так сказать, по личной «брони», то считала, что сама должна проверить знания абитуриентов. Проверка обычно удовлетворяла Сагинян, и она «с чистой совестью» принимала деньги за труды свои.

Что интересно — желающих попасть в вуз не убывало и после того, как заканчивались приемные экзамены. Сагинян приходилось недоверчивым рассказывать о брате — преподавателе кафедры армянского языка подготовительного факультета университета Рубену Сагиняну. Это убеждало самых недоверчивых.

Все это, вместе взятое, давало ошеломляющие результаты. Число набитых деньгами гигиенических пакетов, коими обычно пользуются в самолетах, быстро росло. Пропорционально росло и число лиц, понявших наконец, что их попросту надули. Надо было что-то срочно предпринимать. И вот, собрав однажды жаждущих получить свои деньги обратно, Сагинян торжественно объявила им, что все они приняты на подготовительный факультет и уже завтра, да-да, завтра организовано, без опозданий обязаны явиться на лекции. Только боже упаси, предупредила она, обращаться по каким-либо вопросам в деканат, минуя ее, их благодетельницу.

— Субординация! — для острастки пугнула она ребят малопонятным словом. — Иначе отчислю!

Ни Людмила Мнацаканян и Рипсик Пуртоян из Еревана, ни старшая пионервожатая школы № 2 города Закаталы Тамара Мирабашвили и ее коллега из ереванской школы № 64 Соня Мнацаканян, ни Вартан Вартанян из села Зейва Эчмиадзинского района, ни работница камвольного комбината Термине Аракелян, ни контролер приборостроительного завода Барунак Симомян, ни другие новоиспеченные «студенты» отчисленными быть не хотели. Молча, не нарушая субординации, регулярно посещали они занятия. Так же молча пользовались университетской библиотекой, кабинетами, читальным залом, где группа даже писала сочинение. Несмотря на нехватку порой свободных помещений для студентов действительных, полноценных, «подготовительная» группа Сагинян ни разу не оказалась без аудитории. Занятия начинались точно в указанный час с обязательной строгой проверкой старостой группы посещаемости и заполнением журнала. Два часа «студенты» с напряженным вниманием слушали лекции Сагинян по армянской литературе и два часа с таким же вниманием — лекции той же Сагинян по армянскому языку.

В качестве приятного разнообразия однажды к «подготовишкам» зашел Гарегин Абрамян и два часа читал лекцию по истории. Абрамяна, учителя истории школы-интерната, пригласила Сагинян, сказав, что ректорат намеревается принять его на работу. Поверив в эту байку, без договоренности с руководством Абрамян пошел на занятия, дав тем самым возможность аферистке утвердиться в глазах обманутых ею людей. И чтобы уж окончательно убедить всех сомневающихся, Сагинян «назначила» двоим студентам стипендию и выплатила ее. Одному, правда, отказала из-за несвоевременного представления справок. Двоих отчислила из «университета» за представление фальшивых документов. И все это — в приказном порядке, от имени деканата. Отпечатанные на бланках приказы Сагинян зачитывала тут же, перед всей группой. Сомнения и подозрения рассеивались.

Окончательно они рассеялись, когда Сагинян повезла группу на практику. Сначала в школу № 2 города Эчмиадзина. Здесь, правда, практикантов принять не хотели, но Сагинян выхлопотала необходимое разрешение, и практиканты трижды посещали негостеприимную

школу, слушали уроки. Потом была практика в школе села Мхчян Арташатского района. Потом...

Кто знает, как пошли бы дела потом, но лектора-благодетельницу разоблачили. Возмущенные родители потребовали обратно свои деньги. А ничего не получив, они вдруг вспомнили о существовании советских законов и обратились в органы, призванные стоять на страже социалистической законности. Так вся теплая компания оказалась на скамье подсудимых.

А как же взятодатели? — спросит читатель. Почему они не наказаны? Действительно, дача взятки — уголовно наказуемое деяние. Однако законом предусмотрено, что лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся. Но не освобождаются от ответственности лица, халатность которых дала возможность аферистам проворачивать свои махинации.

А. СЕРОБЯН,
старший помощник
прокурора Армянской ССР,
А. АЛТУНЯН,
журналист

ГЛАВНОЕ — ПРЕДУПРЕДИТЬ ПРАВОНАРУШЕНИЕ

СОВЕЩАНИЕ В СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР

В Совете Министров РСФСР состоялось совещание, на котором были обсуждены итоги за 1976 год и задачи по дальнейшему укреплению правопорядка и социалистической законности в свете решений XXV съезда КПСС и октябрьского (1976 года) Пленума ЦК КПСС.

Искоренение нарушений правопорядка, ликвидация преступности и всех причин, ее порождающих, — это программная задача нашей партии. Для успешного ее решения, отмечалось на совещании, необходимы повседневные усилия всех государственных органов, общественных организаций и коллективов трудящихся. Однако особую ответственность за борьбу с правонарушениями несут правоохранительные органы, деятельность которых всецело и непосредственно подчинена задаче укрепления законности и общественного порядка.

Решая крупные проблемы развития экономики и улучшения благосостояния трудящихся, партия и правительство, — подчеркивали выступавшие товарищи, — проявляют неустанную заботу об идейно-политическом воспитании советских граждан, формировании нового человека коммунистического общества, дальнейшем развитии социалистической демократии, укреплении законности. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев говорил о необходимости таким образом организовать всю воспитательную работу, «чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии. Этого нельзя упускать из виду».

За последние годы ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство приняли ряд важных решений, направленных на борьбу с преступностью и другими правонарушениями, на улучшение деятельности органов милиции, прокуратуры, юстиции и суда.

Новым проявлением большого внимания Коммунистической партии и Советского государства к задачам дальнейшего укрепления законности, усилению работы по предупреждению правонарушений и повышению эффективности борьбы с ними являются принятые 8 февраля 1977 года Указы Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений и дополнений в уголовное, исправительно-трудовое, уголовно-процессуальное законодательство, а также постановления Президиума Верховного Совета СССР о дальнейшем совершенствовании деятельности товарищеских судов и о практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан».

Все эти законодательные акты разработаны в соответствии с выдвинутыми XXV съездом партии требованиями дальнейшего укрепления законности и отражают последовательное развитие демократических, гуманных принципов советского законодательства. Они предусматривают осуществление комплекса мер по предупреждению правонарушений и формированию социалистического правосознания граждан.

Большое внимание укреплению законности уделяют Советы депутатов трудящихся и их исполнительные комитеты. Советы министров автономных республик, крайисполкомы и облисполкомы систематически анализируют состояние преступности и разрабатывают комплексные меры по ее предупреждению, чаще рассматривают эти вопросы на своих заседаниях и вносят их на обсуждение сессии Советов депутатов трудящихся.

Вместе с тем работа Советов по борьбе с правонарушениями должна постоянно совершенствоваться. В частности, при разработке перспективных планов социального развития городов и районов, при решении комплексных экономических задач местные Советы депутатов трудящихся должны больше внимания уделять воспита-

тельной работе, укреплению правопорядка и законности. Это необходимо для того, чтобы не образовывались диспропорции между масштабами развития населенных пунктов, промышленных объектов и имеющимися средствами предупреждения правонарушений. Укрепление правопорядка — не узковедомственная задача. Ее решение должно увязываться с планами социального и экономического развития.

Совещание рекомендовало также советским, правоохранительным, хозяйственным органам и общественным организациям воспитывать граждан в духе строгого соблюдения советских законов и правил социалистического общежития. Для предупреждения правонарушений полнее использовать возможности трудовых коллективов, рабочих собраний, товарищеских судов и других средств общественного воздействия.

Большое внимание совещание уделило предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Была обсуждена работа правоохранительных органов по пропаганде правовых знаний, разъяснению советского законодательства. При обмене мнениями по этому вопросу указывалось, что уровень культуры и образованности населения постоянно растет. А это требует повышения качества лекций и других форм правовой пропаганды, улучшения подготовки и самоподготовки лекторов.

Выступления участников совещания были самокритичны, они высказали много интересных и полезных предложений по улучшению организации работы советских правоохранительных органов, совершенствованию их структуры, упорядочению некоторых норм действующего законодательства; повышению эффективности деятельности комиссий исполкомов и других общественных организаций, участвующих в охране правопорядка. Все эти предложения будут обобщены и рассмотрены.

С большой речью на совещании выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

читатель
на приеме
у юриста

В редакцию поступили письма, авторов которых интересуют некоторые вопросы, связанные с выдачей паспортов нового образца, обменом старых паспортов на новые. По просьбе редакции читателям отвечает заместитель начальника паспортного отдела Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР полковник милиции М. И. Гусев.

П. Якушин из Киева спрашивает, какие сведения и на основании чего вносятся в паспорта нового образца.

В паспорт нового образца вносятся следующие сведения о личности гражданина: фамилия, имя, отчество; число, месяц, год рождения; место рождения; национальность.

При обмене паспортов на новые эти сведения берутся из старых паспортов. (В отдельных случаях, если необходимо, органы милиции вправе требовать дополнительно предъявления и других документов — свидетельств о рождении, о браке, военных билетов).

Когда паспорт выдается впервые, сведения о личности гражданина вносятся на основании свидетельства о рождении. А национальность записывается соответственно национальности родителей. Если у родителей разные национальности, то национальность получателя паспорта записывается — в зависимости от его желания — по национальности отца или матери. В дальнейшем запись о национальности не может быть изменена.

В паспорта граждан вносятся также сведения о родившихся у них детях: фамилия, имя, отчество, число, месяц и год рождения. Эти записи производятся органами загса.

П. Гончаренко из Крымской области просит разъяснить, можно ли при обмене старого паспорта на новый переменить — по просьбе владельца паспорта — и его фамилию, если она неблагозвучная, грубая.

При обмене старого паспорта на паспорт нового образца менять — как бы заодно — и фамилию на другую нельзя.

Это, однако, не означает, что вообще не разрешается менять фамилии. Они могут быть изменены в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1971 года «О порядке перемены гражданами СССР фамилий, имен и отчеств», Положением о порядке рассмотрения ходатайств о перемене гражданами СССР фамилий, имен и отчеств (утверждено Постановлением Совета Министров СССР от 20 августа 1971 года) и другими нормативными актами, касающимися этих вопросов.

Скажем вкратце, что по общему правилу фамилия, имя или отчество гражданина СССР могут быть изменены, когда он достигнет восемнадцати лет. Ходатайство о перемене фамилии, имени, отчества подается советским гражданином в отдел (бюро) загса исполкома районного (городского) Совета депутатов трудящихся по месту постоянного жительства заявителя. (Подробно эти вопросы освещены в консультации «Перемена фамилии, имени, отчества», опубликованной в № 3 нашего журнала за 1975 год.— Ред.).

С. Винокуров из Омской области спрашивает, какие отметки делаются в новых паспортах, в частности необходима ли отметка о месте работы.

В паспорте нового образца делаются отметки: о регистрации и расторжении брака — органами записи актов гражданского состояния; об отношении к военной службе — военными комиссариатами; о прописке и выписке — органами внутренних дел и лицами, уполномоченными на то исполнительными комитетами сельских, поселковых Советов депутатов трудящихся.

В паспортах граждан, осужденных за злостное уклонение от уплаты алиментов или разысканных в связи с уклонением от их уплаты, органы внутренних дел производят отметку о том, что в соответствии с решением суда эти лица обязаны платить алименты.

В паспорте может быть также сделана отметка о группе и резус-принадлежности крови гражданина. Причем эти отметки вправе производить только учреждения здравоохранения и лишь с согласия вла-

дельца паспорта. Правило о внесении таких данных в паспорт обусловлено тем, что не каждый знает группу своей крови, а если и знает, то, находясь, например, в тяжелом состоянии, не всегда может сообщить об этом. Кроме того, кровь характеризуется наличием или отсутствием так называемого резус-фактора. Знать эти особенности необходимо при переливании крови.

Отметки о месте работы гражданина в паспортах нового образца не делаются.

М. Казьмин из Перми интересуется, на какой срок выдаются новые паспорта.

Действие паспорта не ограничивается каким-либо сроком.

Когда гражданам исполняется 25 и 45 лет, в их паспорта вклеиваются новые фотографические карточки. Эти фотокарточки, сделанные, соответственно, в возрасте 25 и 45 лет, представляются в органы внутренних дел. Паспорта без таких фотокарточек недействительны.

Н. Большаков из Ивановской области просит ответить, может ли суд освободить его от уплаты алиментов на шестнадцатилетнего сына, который недавно закончил производственно-техническое училище и начал работать.

Если несовершеннолетние дети, на которых взыскиваются алименты, работают и имеют достаточный заработок, суд по просьбе родителя, уплачивающего алименты, вправе уменьшить их размер. Однако родитель не может быть в таких случаях полностью освобожден от уплаты алиментов.

Суд имеет право совсем освободить родителя от уплаты алиментов, если дети находятся на полном содержании государства или общественной организации.

Ю. ЖУКОВ,
кандидат юридических наук

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

ГАНС ШНАЙДЕР

РОМАН

НОЧЬ БЕЗ АЛИБИ

тец поглядел на меня мрачно, брат с любопытством, а мать с беспомощным порицанием. Чтобы разрядить атмосферу, она перевела разговор на другую тему.

— Его костюму как-никак два года,— напустилась она на Фрица,— а ты свою куртку недели не проносил и ухитрился пуговицу выдрать прямо с «мясом»!

Фриц потупился. Я рассмеялся, но тут же осекся от внезапной догадки. Пуговица с «мясом»? Кровь бросилась в голову. Пуговица, оторванная с клочком материала. Случайное совпадение — или Фриц залез в дом Улы? Нет, там был Яшке, это доказано.

Ну и головоломка! А зачем Фрицу понадобилось туда лезть? Правда, у Яшке не нашли куртки или пальто с выдранный пуговицей. Фриц сидел, прикрыв глаза, но я все же заметил, как он из-за полуоткрытых век метнул на меня странно колющий взгляд.

Тут что-то неладно. Только бы не растеряться! Ни в коем случае не показать, что у меня возникло подозрение. Что мне известно о пуговице? Ее же могли и не найти. Мало ли в крестьянском доме щелей.

Я улыбнулся и со злорадством сказал:

— Вот видишь, и тебе досталось. Давай-ка разбежимся, а то еще мать черпаком огреет.

И как я только сумел притвориться? Разве не правильнее было бы схватить брата за шиворот и сказать ему в лицо, что он залез в дом Мадера?.. Но Яшке, как быть тогда с Яшке? Ведь между ними нет ничего общего. Они друг друга терпеть не могли. Нет, сейчас я верно поступил. Эта дурацкая пуговица — просто случайное совпадение. Я становлюсь слишком подозрительным. Ведь, стоя за дверью, я слышал, что брат обо мне говорит.

Но сомнения не покидали меня. Да и Фриц почему-то время от времени выжидающе поглядывал в мою сторону. Может, он все же хотел убедиться, не заподозрил ли я чего-нибудь? Если так, то моя недоверчивость обоснована. Иначе чем объяснить, что он обеспокоен такой мелочью, как оторванная пуговица?

Застольный разговор пошел о всякой всячине. Почему-то каждый искал предлога уйти из кухни, но так, чтобы не вызвать подозрений у оставшихся. Первому это удалось отцу. Впрочем, он-то мне не мешал, он сейчас был ни при чем. Мать, не замечая настороженных взглядов, угваривала нас выпить кофе с пирогом. И Фриц, и я отказались. Вскоре возвратился отец. Мы с братом по-прежнему болтали о каких-то пустяках. Отец послушал, пожал плечами и неожиданно предложил нам водки.

Едва мы успели чокнуться, как в сенях зазвенел колокольчик и кто-то робко постучал в дверь кухни. Вошел наш сосед Гимпель. При виде спиртного его глазки масляно заблестели. Он потоптался у порога и взглянул на Фрица.

— Не обижайся за вчерашнее,— начал он, запинаясь,— дело-то, что ни говори, путаное. Ну, а в полиции я про Яшке сказал все как было... Да, не одолжишь мне на сегодня сани?

Фриц с досадой занялся Гимпелем. Случай благоприятный, подумал я. Оглядев с сожалением свой порванный пиджак, я вышел в коридор.

Мне хотелось взглянуть на куртку Фрица. Шагая через две ступеньки, я моментально оказался на втором этаже. Заскрипели половицы. Дверь в комнату Фрица была заперта. Но наши комнаты смежные, есть еще одна дверь. Ключ в ней торчал с моей стороны. Прислушиваюсь: внизу пока все тихо. Открываю дверь, она ударяется о мою кровать. В комнате брата, напротив двери, платяной шкаф. Поворачиваю ключ, дверцы шкафа со скрипом отворяются. Оливкового цвета рукав куртки чем-то испачкан. Снимаю с плечиков. Верхней пуговицы не хватает. Цвет тот же! У меня задрожали руки!

Послышались торопливые шаги. Звякнули ключи, заскрежетал дверной замок. Все равно. Теперь уже отступать поздно — и мне, и ему. Еще раз оглядываю куртку. Да, такая же черная пуговица с серо-зеленой крапинкой, того же цвета нитка и оливкового цвета материал. Сомнений нет: моим противником на крыльце Улиного дома был Фриц.

Дверь распахнулась настежь, стукнув о стену, Фриц замер на пороге, подумал и тихо прикрыл за собой дверь. Злобно глядя на меня, он медленно, шаг за шагом, стал приближаться. Я прыгнул к другой двери, бросил куртку на свою кровать, захлопнул дверь и повернулся к Фрицу. Если он полезет драться, я его щадить не стану. На сей раз меня еще не оглушили дубинкой.

Фриц в нерешительности остановился.

— Что это за фокусы? — спросил он.

Я решил идти напролом.

— Что ты искал в Улином доме?

— Отдай мою куртку, не то... — Он подошел ближе, ничуть не боясь меня, хотя я был выше и, наверное, сильнее его.

Я следил за каждым его движением.

— Куртку получишь, когда объяснишь, что ты там делал. Отвечай!

— Все было не так, как ты думаешь.

— Оторванную пуговицу увезла полиция. Если я отдам им куртку, ты влип.

— Не посмеешь.

— На рукаве коричневое пятно. Похоже на кровь, и она наверняка моя. Установить это по группе крови не так сложно.

В глазах брата мелькнул страх, лоб прорезали морщины.

— Ну чего тебе взбрело? Я все объясню.

— Хорошо, давай присядем.

— Прямо сейчас?

— Конечно. Или хочешь, чтобы я дал тебе время придумать отговорки?

Фриц тяжело плюхнулся на свою кровать. Я поставил стул посреди комнаты и присел на краешек, готовый вскочить в любую секунду.

— Собственно, ничего тут нет особенного. Просто хотелось напоследок объясниться с Улой: ведь ты-то вернулся. Чтобы между нами никаких недомолвок не осталось, раз уж она решила выбрать тебя.

— И для этого надо было вламываться в дом?

— Дверь была не заперта.

— Врешь!

— Нет, в самом деле не заперта. Ну, я подумал, что Ула где-нибудь неподалеку, и решил обождать... А тут ты с ней идешь. То есть я узнал, что это ты, по голосу. Ну, а дальше сам знаешь.

Как хотел бы я поверить ему. Да, в личных делах, которые требовали некоторой деликатности, он зачастую вел себя неуклюже. Мало того, что в таких делах для него третий был лишним,— даже вторая пара глаз, случалось, стесняла его. И все-таки он врал, ибо удар дубинки обрушился на мою голову раньше.

— Это я могу понять,— сказал я,— но тогда зачем же ты огрел меня палкой сзади, когда я стоял еще на крыльце?

Фриц, разинув рот, уставился на меня. Как хорошо знал я это его выражение безмолвного удивления. Оно было убедительнее самых красноречивых заверений и клятв. В прежние годы всегда подтверждалось, что Фриц действительно не участвовал в каких-либо проказах, если только при выяснении выражение его лица делалось таким же дурацким, как сейчас. Актерских способностей у него никогда не замечалось.

— Я... я тебя огрел?..— Он запнулся и вытаращил глаза.

Нет, он в самом деле не ударял меня, он даже не знал об этом. Черт возьми! Опять рушатся мои версии. А может, и вправду они с Яшке...

— Ты договорился с Яшке!

— С Яшке?

Снова обалделое выражение лица: удивление, растерянность, недоумение, а теперь вдобавок и испуг.

— Он был во дворе примерно в то же время.

— Кто?

— Человек, который трахнул меня дубинкой по черепу.

— Чертовщина какая-то, Вальтер. Конечно, свинство с моей стороны, но ты же меня знаешь. Мне от Улы больше ничего не надо, правда... Будьте счастливы. Я об этом и хотел ей сказать, ну и... извиниться за то, что соврал тогда. Конечно, я мог сделать это днем. Но ты ведь знаешь наших, деревенских. Они не упустят случая почесать языки. А я не выношу, когда обо мне треплются.

Неужели у меня ум помутился? Ошибка, вранье, опять ошибка, а в промежутках крупницы правды. Я беспомощно барахтался между небом, которое издевательски начертало мне столь прямехонькую линию от взломщика к убийце, и землей, на которой стоял мой брат и самыми банальными доводами разбивал в пух и прах мои, казалось бы, неопровержимые аргументы.

Фриц вскочил с кровати и встряхнул меня за плечи. Глаза его смотрели умоляюще.

— Вальтер, я больше не вынесу, эта история меня с ума сведет. Забудь ты все, ведь с Яшке уже покончено!

Он был прав. Яшке арестован. Каким-то случайным ветром его занесло на мадеровский двор всего несколькими минутами позже Фрица. Но как доказать вину Яшке? Что, если я опять ошибся? Все радужные картины будущего, которые я рисовал в воображении прошлой ночью и даже четверть часа назад, грозили развеяться в безнадежной серой мгле.

Нет, невозможно. С Яшке дело проще, там есть мотивы и улики.

Да, работа криминалиста не так легка, как мне казалось. Тут надо пробираться через лабиринт всевозможных версий. Может, лучше довериться старшему лейтенанту Вюнше или прокурору? Но тогда Фрицу не миновать допроса. Не годится. Новая версия, не успев развиться, тут же лопнула. Да и в действиях брата я не усматривал ничего преступного. Он и без того здорово переживал.

Я поднялся и пошел в свою комнату. Куртка полетела к хозяину. Глаза Фрица радостно сверкнули. Он поймал на лету куртку, сунул ее под мышку и выбежал из комнаты.

Спускался я вниз подавленный. Собственно, ведь все выяснилось. Отчего меня все-таки что-то гложет?

Что же делать?

Поговорить с отцом или прежде посоветоваться с Улой? Нет, ее беспокоить не надо, сильные люди сами должны со всем справляться. Только слабаки бегут с каждой мелкой заботой к ближнему, чтобы взвалить ее на чужие плечи, даже если у того и своей ноши хватает. Ах, до чего же легко причислять себя к сильным духом; гораздо труднее соответственно поступать.

Я мысленно перебрал свои поступки за последние полгода. Все ли они были правильны? Нет, теперь я кое в чем поступил бы иначе. Вот, например, мое поведение после смерти Мадера: на первых же допросах я не говорил правду, потому что не доверял следователю, думал, что он отыскивает только уличающие меня факты. Если бы я с самого начала больше доверял ему...

Или взять мой побег после суда. Мой частный розыск теперь, после освобождения. Наверняка меня отговорили бы или посоветовали что-нибудь получше... Но сделанного не вернешь... и отвечать за последствия своих ошибок придется...

Я прошел в соседнюю с кухней комнату и уселся там, чтобы без лишних глаз спокойно обдумать все. Конечно, каждый волен решать и поступать по-своему, но ведь можно найти гораздо лучшее решение, если ты руководишься не только собственным опытом. Человек, действующий в содружестве с другими, сильнее действующего в одиночку...

Фриц ушел, мать принаряжалась, чтоб пойти на день рождения своей крестницы. Отец после праздничного обеда, наверно, как всегда, уляжется спать. Наконец-то я останусь один.

Но сегодня отец, как нарочно, сел в кресло возле своего шкафчика и не двигался с места. Время от времени он поглядывал на меня, словно желая узнать, долго ли я еще собираюсь оставаться в комнате. Мне надоело молчать и тоже подглядывать за ним. Я уже решил было идти к Уле, но тут отец рывком поднял голову.

— Вот что я тебе советую: брось-ка играть в полицию. Если хочешь остаться в деревне, дай людям покой, перебирайся к Мадерше и назови мне сумму выдела.— Он глубоко вздохнул.

— Послушаешь тебя, так можно подумать, будто ты и есть убийца,— сказал я, желая позлить его и отомстить за неприязнь к Уле.

Реакция его была неожиданной. Он скорчился, словно у него начались колики в животе, и вцепился костлявыми пальцами в подлокотники кресла. Ноздри раздулись, глаза вспыхнули. Прежде в таком состоянии он хватал палку и беспощадно лупил меня, пока мать не встревала между нами. При этом иногда и ей доставалось. Сей-

час он тоже вскочил и схватил меня за грудки, но я легко оттолкнул его и поднялся. Он с ненавистью поглядел на меня, потом, кряхтя, плюхнулся обратно в кресло.

Эта вспышка больше удивила, нежели взволновала меня. Пока он приходил в себя, скрючившись и тяжело отдуваясь, я размышлял над случившимся. От внезапной страшной догадки у меня даже холодный пот выступил. Никаких доказательств не было, но в эту минуту я почти не сомневался: либо отец имеет непосредственное отношение к убийству, либо, по меньшей мере, до того рад смерти Мадера, что не хочет, чтобы нашли убийцу.

В уме уже возникали другие догадки, строились новые версии, но времени сейчас для этого не было. Игра пошла ва-банк, я должен был все поставить на карту, но не открывать ее преждевременно.

— Согласен, съеду,— заявил я, стараясь быть как можно спокойнее.

Он посмотрел на меня из-под полуопущенных век, колеблясь, взвешивая мои слова. Столь быстрого успеха он, по-видимому, не ожидал.

— При одном условии,— добазил я.

Его тело напряглось, как перед прыжком, но он лишь выдавил:

— Каком?

— Отдашь мне долговую расписку от сорок пятого года.

— Ты что, спятил? Такой бумажки вообще нету.

— Есть. Подписанная твоим бывшим другом Фридрихом Мадером. Он получил тогда от тебя двух коров, свинью, причем супоросую...

Он слушал, не меняясь в лице. Надо его припугнуть! Иначе моя пуля уйдет в «молоко». Но где у него самое уязвимое место?.. Жадность! В расписке упоминались две овцы. Попробую-ка одну скрыть.

— Впрочем, свинья, кажется, была никудышная,— продолжал я. На его висках набухли жилы.

— Она выкинула. Ни один поросенок не выжил.

Глаза его сверкнули негодованием.

— Затем он еще получил какую-то полудохлую овцу...

— Две лучших мериносовых, врун проклятый! — Смертельный испуг в его глазах сменился необузданным гневом.

Я его перехитрил. Этого он мне никогда не простит. Дожать, пока он не сменил тактику!

— Значит, две овцы, как ты сам признаешь. Далее — картофель, зерно, сено и кое-что еще. За что он получил это богатство по тем временам?

— За что, за что... Дурацкий вопрос. Он был моим другом.

— Почему же ты вдруг потребовал с него этот долг за день до его смерти?

— Такой был уговор: через двадцать лет.

— Ничего подобного... Для него это явилось полной неожиданностью... В расписке не было ни слова о сроке уплаты... Он мне сам сказал.

Я говорил не спеша, с многозначительными паузами, тщательно взвешивая каждое слово.

— Насчет срока уговор был на словах, мы ударили по рукам при свидетелях.

— Так, так, на словах и по рукам! Да ты еще ни одной сделки в жизни не скрепил рукопожатием, все оформлял на бумаге; кроме разве тех, где ты был должником и надеялся облапошить партнера... Когда ты собираешься предъявить Уле расписку?

— По-твоему, я должен выбросить свое добро на ветер? — В его взгляде затаился страх, как обычно, когда речь шла о деньгах и он опасался убытков.

— По мне, хоть на ветер. Так оно разумнее. Тем более что сделка была не совсем честной, скорее даже незаконной.

— Как ты со мной разговариваешь! — вспыхнул он было, но, сделав над собой усилие, сдержался. — Хорошо, если ты непременно хочешь расписку, вычтем долг Мадера из твоей доли наследства.

Я расхохотался, громко, с издевкой. Пусть почувствует мое превосходство.

— Ну ладно, скажем, половину, раз уж это останется у родственников, — стал он торговаться.

Я пренебрежительно махнул рукой.

— Ни целиком, ни половину, ни четверть, ни одного пфеннига не заплачу тебе. Ты говоришь, Мадер тебе должен. Скажи, а на суде ты сможешь доказать свою правоту в этом деле? Ула не станет платить. Пожалуйста, подавай на нее в суд. Доказывай, опровергай мои показания, которые я дам, разумеется, в пользу Улы.

Он сосредоточенно покусывал нижнюю губу.

— А как было дело с Коссаком, от которого тебе достался двор?

— Мой лучший друг.

— Лучшим был Фридрих Мадер. Значит, Коссак второй по счету. Может, ты и с ним поступил точно так же, как с лучшим?

— Мадер тебя настропалил.

— Ничуть. Есть еще кое-какие бумажки, там все подтверждается.

Он пытливо вглядывался в меня, прислушиваясь к интонациям, надеясь уловить малейшую неточность. Я держал себя так, будто разговариваю с совершенно чужим человеком о пустяковом деле. Его неуверенность придавала мне силы, а причина ее, как я догадывался, была в том, что он не знал, насколько мне известны его тайны. И чем больше он ошибется в своих предположениях, тем уступчивее будет.

— Когда переедешь?

— Завтра утром, если отдашь мне расписку сегодня, а лучше — прямо сейчас.

В глазах его отразились самые противоречивые чувства. Но это длилось недолго: вероятно, он уже почти решился. Лицо его сразу сникло, щеки обвисли. Он устало выбрался из кресла, отпер шкафчик, помедлил, открыл шкатулку и стал рыться в бумагах. Вот сейчас бы кинуться на него и вырвать все из рук. Нет, драться с отцом не стоит.

Крышка шкатулки захлопнулась. Звякнула связка ключей, которые отец всегда хранил в кармане. Отдаст ли он расписку? Пока вроде не собирается. Все еще ломает голову, как бы извернуться и сбегать деньги. Держа расписку обеими руками, он следил, чтобы меж-

ду нами сохранялась дистанция метра два. Я протянул руку, но он молниеносно отступил на шаг и покачал головой.

— Прочитал? — спросил он хрипло.

Молча кивнув, я изготовился к прыжку.

— Значит, завтра съедешь? — удостоверился он еще раз на всякий случай.

— Конечно.

— Дай мне письменное подтверждение.

— Согласен.

— Уговор такой: я сожгу расписку у тебя на глазах.

Это что-то новое. Не хочет ли он меня обмануть? Нет, расписка настоящая. Я попросил его еще раз показать бумагу и убедился: та самая. Он, конечно, осторожничает, сверхосторожничает. Ну и бог с ним, зато Уле хуже не будет, если эта бумага сгорит...

Я решился.

— Жги!

Он опять покачал головой и спрятал расписку в карман. Наклонившись к шкафчику, он чего-то поискал и достал чистый листок бумаги. Молча положил его на стол, затем вытащил из ящика химический карандаш и положил рядом с бумагой.

— Пиши, что завтра съедешь.

Я начал писать обязательство. Руки у меня дрожали. Быстрее, быстрее, торопил я себя, пока он не передумал. Он прочитал вслух написанное, бережно вложил листок в шкатулку, словно крупный банкнот, и опять развернул долговую расписку. Я внимательно следил за его медленными движениями. Чиркнула спичка, огонек лениво лизнул край бумаги и погас. Отец, как замороженный, уставился на темное пятнышко.

— Нет,— пробормотал он,— нет! — И, поспешно сложив бумагу, сунул ее в карман.

— Сожги! — крикнул я.

Он покачал головой.

— Нет, грешно.

Мы и не заметили, как вошла мать. Она встала между нами.

— Чего ты опять затеял? — сердито спросила она отца.

Он отстранил ее.

— Тебя не касается!

Мать, зацепившись носком за ковровую дорожку, чуть не упала. Я успел поддержать ее. У меня мелькнула последняя надежда.

— Это касается и тебя, мама. Он хочет меня надуть.

— Не впутывай ее!

— Нет, пусть знает, как я попался в твою ловушку.

Я в двух словах рассказал матери о том, что произошло.

— Вот что, Эдвин,— начала она почти шепотом.— Может, я зря все время тебя слушалась. Да, наверное, зря, а то бы кое-чего не случилось.— Она подумала и решительно шагнула к отцу.— Дай-ка сюда расписку,— потребовала она неожиданно твердым голосом,— и ту бумажку, что Вальтер написал, тоже.

— Рехнулась баба! — в бешенстве крикнул отец.— Начисто рехнулась!

— Отдай обе! — не отставала мать. Куда девалась ее робость?

Что придало ей силы? — Если не отдашь бумаги, я расскажу, не сходя с места расскажу, как ты получил эту расписку.

Отец, сгорбившись, растерянно посмотрел на мать. Затем суетливым движением вынул из кармана расписку и швырнул на стол.

— Я тебе это еще припомню! — проворчал он.

— Другую бумагу тоже!

Он открыл шкатулку, вытащил листок и положил его рядом с распиской.

Мать подошла к столу, внимательно прочитала обе бумаги и достала спички. Мы с отцом следили за ее руками. С шипением вспыхнула спичка. Мать взяла долговую расписку, еще раз взглянула на нее и подожгла. Пламя поползло от темного пятнышка на краю, пожирая строчку за строчкой. Черный пепел падал на пол. Вторая бумажка сгорела еще быстрее. Мы стояли затаив дыхание. На какой-то миг я заглянул в глаза матери и благодарно улыбнулся ей. Она кивнула, погладила меня по голове и молча вышла из комнаты. Переступив порог, она вдруг сникла, будто лишилась сил.

Был ли я доволен? Не знаю. Я рад был своему успеху и поражению отца. Но радость ведет к легкомыслию, а легкомыслие — к ошибкам...

— Ну, а как ты все же заполучил коссаковский двор? — спросил я.

Услышав это, отец поначалу даже оторопел. Потом повернулся ко мне и, еще больше ссутулившись, посмотрел мутными глазами.

— Я... я полагаю, что Мадер тебе рассказал все?

Моя твердая позиция, кажется, пошатнулась. Теперь меня могло выручить лишь нахальство.

— Ах, собака, обхитрил меня! — прохрипел он и стиснул кулаки.

Я чуть было не кивнул в знак согласия, но вовремя одумался. Зачем мне понадобилось выведывать у него еще что-то? Наверное, потому, что кто больше знает, тот и сильнее.

— Фридрих Мадер рассказал мне все, — соврал я. — За исключением того, как тебе удалось прикарманить двор Коссака.

Отец с явным облегчением вздохнул и, довольный, улыбнулся. Долговая расписка уничтожена, но тем не менее он чувствовал себя победителем. Что за этим скрывается? Он держался непринужденно, будто между нами ничего и не произошло. Он снова отпер шкафчик и достал наполовину пустую бутылку сливянки. Я не верил глазам своим: он поставил бутылку на стол и велел мне принести из кухни рюмки. Сначала я заподозрил какое-то очередное коварство, но потом почувствовал, что за его демонстративно дружеским жестом никакого обмана не кроется.

Первую рюмку мы выпили молча. Он осушил свою залпом, а я пропускал крепкую наливку глоточками. Лишь попробовав вторую рюмку, я ощутил пряный сливовый аромат. Налив по третьей, он отодвинул рюмку в сторону и оценивающе посмотрел на меня.

— Я не обижаюсь на тебя. Так или иначе все остается в семье. Ты вот спрашиваешь насчет Коссаков. Тайны тут нет, ведь ты слышал эту историю. Могу рассказать еще раз, если хочешь.

— Я хочу знать правду.

— Конечно, только правду.

Он взял рюмку, но лишь пригубил ее.

— Так вот, мы с Коссаком были друзьями, настоящими, неразлучными. Семья наша, как тебе известно, из Нижней Силезии, а вы оба, Фриц и ты, родились в Рабенхайне. Тут жила ваша бабка. Мать всегда скучала по дому, когда приезжала сюда. Ну вот, в январе сорок пятого пришлось нам драпать из Силезии. Куда в таких случаях подаются, спрашиваю? К родственникам или друзьям. И те и другие были здесь, в Рабенхайне. Но война и сюда докатилась. Трое суток шел бой. То русские врывались в деревню, то наши занимали ее, пока фронт не ушел дальше. Через два дня, было это под вечер, Коссак с женой возились у себя во дворе, за сараем, где они закопали одежду и белье. Вдруг слышим страшный взрыв. Мы все туда, но поздно. Жена — в клочки, сам Коссак смертельно ранен. Из двух ребятишек, что рядом стояли, одного убило на месте, другого ранило, тяжело. Он помер в больнице... Оказалось, через их сад минная полоса проходила, наши во время боев поставили... Когда за сараем копать начали — и напоролись. В больнице Коссак еще завещание успел составить при соседе Мозере, но тот на другой день сгинул, куда — никто не знал: говорили, что он у нацистов чем-то заправлял, ну и удрал от русских.

Отец взял рюмку и медленно допил ее. Я же теперь, наоборот, одним глотком осушил.

— А дальше? — нетерпеливо спросил я.

— Что ж, судьи, понятно, потребовали свидетеля. Мадер и сделал мне одолжение. Ничего плохого тут не было. Он лишь подтвердил то, что и так было законным, но суд тогда не соглашался сразу.

— И за это одолжение он обязан был платить?

— Долговую расписку мы составили, потому что я хотел обезопаситься от всякой болтовни. Если бы он проговорился, я бы предъявил расписку к уплате.

— Мадер молчал до конца!

Отец неодобрительно посмотрел на меня.

— Бумажка эта стоит больших денег. Неужели я должен был подарить их ему после того, как он помешался на своем кооперативе, да и меня к стенке припер?

Бесполезно говорить с ним, подумал я и, не прощаясь, вышел из комнаты. На дворе дул сильный ветер, сметая снег в причудливые волнистые сугробы. Я с блаженством подставил ветру разгоряченное лицо, затем, подняв воротник пальто, не спеша побрел по улице, хотя холод пробирал до костей.

Ула обрадовалась мне, чмокнула в щеку и побежала в кухню готовить кофе. Стол был уже накрыт на две персоны: значит, ждала меня. Я вполне мог быть доволен: у меня есть домашний очаг; но чтобы окончательно почувствовать себя здесь как дома, я должен был продолжать борьбу, не складывать руки.

Я, наверное, задумался, созерцая убранство стола, и потому не услышал, как вошла Ула. Она обняла меня сзади за плечи и прижалась головой к щеке.

— Завтра конец, — сказал я.

Она повернула меня к себе и с недоумением заглянула в глаза.

— Конец моей жизни в семье и доме Вайнхольдов. Возьмешь меня, не раздумала?

— Не будь формалистом!.. А ты хорошо все обдумал?

— Еще бы! — Я посадил ее себе на колени.— Завтра поеду в город, к Вюнше или к прокурору. Все им доложу, и о своей семье тоже. Одному мне не справиться с этим запутанным делом, против него я что средневековый рыцарь против современного танка. Я не вижу выхода, не знаю, как распутать клубок. Вюнше верно говорит: в наше время сыщик-одиночка не имеет права на существование... Да, я опять чуть не зарвался... и кончилось бы наверняка плохо.

Мы помолчали. Ула приласкалась ко мне.

— Я рада, что ты так решил,— прошептала она.— Ты преодолел свою слабость, которую долго принимал за силу.

— Какую слабость?

— Ты был уверен, что со всем справишься один.— Она отстранилась и смущенно посмотрела на меня.— А твоя мать?

— Мне жалко ее, она всегда старалась как-то смягчить отцовскую несправедливость ко мне. Когда-нибудь ведь надо с этим кончить. Вот только... если он будет над ней издеваться...

— Тогда пусть она переезжает к нам. Скажи ей об этом заранее, чтобы она не чувствовала себя одинокой.

Ула пошла на кухню и вернулась с полным кофейником. Пока мы ели и пили, я рассказал ей о последних событиях.

Стемнело. Поужинав, мы остались сидеть за столом. С лица Улы не сходила улыбка. Я любовался ее полными красными губами, тонкими изогнутыми бровями, такими же медно-рыжими, как ее густые волосы.

— Не будем раздувать историю с Фрицем,— сказала она погody,— мне хочется жить в покое. Полиции, конечно, кое-что сообщим, чтобы зря не искала. Взломщика они все равно найдут.

— Уже нашли, Яшке.

— Ах, да, верно. Тогда подождем старшего лейтенанта. С ним можно обо всем посоветоваться.

Я покачал головой.

— В решающих делах нельзя толковать вкривь и вкось. Ты вот сказала, что я поборол собственную слабость. Правильно, хотя полчаса назад мне это было еще не ясно. Надо рассказать все. Иначе неправда или замалчивание каких-либо фактов может опять обернуться против нас. Но я попрошу, чтобы отца и брата они вызвали как можно незаметнее; лучше, если в дерезне об этом не узнают. А в остальном им виднее... Но в чем-то я могу помочь. Например, кое-что прояснилось бы, если бы я знал, кто такой Мозер.

Ула вздрогнула.

— Мозер? — переспросила она задумчиво.— Ты уже упоминал эту фамилию. Мне она показалась знакомой. Я все думала, думала — и вспомнила. Отец рассказывал о каком-то Мозере, который вроде живет в Западной Германии. Да, точно! Я относилась письмо на почту. В конце весны это было. Если от него пришел ответ, может, что-нибудь и узнаем.— Она заторопилась, оглядела комнату и ушла в соседнюю.

Упоминание о письме приободрило меня.

— Возможно, мой старик не перенес бы потерю долговой распи-

ски так легко,— сказал я,— если бы не видел в этом какой-то выгоды для себя. И разговор наш заглох в тот момент, когда я признался, что твой отец ничего мне не рассказал об унаследовании коссаковского двора. Теперь я сомневаюсь, что старик говорил правду.

Мы обыскали шкафы, ящики столов и комодов, шкатулки, заглянули даже в корзинку для шитья и в цветочные вазы.

Меня охватило вновь то же удивительное нетерпение, что и вчера, когда я нашел варезку в доме Яшке.

Ула, громко ахнув, позвала меня. Я поспешил к ней, и мы чуть не столкнулись лбами. Она читала какое-то письмо.

Отправитель сообщал, что живет хорошо, что он в сорок пятом, конечно, поторопился бежать, хотя особых причин к тому не было, но ведь тогда никто не мог знать, как все обернется: в конце концов, ни здесь, ни там человек не возьмет с собой больше того, что ему разрешат наследники. Ничего интересного.

Зачем же она позвала меня? Тут мой взгляд остановился на фамилии Коссак. Я выхватил письмо из рук Улы, чтобы получше разглядеть. Но сначала не мог разобрать ни строчки. Горячая волна хлынула к голове, и в глазах помутилось. Прошло, наверно, несколько минут, пока я успокоился и стал читать слово за словом:

«...Чтобы ты поверил моему первому письму, посылаю фотоснимок. Я заснял тогда целую пленку перед тем как уйти из дома,— чтобы иногда хоть поглядеть на свой бывший двор и соседей. На снимке видишь обоих Вайнхольдов. Возле женщины стоит мальчишка с забинтованной головой. Я заверяю и готов даже подтвердить под присягой, что это Дитер Коссак. О том завещании, предсмертном, могу лишь сказать, что оно было составлено в пользу этого мальчика. До его совершеннолетия хозяйством поручалось управлять Вайнхольду. А в случае смерти сына Коссак-старший назначал своего друга Эдвина Вайнхольда правопреемником».

«В случае смерти сына Коссак-старший назначал своего друга Эдвина Вайнхольда правопреемником»,— повторил я про себя. Я наткнулся на эту фразу, как на скалу. Перечитал ее три, пять, десять раз, пока осмыслил. Значит, сейчас коссаковский двор принадлежит правопреемнику, то есть моему отцу. А Дитер Коссак умер после того, как его «тяжело раненного доставили в больницу». Но если это так, то Мозер не смог бы его тогда заснять на пленку. Значит, мальчик был дома, даже мог ходить и позировать перед фотоаппаратом. Не здесь ли скрыта тайна, которая тяготила Фридриха Мадера и которую он назвал преступлением?

— Мы должны найти снимок, Ула!

Она, побледневшая, все еще сидела возле меня на полу среди вороха бумаг. В глазах ее застыл вопрос. Но я не мог на него ответить. Я мог лишь придумывать версии, всевозможные варианты, отбрасывать их, готовый кусать локти от отчаяния, но объяснить что-либо был не в силах. Время шло, час за часом, мы все искали и искали. Но фотоснимка так и не нашли.

Вымотавшись, как после тяжелой работы, мы уселись в полночь за стол. Что же делать? Нити, запутаннейший клубок нитей, тысячи начал, но ни одного конца не видно.

Дитер Коссак. Умер ли он? Разумеется! Иначе отец не унаследовал бы хозяйство Коссака. Но тут и начинается путаница. По словам

отца, Дитер при взрыве был тяжело ранен и вскоре умер в больнице. Судя по снимку Мозера, он был лишь легко ранен и вовсе не попал в больницу. Когда же он умер и отчего? Кто лжет? Отец или этот Мозер? Но зачем врать Мозеру? Неужели только случай свел настоящее — убийство Вернером Яшке Мадера из ревности — с теми событиями прошлого? Или прошлое не оторвешь от настоящего? Не может быть! Тогда все обернулось бы против отца.

— Старик убил мальчика, чтобы завладеть двором, — упавшим голосом подытожил я.

Пальцы Улы сжали мою руку. Глаза ее потемнели.

— Это неправда! За отца твоего я не поручусь, но ведь мать тоже все знала, а ее обвинить никак нельзя. Нет, она никогда бы не допустила, чтобы у нее на глазах убили ребенка.

Об этом я не подумал. Да, мать была бы соучастницей. Исключено. Итак, два различных «дела». Теперешним пусть занимается уголовный розыск. А то, что случилось двадцать лет назад, обязан выяснить я. Если тогда и было совершено преступление, то за давностью виновный неподсуден. Значит, повода вмешивать полицию нет. Это касается лишь моей семьи, и я сам все выясню. Если же обнаружится какая-нибудь связь с убийством Фридриха Мадера, я, не задумываясь, передам все материалы угрозыску, и Вюнше не придется больше жаловаться на «сыщика-одиночку» Вайнхольда. А вдруг сегодня ночью мне удастся распутать прошлое? Сколько времени и труда я сэкономлю старшему лейтенанту, ведь так или иначе он все равно столкнется с этими проблемами. Но поступать, как Фриц, не стану; нельзя покрывать преступника только потому, что он твой родственник. Зря я смолчал тогда. При первой же встрече с братом все ему выскажу.

Тем не менее на прошлом лежала печать какого-то бесчестья, иначе мать не смогла бы отнять у старика долговую расписку. Я встал и с хрустом потянулся. Сегодня ночью меня еще пустят домой. Шкатулке придется выдать свои тайны. Если существует очевидное доказательство, оно там.

— Что ты собираешься делать?

— Пойти домой и искать.

— Возьми меня с собой, я боюсь за тебя.

Я успокоил ее, обрисовав предстоящую операцию как вполне безобидную. Я должен действовать один, не отвлекаясь.

...Перед нашими воротами выросла снежная стена. Чертыхаясь, я полез через забор. Канавку, которую я прочертил в саду, волоча ноги, тут же занесло снегом. Наружная дверь дома находилась с подветренной стороны. На засов ее, слава богу, не заперли, она была лишь прикрыта. Особенно осторожничать незачем, из-за вьюги все равно ничего не услышат. Но колокольчик лучше придержать. Слегка отворив дверь, я просунул руку и успел схватить язычок колокольчика до того, как он звякнул. Затем протиснулся в сени и прикрыл дверь, не запирая ее. Вот теперь мне захотелось сделаться маленьким-маленьким и легким, как пушинка; ступеньки лестницы стонали подо мной, хотя я снял обувь и ставил ноги с краю, у самой стены. Еще громче заскрипели половицы в коридоре, да так, что скрип, наверное, и на улице бы услышали. Плохо дело... Я остановился и заставил себя успокоиться. Разумеется, доски

скрипели не громче обычного. Просто я слишком нервничал. Теперь я шагнул увереннее. Еще три шага, и передо мной дверь родительской спальни. Нажимаю ручку, легко открывается. Слышу храп с присвистом: отец спит.

Пригнувшись, крадусь по правой стороне комнаты, нащупываю стул. На спинке висит куртка. Домашняя куртка отца. Затаив дыхание, обыскиваю карманы. В левом — нет; в правом — нет; во внутреннем тоже пусто.

Куда же он спрятал ключи? В карманах брюк нащупываю лишь носовой платок и складной нож. Через три-четыре шага — прикроватная тумбочка. Ногой задеваю ножку, храп внезапно прекращается. Вьюга на улице тоже на какое-то мгновение стихла, но тут же возобновилась с прежней силой. Я застыл на месте. Отец всхрапнул, потом еще раз, еще... и захрапел опять равномерно. Ящик тумбочки качнулся, когда я сунул в него руку. Что-то звякнуло. Связка ключей!

В коридоре я задыхался свободнее. Спустившись по лестнице, снова прислушался. Кроме завываний вьюги ни малейшего звука. В руке чуть звякнули ключи. Я опять вдруг засомневался. Что это со мной? То не терпелось поскорее залезть в шкатулку, а теперь стою в нерешительности. Испугался? Чего еще бояться после тех ужасных месяцев, что остались позади...

В комнату, где стоял шкафчик, я все же вошел не сразу. Хотя дверь легко двигалась в петлях, мне показалось, что она поддается еще труднее, чем недавно Улины ворота. Я боролся не с дверью, а с самим собой. Мне было противно то, что я намеревался сделать. А что, если я не найду ничего существенного?.. Там будет видно, время есть. Во всяком случае, никто из домашних не должен что-либо заметить. Это значит, что мне еще раз придется совершить проклятый рейс наверх и положить ключи в ящик.

Зажечь лампочку? Нет, рано. В пепельнице на столе я нашел коробочку спичек. Крохотный огонек, а как он успокаивает!

В шкафчике меня интересовала только шкатулка. Вот она, тускло-зеленая, с серебряным ободком. Но снова меня что-то удерживает. Вместо того чтобы сунуть ключ в замочную скважину и откинуть крышку, я зачем-то несу шкатулку к столу и ставлю ее.

Вот теперь необходим свет. Одной свечки хватит, а на рождественской елке их двенадцать. Фитиль, потрескивая, неохотно загорелся. Замок шкатулки открылся почти бесшумно, и крышка откинулась. Первое, что я увидел, — деньги, перевязанные пачки банкнотов. Ничего удивительного. Отец не доверял сберегательной кассе. Почему же он хранил шкатулку здесь? Ведь спали-то все наверху? Да, недалеко видно поступает старик.

Деньги. Об этом я и не подумал. Мне стало страшно. Ведь если меня обнаружат или всего лишь заподозрят в том, что я открывал шкатулку, отец обвинит меня в краже. Этого я не предусмотрел.

Теперь уж все равно. Я вынул пачки и на дне шкатулки увидел большой коричневый конверт, запечатанный клейкой бумагой.

Таких конвертов у нас дома не было. Если его вскрыть, отец поймет, что кто-то лазил в шкатулку, и, конечно, заподозрит меня, а разъярившись, чего доброго, помчится в полицию. Только сейчас

я осознал, как легкомысленно поступаю. Ведь я ко всему притрагивался голыми руками, на всех предметах остались отпечатки моих пальцев. Значит, бросить начатое? Положить все на место, а ключи в тумбочку... Но как же я тогда узнаю тайну?

Отложив в сторону пачки денег, вскрываю спичкой конверт. Извлекаю листок дешевой почтовой бумаги с бурыми пятнами. Прежде всего смотрю на подпись. Какой-то Артур шлет сердечный привет...

Листок задрожал в руках, когда я повернул его, чтобы увидеть, кому пишет этот Артур. Буквы заплясали перед глазами. Как только они встали на свои места, я прочел имя Фридриха Мадера. В первой же строчке. «Дорогой Фридрих!» — начиналось письмо. Оно было написано пятнадцатого апреля этого года. Пальцы ощупали конверт. В нем лежало что-то еще. Я встряхнул его, оттуда выпал кусочек грязноватого картона с такими же бурыми пятнами, что и на письме. Он соскользнул со стола и на лету перевернулся: фотография!

В это мгновение я не ощутил ни испуга, ни удовлетворения, ни отчаяния. Я нагнулся, поднял снимок и с первого же взгляда узнал на нем своих родителей; возле них едва держался на нетвердых ножках ребенок. Чуть позади стоял мальчик постарше, лицо его было на снимке размыто.

Я пробежал глазами письмо, пропуская все неинтересное для себя. Потом прочитал еще раз, что Дитер Коссак после взрыва остался жив, его лишь легко ранило. Никто из жителей деревни — кроме автора письма — не решился войти во двор Коссаков, опасаясь наступить на мину. Затем пришли советские саперы и оцепили весь участок, подъехали также санитарные машины. Когда двор очистили от мин, он не знает, потому что на следующий день уехал из деревни. Фамилия автора письма — Мозер! Вот оно, то доказательство, о котором говорил мне Мадер во время нашей ссоры и которое лежало у него в кармане куртки. Тот, кто завладел этим конвертом, и был... убийцей Мадера.

Эта мысль, как гром, поразила меня. За окном бушевала вьюга, а я стоял в оцепенении, пока у меня не закружилась голова и я не повалился в кресло.

Очнувшись, я заметил, что свеча наполовину сгорела. Сколько же времени я стоял, сидел? Меня вновь одолели раздумья.

Настоящее и прошлое. Отец и я. Его вина и предполагаемая моя. Все связано одной семьей. Яшке тут ни при чем, подумал я с удивлением, а ведь все казалось таким ясным, когда я уходил из его дома. Теперь я понял, почему отец был неопишимо изумлен, когда я «признался» ему в убийстве.

Мысли перепутались, кружась вокруг непровержимого страшного факта: мой отец убил своего друга Фридриха Мадера, убил, наверное, столь же хладнокровно, как некогда маленького Дитера Коссака. Вторым преступлением он надеялся скрыть первое; Мадер, по-видимому, собирался разоблачить его. И теперь старик пойдет на все, чтобы скрыть содеянное. Такие, как он, иначе поступить не могут, для них это все равно что закон природы.

Я с отвращением собрал со стола деньги, чтобы положить их в шкатулку. Сомнений больше нет: Мадер подтвердил тогда завеща-

ние, будучи уверен, что Дитер Коссак умер от ран. В начале этого года он что-то заподозрил, списался с Мозером, и все выяснилось. Убийце маленького Коссака оставалось лишь одно: убрать опасного свидетеля до того, как он разгласит тайну. Мадер был настолько неосторожен, что первым делом обратился к своему бывшему другу. Возможно, он надеялся получить правдоподобный ответ, который рассеял бы его страшное подозрение.

Неожиданно дверная ручка дрогнула и стала медленно поворачиваться. Я протер глаза. Нет, это не галлюцинация. Ручка застыла в наклонном положении. Из коридора кто-то нажимал на нее. Пламя свечи с шипением потухло в моих пальцах. Затаив дыхание, я уставился во мрак. Тихий скрип. Неизвестный осторожно приотворил дверь. Дуновение холодного воздуха коснулось моего лица. Я чувствовал присутствие человека, застывшего в коридоре или на пороге... Или уже изготавившегося к прыжку?

У противоположной стены, где был выключатель, послышался шорох... Щелчок — и вспыхнула лампочка. Фриц пригнулся было, но, узнав меня, распрямылся. С изумлением оглядел меня, шапку, деньги. Казалось, он совершенно растерялся.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросил он и снова посмотрел на пачки денег.

— Случилась ужасная вещь, — начал я, не подумав о том, правильно ли поступаю, доверяясь Фрицу.

Ему не придет в голову, что я хотел украсть деньги, а мне сейчас просто необходим был человек, который вместе со мной встретил бы надвигающуюся лавину.

— Что случилось? — прошептал он, не двигаясь с места. — Ну, говори же, черт побери.

Брат явно не доверял мне; он видел только деньги и меня, ночного взломщика.

— Отец убил Фридриха Мадера!

Его лицо под засыпанной снегом меховой шапкой побелело.

— Ты что, очумел?! — повысил он голос и мгновенно прикрыл дверь. — Как ты докажешь это?

Я взял со стола письмо и фотографию. Подумав, поднял их, показал Фрицу. Он отступил к стене и прислонился.

— Это кровь там, сбоку? — спросил он, пораженный.

Я кивнул. Фриц мелкими шажками приближался к столу.

— Нет, этого быть не может... Нет, не верю, — прошептал он и внезапно протянул руку к письму.

Я успел шагнуть в сторону.

— Дай сюда! — Его лицо перекосилось. — Пока сам не прочту, не поверю.

— Убери руки!

— Почему? Я тоже имею на это право, не меньше твоего.

— Значительно меньше, — сухо сказал я. — Меня все еще подозревают в убийстве. А эти бумаги окончательно доказывают, что я невиновен. Это мое оправдание.

— Ах так... Ну, конечно... Я об этом не подумал, — пробормотал он, растерявшись. — Но почему ты с такой нахальной уверенностью подозреваешь отца в этом гнусном деле?

— Письмо и карточка были в нагрудном кармане Мадера, когда

мы с ним шли по полю в тот вечер. Кто ими завладел, тот и убил его. Письмо с карточкой я нашел в конверте, вот в этой шкатулке.

— Кажется, Мадер только похлопал себя по нагрудному карману, когда говорил о доказательствах. Чьи это слова, а? Что, не так? — Фриц выпятил подбородок и угрожающе посмотрел на меня.

На какое-то мгновение я остолбенел. Я не ожидал, что он так быстро «включится».

— Я поправился тогда, так как думал, что суд подозревает, будто письмо забрал я, — неторопливо ответил я, взвешивая каждое слово.

— Может быть, отец случайно...

— Нет! Мадер напал на след преступления старика и потому был убит.

— Ну, и что ты хочешь делать? — В голосе брата прозвучал страх. Его глаза умоляюще смотрели на меня. — Неужто засадишь родного отца в тюрьму? Подумай!

— Родного отца... Ты гордишься им? Может, мне пожалеть его за то, что он хотел меня погубить? Пятнадцать лет! Да ты понимаешь, что значит просидеть такой срок ни за что?

Фриц опустил в кресло и подпер голову кулаками. Пусть подумает, решил я. Такое не переваришь за секунды.

— Тебя оправдают и без этого доказательства.

— Брось! Он сам мне хорошо растолковал, что такое недостаток улики. Нет. Убийца есть убийца — даже если он наш отец...

— Может, нам сходить сейчас за полицией?

Нам? Фриц сказал «нам». Я сразу успокоился оттого, что он понял, как плохо обстоит дело, и что он мне сочувствует.

— Только прошу тебя, Вальтер: я не могу так сразу поверить в это, хотя умом все понимаю... Давай позовем его. Пусть сам скажет. Если признается, один постережет его, другой сбегает за полицией. — Фриц с мольбой поглядел на меня.

А почему бы и не попробовать, подумал я. Хуже не будет. К тому же в руках у меня улики, а я на собственном опыте узнал, сколь весомы могут быть они...

— Зови его.

Фриц вышел, шаркая по полу. Он был обут в тонкие полуботинки. Наверное, ходил на танцы в трактир, развлекался, проводил девушку. Может, и выпил.

Немудрено остолбенеть, услышав после веселого вечера такую новость. Ведь рушился мир, его мир. Без двора, сараев, хлева, лошадей, коров, свиней, овец, гусей и кур он не представлял жизни. Даже ежедневные перебранки с родителями были нужны ему, как еда и сон. Покачнувшись на пороге, он затем бережно прикрыл за собой дверь.

...Ну, где же они застряли? Сколько уже прошло, как Фриц отправился наверх, — пять минут, час? Я потерял всякое ощущение времени.

Мысли перенеслись к матери. Если она сказала неправду, что ее муж был дома, значит, что-то подозревала. Фриц показал на суде то же самое. Не могли же все трое сговориться!

Шаги на лестнице. Шепот. Опять тишина. Комок подступил к

горлу: не ошибся ли я в чем-нибудь? Передо мной лежали банкноты, письмо, фотография...

Распахнулась дверь. Старик, задержавшись на пороге, испепеляющим взглядом смотрел на меня. В его глазах я не заметил ни страха, ни мольбы, ни раскаяния, ни даже любопытства. Я понял: он все знает. Взгляд его был ужасен. Меня даже дрожь пробрала. Передо мной был страшный противник, который не остановится ни перед чем.

Но я не испугался. Окончательное слово за мной. Да и брат меня поддержит. Одно лишь удивляло: зачем Фриц все ему рассказал? Старик сразу смекнул, что его ждет, и успел подготовиться. И сейчас, когда я смотрел на них обоих, мне не показалось, будто их разделяет пропасть. Фриц неторопливо обошел вокруг стола, постоял, огляделся и направился к елке. Что ему надо? Может, отец уговорил его действовать заодно и отнять у меня документы? Я схватил фотографию, письмо, конверт и сунул их в карман. Отступая в сторону, я заметил, что старик повернул ключ в двери и вынул его.

— С каких это пор дети стали взламывать шкафы в родительском доме? — В резком голосе старика слышались порицание и угроза.

Мои иллюзии насчет поддержки со стороны брата улетучивались. Фриц сидел пригнувшись, словно насторожившийся пес.

— Если отец становится убийцей, а вину сваливает на сына, то детям ничего иного не остается, — ответил я с ожесточением.

— Чего ты там вообразил своей дурацкой башкой? Вырастил, выкормил, называется!

— Мог бы не кормить — убил бы, как Дитера Коссака, и все!

Старик вздрогнул. Мой удар застал его врасплох. Хорошо, что я не посвятил в это Фрица. Через некоторое время старик выпрямился и, к моему изумлению, начал беззвучно смеяться.

Меня охватило бешенство, я готов был удушить его за этот презрительный смех.

— Ишь хитрец! Как ты это докажешь?

— Письмом, фотографией и... и...

— Что «и»? — Старик подался вперед, в его глазах мелькнул страх.

Я хотел было упомянуть о другом письме, которое мы нашли с Улой, но вовремя спохватился, решив придержать этот козырь.

— Что значит «и», спрашиваю? — грозно повторил он.

— Этого Мозера нетрудно будет разыскать, — ответил я неопределенно.

Он клюнул на приманку и опустил глаза, словно опасаясь, что я прочту его мысли.

— Кто еще знает о его существовании? — спросил он шепотом.

— Ты.

— Балда. Если я в этом признаюсь, тогда уж мне лучше сразу в петлю... А я хочу жить. Жить! В своем доме, которому отдал все силы, а не за тюремной решеткой.

— Фриц — свидетель.

— Слава богу, он хороший сын. Не то что ты. И все мое добро ему достанется.

Фриц чуть заметно кивнул. И тут мне стало окончательно ясно, что он не со мной. Он предал меня. Предал, наверное, еще в ту минуту, когда предложил позвать отца.

— Я тоже немало знаю,— возразил я с торжеством.

— Ладно, кто еще?

— Если бы еще кто знал, ты давно бы сидел в тюрьме.

— Очень хорошо, значит, полиция ничего не узнает про этого Мозера.

— Узнает. От меня!

— А ты подумай хорошенько, не дурак ведь. Возьми бумажку, ручку — Фриц подаст тебе, что надо,— и пиши: «Я, Вальтер Вайнхольд, желая покаяться перед моими родителями, признаюсь, что убил Фридриха Мадера, будучи в состоянии раздражения». Видишь, я даже предлагаю тебе выход: как-никак смягчающие обстоятельства. Я-то великодушен, а ты все мелочишься... Вот, а записочку сунешь в конверт, заклеишь и на конверте напишешь «Вскрыть только после моей смерти».

Это конец! Третье преступление логически последует за вторым. Вот почему он вытащил ключ из двери. Я озирался в поисках выхода. Пока еще я жив. Мне не верилось, что Фриц дал себя уговорить на убийство за какие-то минуты.

— Одним убийством больше для тебя и впрямь не имеет никакого значения,— сказал я и даже постарался иронически улыбнуться.

— Испугался, а! Не бойся. Живи хоть сто лет, если дотянешь. Писулька эта надобна мне для гарантии. Она тебя заставит молчать до самой смерти. Как ты скончаешься, меня не интересует. Главное, будешь держать язык за зубами, пока меня землей не засыплют. А надпись на конверте к тому, чтобы меня никто не прекнул, будто я все знал еще при твоей жизни. Как-никак я уважаю пожелание своего сына. Вот. За это получишь двадцать тысяч марок, можешь взять их прямо сейчас. И разойдемся по добру-здорову.

Я пропустил мимо ушей его предложение. Мое решение было твердым.

— Ты предстанешь перед судом и ответишь за свои преступления.

— Дубина стоеросовая! Думать надо, не то в лужу сядешь. Дитера Коссака никто не убивал. Он сам умер, естественным путем, ночью, после несчастья. В больнице небось сохранилась запись о том. Да и старый доктор Мюллер должен помнить. Он попытался оперировать мальчишку, да поздно было. Осколки сидели в мозгу слишком глубоко. Если я не хочу раскапывать эту историю, то лишь потому, что тогда с завещанием были всякие неприятности.

— Остается смерть Фридриха Мадера.

— Он сам виноват, что поделаешь. Ему взбрела в голову та же дурацкая мысль, что и тебе. Он считал, что я должен явиться в полицию и выложить им все на блюдечке. Уперся, как козел: он, мол, возражал, когда подписывали завещание, и засвидетельствовал против совести. Ведь я бы тогда лишился двора навечно. А в нем вся моя жизнь, понимаешь ли ты это, балда? И лучше не троньте мой двор, нет у вас таких прав!

— А свидетельства Мозера было разве недостаточно?

— Мозер сбежал. Чем-то он замарался при нацистах. Мадер воротился с фронта как раз ночью, после того несчастья. Его двор разграбили свои же солдаты, при отступлении, скот какой порезали, а какой угнали. Жена его уехала к родне. Он воспользовался случаем и согласился поддержать меня на суде, в общем, подтвердил, что Коссак был в ясном уме и твердой памяти, когда писал завещание.

— Ему было известно, что Дитер Коссак умер?

— Конечно. Об этом все знали. Доктор самолично рассказал тогдашнему бургомистру — вот тебе и еще одно доказательство. Человек тот жив, служит сейчас где-то в министерстве, отыскать его можно.

Не спуская глаз с обоих, я обдумывал услышанное, сопоставлял факты, готовился уличить старика во лжи. Чересчур просто мне все это казалось...

Значит, отдай ему заявление и помалкивай. А не смолчу — он «совершенно случайно» вскрыет конверт с моим признанием-завещанием. Да, продумал досконально, рассчитал все варианты. Не учел только одно: мое неукротимое желание доказать свою невиновность ради Улы и моего будущего.

— Зачем же ты сейчас во всем сознался?

— Не твоя забота. Много узнаешь — сон потеряешь.

— На эту грязную сделку я не пойду!

Старик откинулся в кресле и пристально посмотрел на меня. Фриц бросил на него вопросительный взгляд. Я заметил, как старик кивнул ему.

— Тогда ты живым отсюда не выйдешь, — процедил он.

Фриц оперся руками о колени, готовый броситься на меня. Я взвесил свои шансы. Один против двоих. Старику грозит пожизненное, а то и смертная казнь. Ему есть что терять. А Фрицу?.. Ни тому, ни другому двор, конечно, не хочется отдавать. Это их объединяет. Помощи мне ждать не от кого. Мать, возможно, что и услышит... нет, вряд ли: вьюга по-прежнему бушует. Ночка, как нарочно, выдалась для преступления: сначала она помогла мне, а теперь — моим противникам.

— Ты же ничем не рискуешь, — подал голос Фриц.

Он еще говорит о риске для меня, будто смерть человека — обыкновенная сделка. А убийца, разгуливающий на свободе, а реабилитация невиновного? «Ничем не рискуешь...»

Да, последняя надежда лопнула, брат давно посвящен в дела старика, иначе они не сговорились бы так быстро. Он лишь попытался усыпить меня. Старик действовал жестко, а Фриц пускал в ход лесть и изображал братскую любовь. Он играл бескорыстного адвоката. И начал играть не после моего освобождения и даже не во время тюремного свидания. Гораздо раньше. Еще на следствии, когда он всячески подчеркивал мои достоинства. Разногласия между отцом и сыном заключались лишь в тактике, с помощью которой они хотели помешать моим дальнейшим розыскам убийцы. Однако оба метода не принесли им успеха. Теперь они решили действовать напролом. И все же я был убежден, что Фриц не пойдет на убий-

ство, не станет рисковать своей свободой, а то и жизнью ради того лишь, чтобы скрыть вину отца. А вообще-то не угадаешь, как он поступит... Но легко они со мной не справятся. Эх, если бы дверь была открыта. Вряд ли они осмелятся убить меня. Хотят только запугать да выжать это заявление. Я почувствовал себя увереннее и засмеялся.

— Не старайтесь; я ничего не подпишу. Вам трудно будет объяснить мою насильственную смерть.

— Почему? — Старик пытался казаться спокойным, но я видел, что его трясет от злости.

Вероятно, он был убежден, что я приму его предложение. Своим отказом я вынуждал его перейти к действию.

— Нет, не трудно,— прохрипел он.

Я с ужасом заметил, как Фриц вытащил из-под куртки топор и положил его возле себя на диван. Все было подготовлено, ловушка захлопнулась. Расплата за мою глупость, за то, что я расчувствовался и пожалел родного братца: если б я отнес его куртку старшему лейтенанту и рассказал о том, что узнал и о чем догадывался, все повернулось бы иначе. Фриц одурачил меня. В сочельник он отправился не на переговоры с Улой, а для того, чтобы поискать в доме какой-либо уличающий материал.

— В сочельник вы оба ходили в дом Мадера,— простонал я.

— Да, мы были там,— подтвердил Фриц и поднялся.

Старик тоже встал и оперся обеими руками о спинку кресла.

— Все продумано,— сказал он, еще надеясь, наверно, что я подпишу.— Мы поймали тебя на краже. Вон с тем топором ты бросился на нас, и нам ничего не оставалось, как отнять его у тебя и обороняться... Что ж, раз не хочешь по-хорошему.

Старик, видно, был без оружия. Он медленно двинулся ко мне. Вероятно, он намеревался затеять со мной драку и дать возможность Фрицу стукнуть меня топором сзади. Мне оставалось лишь одно: напасть на Фрица и вырвать у него топор. Фриц, словно угадав, сжал топор двумя руками и внимательно следил за мной. Пора, иначе будет поздно. Ни секунды промедления. Я не боялся их, да и топор был не страшен; меня пугало другое: как я ударю топором человека, на это у меня не хватило бы духу. Я глянул на окно. Во мне около центнера весу — оконный переплет не выдержит. Теперь Фриц двинулся на меня. В его глазах застыл страх перед тем, что он собрался сделать, чтобы спасти отца от суда; однако он надвигался — неуклонно, с отчаянной решимостью.

Я прыгнул к нему и схватился за топор. Дернул изо всех сил, но вырвать не удалось. Еще одна попытка. Опять безуспешно. Тогда я швырнул Фрица на пол, к стене, шага на два. Старик все еще стоял на прежнем месте. Фриц поднялся. Я схватил стул и бросил в него; Старик кинулся на подмогу, но поздно. У меня было четыре метра для разбега. Толчок. Звон стекла, треск дерева, сильный удар по голове и плечам. Оглушенный, кубарем лечу в сугроб. Ничего не почувствовал, кроме приятного холода. Плечо болит, рукой двигать не могу. Из окна льется молочный свет.

Прочь отсюда! Они погонятся за мной. В оконной раме показалась голова: Фриц. Он быстро влез на подоконник, огляделся и

спрыгнул. Нас разделяли три шага. Старика не видно. Надо уходить, пока есть преимущество!

Нет, назад! Прежде чем Фриц заметил меня в снеговерти, я двинул его со всего размаху, отнял топор и зашвырнул в высокий сугроб. Потом навалился на братца и начал бить его без пощады, вкладывая в удары все отчаяние, всю злость, которая накопилась у меня за полгода. Бил, пока не услышал вблизи хриплое дыхание старика. Он заблудился между сугробов и стоял, пытаюсь что-нибудь разглядеть во мраке.

Шатаясь, я побрел по снегу. Боль в плече дала себя знать, когда я с трудом перелез через забор и свалился по ту сторону. Через некоторое время я услышал, как с грохотом открылись ворота. Значит, меня преследуют. Ничего. Первый раунд в мою пользу. Да и вьюга сейчас поможет. Однако промерз я здорово, руки и ноги ооченели. А надо двигаться дальше, ползком, зарываясь в снег. Идти по улице во весь рост опасно, они подстерегают меня, хотят отрезать дорогу к Улиному дому.

Я пополз с передышками. Прислушивался и, не заметив ничего подозрительного, полз дальше. Снег набился в штанины, в рукава, под куртку и за шиворот. Холодные струйки текли по спине и груди.

Наконец-то! Вот и забор мадеровского участка. Перевалившись через него, я проковылял к дому. Окно спальни...

Я тихо стукнул, всего один раз. Ула ждала меня. Выглянув в окно, она заторопилась было в сени, но я удержал ее за руку и глазами показал на заднюю дверь. У крыльца они, наверно, подкарауливают.

Ула не упала в обморок и не всплеснула в ужасе руками, когда, включив свет, увидела меня. Она проворно завесила окна одеялами, принесла перевязочный материал и отцовское белье. Я терпеливо отдался ее заботливым рукам. Потом рассказал ей вкратце самое важное. Она собралась было тут же бежать к участковому, но я отговорил ее. Лучше обождать. Я не хотел пускать ее одну на улицу, где сейчас витала смерть. Этим займусь я сам. На лице и руках у меня оказалось несколько небольших порезов, а ключица была повреждена серьезно.

Я переоделся в сухую и теплую одежду. Она была мне коротковата, но швы выдержали, не лопнули. Половина четвертого. Через несколько часов рассвет. Топор я не стал брать, прихватил полуметровый ломик, которым Ула обычно скалывала лед во дворе. Она непременно хотела идти со мной, но я воспротивился. Осторожности ради я оставил ей конверт с письмом и фотографией и направился к задней двери.

Внезапно раздался громкий стук в окно. Неужели они собираются вломиться в дсм? Я на цыпочках вышел в сени и прильнул к окошку. На крыльце кто-то стоял. Я включил наружную лампочку. Световой конус выхватил из темноты фигуру человека в полицейской форме! На всякий случай я сначала отворил окошко. Да, это был наш участковый. Значит, он сэкономил мне время на дорогу. Со спокойным сердцем я отпер дверь, распахнул ее и... увидел направленное на меня дуло пистолета.

VIII

Я высказал наконец-то все, что наболело; не упустил ни одного события, ни одного поступка, ни того, что намеревался сделать, ни того, что совершил — хотя бы и по глупости.

Прокурор Гартвиг, закинув ногу на ногу, задумчиво курит сигарету. Вюнше изучает меня, будто разгадывает кроссворд. У меня пересыхает во рту, пальцы начинают противно дрожать.

— Если можно, дайте мне воды, пожалуйста,— прошу я хриплым голосом.

Вюнше кивает. Я с жадностью осушаю стакан. Дышать стало легче.

— Ваш рассказ не кажется недостоверным,— нарушает наконец молчание Гартвиг,— но многие, и очень существенные, факты говорят против вас, подтверждая вашу виновность. Начнем с последнего: арестованный Мюллер показал следующее...— Гартвиг вынимает из папки лист и читает:

— «Вайнхольд спросил меня, сможет ли он в случае успешного бегства жить в Западной Германии — не арестуют ли его там и не выдадут ли обратно. Он рассказал мне, что несколько месяцев назад в драке зарезал человека. Двое свидетелей видели это. Потом Вайнхольд пытался их тоже убить, но ему не удалось».

— Я этого не рассказывал!

— Показание на показание. Далее. Вернера Яшке сегодня освободили из-под ареста...

Меня это не удивило: Яшке отпадает, поскольку виновник — мой отец.

— Правда, в сочельник Яшке заходил на мадеровский двор,— продолжает Гартвиг,— но лишь потому, что он вообразил, будто молодая хозяйка дома чувствует себя одинокой, скучает и ждет не дождется такого горемыку, как он... Скорее всего, белая горячка. Кроме того, он, по-видимому, страдает какой-то формой шизофрении. Проявления ее, вероятно, заметила Соня Яшке и истолковала их как обычную ревность или вспыльчивость. Врачи определяют это. Пока что его поместят в больницу для наблюдения. Вам он, кстати, тоже приписывает связь со своей женой. Психиатр считает это бредом ревности. В состоянии бреда Яшке и запер вас в погребе, не ведая, что с вами будет дальше. Что касается убийства, то Яшке предъявил алиби. Мы тщательно проверили, оно подтвердилось, в тот вечер Яшке не было в деревне. Все подозрения падают на вас, особенно после событий прошлой ночи. Таковы обстоятельства дела, если рассматривать их беспристрастно.

— У меня есть доказательства, которые опровергают это,— заявил я самоуверенно.

Старший лейтенант Вюнше, сняв очки, сдувает с них невидимые пылинки. Движения у него сегодня какие-то вялые, неуклюжие. Снова надев очки, он задумчиво смотрит на меня.

— Доказательства, говорите? А вы убеждены, что они опровергающие?

Что за нелепый вопрос? Ведь я их нашел и оставил Уле. В полиции даже выдали квитанцию.

— Не понимаю вашего вопроса,— бормочу я в замешательстве.— Эти бумаги доказывают мою невиновность.

Вюнше качает головой.

— Поймите же наконец: вчера ночью вас арестовали по прямому подозрению в совершенном преступлении. Это значит, что у нас есть все основания считать вас виновным.— Вюнше откинулся на спинку стула и устало провел ладошью по волосам.— Ваш отец и ваш брат той же ночью заявили участковому инспектору, обвинив вас в краже со взломом и в попытке убийства. Поэтому вас арестовали и доставили сюда.

У меня даже перевязанное плечо перестало болеть. Неужели Вюнше дал себя провести на мякине? Как он мог допустить... Да и прокурор ни слова не возразил, только кивает! Значит, и он согласен с мнением Вюнше?

— И обоих освободили? — В полной растерянности я перевожу взгляд на прокурора.

Гартвиг чуть улыбается.

— Они тоже задержаны. Я допросил их, чтобы решить, санкционировать ли арест. Вы облегчили бы мне работу, если бы вчера сразу же обратились к нам. Единственным основанием для их задержания послужило свидетельство Улы Мадер... Как видите, упрямство никогда не ведет к добру. Если бы вы это наконец поняли!

Наступила пауза. Вюнше вопросительно смотрит на Гартвига. Тот кивает.

— Попросите свидетеля Фрица Вайнхольда,— отдает распоряжение Вюнше, не удостоив меня взглядом.

Сидевший у дверей надзиратель вскакивает, повторяет фамилию и вызывает моего брата. Фриц неуверенно входит в комнату. Я смотрю на него с ненавистью. Под правым глазом у него кровоподтек, лоб в двух местах рассечен, правая рука на перевязи. По крайней мере это вызывает у меня удовлетворение. Не мешало бы добавить ему еще, думаю я.

Вюнше и Гартвиг внимательно наблюдают за нами. Интересно, что они в самом деле думают об убийстве Мадера, обо мне, о Фрице и старике? Понимают ли они, как я сожалею о своих ошибках?

Фриц останавливается в нескольких шагах от стола, желая, очевидно, соблюсти дистанцию, но Вюнше разрешает ему подойти ближе.

— Значит, вы вернулись домой с танцев, Вайнхольд,— начинает допрос Вюнше.— Как вы обнаружили своего брата, или, скажем лучше, преступление, которое он совершил?

Фриц, откашлявшись, нерешительно косится на меня. Между нами метра два. Вюнше и прокурор сидят за столом. Мое присутствие, как вижу, Фрицу неприятно. Ему явно не хочется повторять свои показания при мне.

— Можно, я отвечу наедине?..

Вюнше, мотнув головой, указывает ему на свободный стул у стены. Фриц неохотно берет его и усаживается возле стола.

— Итак, прошу,— говорит Вюнше.

— Еще с улицы я заметил свет в окне, будто что-то горит,— начинает медленно Фриц.— Сперва я подумал — пожар, потом решил, что залез вор,— отец ведь хранит деньги в этой комнате. Поэтому

я тихо пробрался в коридор, чтобы накрыть ворюгу. Глянул в замочную скважину, вижу — брат. Стоит у отцовского шкафчика и роется там. Взял шкатулку, открыл ее, вытащил пачку денег. Ну, думаю, решил обокрасть. Можете мне поверить, я чуть не рехнулся от стыда: неужели это мой брат, ведь я всегда за него вступался... хотя и спорил с другими, которые считали, что убил не он. Я-то полагал, что виноват он.— Фриц умолк.

— Дальше! — сказал Вюнше, поглядел на него некоторое время и перевел глаза на меня.

— Ну, а дальше и началось то самое. Вальтер вытащил из кармана конверт, такой большой, желто-коричневый. Положил его в шкатулку, а поверх — пачки с деньгами.

В больном плече у меня что-то задергалось. Я перевожу взгляд с Фрица на Вюнше, потом растерянно смотрю на Гартвига. По спине бегают мурашки, от страшной злости мой череп вот-вот взорвется. Вюнше, угадав, что сейчас может произойти, предостерегающе поднимает руку. Надзиратель становится между мною и Фрицем.

— Продолжайте, продолжайте,— торопит Вюнше.

— Я сразу побежал к отцу,— Фриц заговорил быстрее и чуть запинаясь.— Когда мы вошли в комнату, Вальтер хотел запереть шкатулку. Только теперь я заметил, что на диване лежит топор. Отец спросил у Вальтера, что все это значит. А Вальтер схватил топор и бросился на нас. Когда мы его одолели, он вырвался и прыгнул в закрытое окно.

Под конец голос Фрица выровнялся. Наверное, брат почувствовал себя увереннее от соседства надзирателя. Я хочу выразить свое возмущение, но старший лейтенант взглядом останавливает меня.

— Прежде вы не видели этого письма и фотографии? — спрашивает Гартвиг.

Фриц трясет головой.

— Нет, ни разу, откуда...

— Вот именно, откуда? — хладнокровно повторяет Гартвиг.

— Как вы думаете, зачем ваш брат положил, или, скажем лучше, подложил конверт в шкатулку? — подхватывает Вюнше реплику прокурора.

Сыгранная пара, ничего не скажешь. Так не хочется, чтобы эти люди, которым я симпатизирую и верю, дали сбить себя с толку...

— В каждом поступке есть свой смысл,— добавляет Гартвиг.— Особенно если он связан с таким огромным риском.

— Он хотел погубить отца, свалить на него всю вину,— выпаливает Фриц, не задумываясь.

— Ага! Это вполне возможно.— Вюнше прикидывается наивным, но в его голосе звучит неподдельное любопытство. Ответ Фрица, кажется, его удивил.— Какую же вину он хотел свалить на отца? — спрашивает он спокойно, однако взгляд его пронизывает «свидетеля».

Фриц резко выпрямляется. Нижняя челюсть его вдруг отвисла. Кажется, будто он прилагает невероятные усилия, чтобы закрыть рот.

— Какую вину вы имели в виду? — повторяет Гартвиг приветливым тоном.

Каждая секунда молчания давит непосильным грузом. Фриц беспомощно озирается и встречает мой враждебный взгляд.

— Ну, я сказал так, вообще,— в замешательстве бормочет он.— Зачем же ему тогда делать такие вещи?

— Да, зачем? — повторяет Вюнше, как бы размышляя.— И все же какую вину вы имели в виду? Вину в каком конкретном преступлении?

— Вину... дело могло касаться... касаться только убийства,— пролепетал Фриц.

— Убийства? — Вюнше, кажется, перестал соображать. Он с удивлением смотрит на Фрица и качает головой.— Ну, какое отношение имеет конверт к убийству, не понимаю.

Фриц, выпучив глаза, оглядывает комнату и глотает комок, подступивший к горлу.

— Я так предполагал,— отвечает он упавшим голосом.

— Ага.— Вюнше записывает ответ брата и тут же дает ему подписать протокол допроса.

Продолжение очной ставки успеха не приносит. Каждый остается при своих показаниях. Вюнше и Гартвиг расспрашивают Фрица о каких-то бессмысленных деталях, где я стоял, когда он вошел в комнату; где лежал топор; что делал отец; как мне удалось снова завладеть конвертом, раз они оба напали на меня... Я перестал слушать и раздумывал о главном. Наконец Фрица выпроводили. Я не сомневался, что они упустили нить и распутать клубок им будет не легко.

Старик вошел скособоченный, как обычно. Увидев меня, он торжествующе усмехнулся. Грозный взгляд Вюнше и цепкие пальцы надзирателя усаживают меня на стул, с которого я мгновенно вскочил.

— Пожалуйста, расскажите еще раз подробно, что случилось прошлой ночью. Ваш сын Вальтер, кажется, намерен извратить факты. В его затруднительном положении это понятно, но не похвально.

Черт бы побрал этого Вюнше! Почему он верит другим больше, чем мне? И почему не вмешивается прокурор? То они прекрасно действуют рука об руку, а через несколько минут дают себя водить за нос и даже не замечают этого. Я уже надеялся, что Фрица взяли в клещи — ведь он запутался в своем вранье,— а они вдруг прекратили допрос. Но поверят ли они мне вообще после того, как я с самого начала столько скрывал? Тем не менее...

Старик другими словами повторил то, что уже сообщил Фриц. Потом опять начинается копание в мелочах. Непостижимо. Неужели весь мир сошел с ума? Скорее бы уж осудили меня — и конец...

— Где стоял обвиняемый, когда вы вошли в комнату? — спрашивает Вюнше.

— У шкафчика. Он собирался положить шкатулку на верхнюю полку.

— Ваш сын Фриц сказал, что его брат еще находился у стола и запер шкатулку.

Старик задумывается, потом неуверенно подтверждает:

— Да, верно, так оно и было.

— Значит, топор лежал на столе рядом со шкатулкой. Обвиняе-

мый сразу схватил его, когда вы вошли, или у вас начался разговор?

— Нет, нет, он взял его со стола и сразу кинулся на нас.

— Топор действительно лежал на столе? — уточняет Гартвиг.

— Да, разумеется.

— Так, так, — бормочет Вюнше и листает протоколы.

Мне кажется, что сегодня у него добавилось морщин на лице. «Когда же он спал?» — подумал я.

С явным удивлением Вюнше читает.

— Нет, топор был прислонен к ножке стола, заявил другой свидетель... Пожалуйста, вспомните получше. Показания должны быть точными.

— Извините, я малость устал, господин комиссар. Конечно, он был у ножки стола.

— А может быть, лежал на диване? — спокойно замечает Гартвиг.

Прищурившись, старик беспокойно озирается. Встретив мой горящий ненавистью взгляд, он отводит глаза. Фриц не поможет, он сидит в коридоре.

— Итак, где находился топор? — спрашивает Вюнше.

— Я... я точно уже не помню, — бормочет старик.

Постепенно я начинаю соображать: за этими на первый взгляд нелепыми вопросами скрывается продуманная система ловушек. В главных фактах показания свидетелей совпадают полностью, потому что старик с Фрицем сговорились заранее, но они противоречат друг другу по второстепенным вопросам, которых не могли предусмотреть. Вюнше пытается поправить то, что я за последние дни испортил!

Допрос продолжается.

Гартвиг. Значит, драка началась сразу, и, когда вы хотели задержать Вальтера, он выпрыгнул в окно?

Вайнхольд. Верно, все в точности. Подумать только — в закрытое окно! Это не каждый сумеет, тут уж надо, чтоб тебя здорово припекло!

Вюнше. А конверт был в шкатулке?

Вайнхольд. Нет.

Вюнше. Так ли?

Гартвиг. Другой свидетель сказал, что в шкатулке.

Вайнхольд. Этого не может быть. Иначе он не смог бы взять его с собой. Фриц, видать, ошибся.

Вюнше. Вот именно. Но как же можно так ошибаться? Непонятно. Или вы опять забыли?

Старик сжимает губы. Мне это знакомо. Он свернулся сейчас, как еж, решил быть осторожнее. Но при каждом ответе путается и вынужден поправляться. Несколько раз он попадает в расставленные Вюнше ловушки так глупо, что мне даже становится его жаль. Наконец он капитулирует, не может точно припомнить...

Старика выводят в соседнюю комнату. Снова вызывают Фрица.

Теперь Вюнше и Гартвиг, исходя из моих показаний, сопоставляют их с ответами старика и начисто сбивают Фрица с толку. Лица допрашивающих предельно сосредоточенны. Казавшаяся поначалу нелепой игра в вопросы — ответы превратилась в упорную борьбу.

Нас допрашивают поодиночке, делают мне очную ставку то с Фрицем, то со стариком; потом выводят меня в соседнюю комнату и вызывают обоих «свидетелей»; те говорят что-нибудь невпопад либо отмалчиваются. Мне все слышно, так как надзиратель неплотно прикрыл дверь.

Я испытываю жгучий стыд! Ведь Гартвиг с Вюнше стараются помочь мне. Теперь я не сомневаюсь — особенно после того, как побеседовал с ними наедине, — что они верят мне, борются за меня. Как же я осложнил им дело своим дурацким молчанием на первых допросах! Кажется, они понимают, что со мной происходит: я не слышу ни одного резкого слова в свой адрес. Но это их понимание, полное упрека, куда больнее, чем нотации или головомойка.

И снова я у стола. Наверное, уже полдень. Вюнше, поглядывая на меня, устало перелистывает протоколы.

— Вы сослужили себе плохую службу, — говорит он с сожалением. — При условии, конечно, что вы не отклонялись от правды. Свидетели противоречат друг другу во всем, за исключением главных фактов.

— Как вы думаете, стала бы ваша мать давать показания против вас вопреки голосу рассудка? — спрашивает Гартвиг.

Я мотаю головой.

— Вот видите! Я тоже этого не допускаю, — говорит он. — Но она подтвердила, что ее муж, Эдвин Вайнхольд, в день убийства весь вечер не выходил из дому. Он был то в кухне, то сидел в комнате у Фрица. Итак, два свидетеля. Даже если вычеркнуть вашего братца, остается заслуживающая доверия мать.

— Значит, мне конец, — шепчу я и вешаю голову.

— Еще нет, — твердо говорит Вюнше. И, неожиданно улыбнувшись, повторяет: — Нет, до конца нам еще далеко!

— Можно задать вопрос?

— Пожалуйста.

— Верно ли, что этот Дитер Коссак умер в больнице?

— К сожалению. Больничный архив подтвердил: тяжелые ранения мозга минными осколками... Итак, теперь еще одна — последняя — очная ставка втроем. Возьмите себя в руки, иначе испортите нам опять что-нибудь... Прошу обоих свидетелей!

Полицейский у двери отвечает: «Есть!» — и вызывает из соседней комнаты старика. Фриц появляется лишь после вторичного вызова. Войдя в кабинет, он останавливается и с упреком смотрит на отца, а тот предостерегающе качает головой. Фриц, видимо, не понял, чего хочет старик, и невольно открывает рот, чтобы спросить его. Но Вюнше начеку.

— Прошу без разговоров! — приказывает он.

Неожиданно распахивается дверь, и в комнату влетает какой-то молодой сотрудник угрозыска. Взглянув на нас, он подходит к Вюнше и прокурору и что-то шепчет им на ухо. Оба тут же поднимаются из-за стола. Вюнше на секунду задерживается, отдавая распоряжение надзирателю.

После трех часов изнурительного безделья наконец вызывают. И вот я снова в кабинете Вюнше. Гартвиг листает какое-то старое пожелтевшее «дело» и курит, жадно затягиваясь, — единственный

признак его волнения. Случилось что-то непредвиденное! И Вюнше не может скрыть беспокойства. Либо рухнули все его расчеты, думаю я, либо он узнал нечто важное, что окончательно подтвердило его выводы. Я невольно съеживаюсь, хотя не могу догадаться, к кому относится этот суровый, уничтожающий взгляд. Вюнше, полистав протоколы, оглядывает по очереди нас троих, потом смотрит на Гартвига и неожиданно улыбается.

Я судорожно вздыхаю и дрожащими пальцами тереблю верхнюю пуговицу рубашки. Мне вдруг стал тесен воротник. Расстегнуть его не удастся, и оторванная пуговица летит на пол. Слева от меня закричал старик. Фриц сжался в комок.

Вюнше приоткрыл рот. Сейчас назовет имя убийцы. Ну, чего же он медлит, черт возьми?

— Вы знаете что-нибудь о группах крови? — Голос его звучит удовлетворенно, чуть насмешливо, даже с ноткой превосходства.

Я машинально киваю, словно могу помочь ему в этом вопросе. Оба «свидетеля» не шелохнулись. Вюнше, выдержав паузу, продолжает:

— Фриц Вайнхольд, у вас вторая группа. У вас, Эдвин Вайнхольд, четвертая группа крови. По данным науки, Фриц может быть вашим сыном. Все это настолько бесспорно, что нам не понадобится выяснять группу крови вашей супруги. Но сколько бы у вас ни было детей, ни у одного не может быть первой группы, даже если у матери первая группа.

Старик комкает в руках свою воскресную шапку. Все непонятное угнетает его. А эти научные выкладки ему явно недоступны. Кроме того, он, кажется, не решил, как ему следует отнестись к словам Вюнше. В шутку или всерьез? Инстинктивно он чует опасность.

Вюнше неторопливо изучает наши физиономии, затем продолжает:

— Между прочим, у Вальтера Вайнхольда чистая первая группа. Это мы установили еще на первом следствии.

Ничего не понимаю. У меня первая, но у отца с четвертой группой таких детей быть не может...

— Я... не его сын? — спрашиваю я, заикаясь.

Вюнше утвердительно кивает. Только теперь до старика доходит смысл сказанного. С диким криком он вскакивает с места и бросается к столу, но схватить бумаги не успевает. Полицейский выворачивает ему руки за спину. Старик лягает его по коленке. С помощью Вюнше старого Вайнхольда усаживают на место.

Во время этой сцены прокурор спокойно сидит и наблюдает, только наблюдает.

— Кто же я тогда? — спрашиваю я недоуменно.

— Прежде всего вы не Вайнхольд, это несомненно. Удивительно другое: у погибшего Дитера Коссака, согласно больничной записи о переливании крови, указана четвертая группа, а у старшего Коссака и его жены была первая.

Я больше не в силах следить за ходом рассуждений. Болит голова. Вижу лишь, как шевелятся губы Вюнше. Отдельные слова еще долетают до моего слуха, но общего смысла сказанного я не улавливаю. Смотрю налево: возле старика стоит полицейский и надевает

ему наручники. Наверное, старый Вайнхольд никак не хочет смириться.

— Итак, согласно свидетельству Мозера, Дитер Коссак остался жив после взрыва, но в то же время в больнице умер какой-то Дитер Коссак, который не мог быть сыном родителей с первой группой крови: а поскольку у Вайнхольдов есть двое поныне здравствующих детей, то можно предположить: Эдвин Вайнхольд не убивал ребенка, а лишь подменил имя и фамилию, чтобы избавиться от неудобного законного наследника коссаковского двора. По-видимому, маленький Вальтер Вайнхольд был смертельно ранен при взрыве мины, Дитера же Коссака ранило легко. В этом возрасте дети часто похожи друг на друга, а говорить оба малыша еще не умели.

— Ложь, гнусная ложь! — кричит старый Вайнхольд, но пыл его быстро иссякает, и он вешает голову.

— Нет, Эдвин Вайнхольд, ваша жена во всем призналась Уле Мадер. Обе приехали сюда, когда мы с вами беседовали перед обедом. Показания фрау Вайнхольд явились лишь отправным пунктом, остальное выяснилось быстро. Она хотела помочь. Но не вам и не своему родному сыну, а приемному.

Сквозь слезы я вижу, как позеленело лицо Фрица. Его вытаращенные глаза полны животного страха.

— Фриц Вайнхольд, вы знали об этом? — спрашивает его Вюнше.

Услышав свое имя, Фриц вздрагивает и поворачивается к отцу, но тот не отрывает глаз от пола.

— Да, — отвечает он еле слышно.

— Итак, вернемся к убийству Мадера. Экспертиза установила, — говорит Вюнше, — что у Мадера была третья группа крови. — Он вынимает из папки письмо с фотографией и держит их передо мной. — Эти пятна крови, несомненно, принадлежат убитому. На фотографии мы обнаружили отпечатки пальцев, которые были оставлены там непосредственно после убийства, пока кровь еще не свернулась. Вы, Фриц Вайнхольд, утверждали, что в тот вечер, когда произошло убийство, ваш отец то и дело заходил в соседнюю с кухней комнату и мешал вам читать. Он как бы сновал между кухней и комнатой. Так ли это было?

— Да, — еле внятно отвечает Фриц.

— Это совпадет с показаниями фрау Вайнхольд. Ей я верю, но вам — нет. Действительно, Эдвин Вайнхольд, находясь дома, не мог совершить убийства. Но то, что дома были вы, ваша мать знала лишь со слов мужа, сама она вас не видела. А Эдвин Вайнхольд, как нам кажется, особого доверия не заслуживает. Вас не было дома и не могло быть. Кровавые отпечатки пальцев на бумагах, лежавших в кармане Мадера, принадлежат вам, Фриц Вайнхольд!

Издав какой-то булькающий хрип, Фриц вскакивает со стула и бросается к дверям, но я, опередив полицейских, хватаю его за куртку. Вюнше надевает ему наручники. Фриц тычет скованными руками в сторону отца.

— Я не хотел этого делать! Поверьте мне, я не хотел! Он меня уговорил, запугивал до тех пор, пока я не согласился.

— В какой момент вы ударили Мадера ножом?

— Когда Вальтер прижал его к дереву. Я прятался за ним. Валь-

тер убежал. Я вынул бумаги из кармана Мадера и пришел домой раньше него.

— Чей был нож?

— Вальтера. Отец посоветовал взять его, когда я рассказал ему, что Вальтер поругался с Мадером у трактира. Потом я пошел вслед за ними в лес.

— А как быть с показаниями Мюллера? — спросил я.

— О, его предоставьте нам, — сказал Гартвиг, улыбаясь. — Еще одно преступление на его длинном счету.

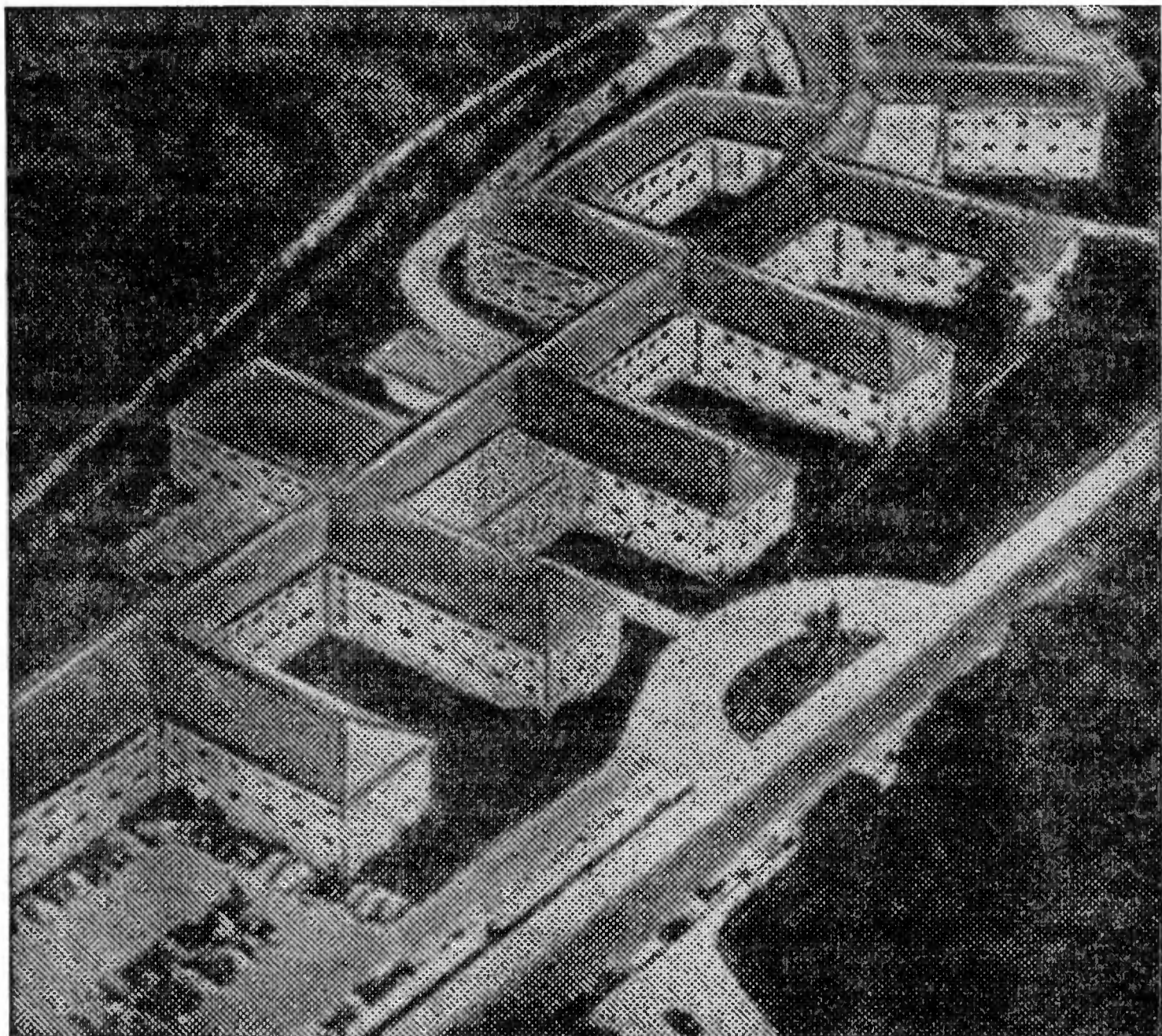
Я стою у письменного стола и смотрю на Вюнше и Гартвига; мне хочется от души поблагодарить их, но я не нахожу нужных слов. Вюнше поднимается и, прощаясь, протягивает мне руку.

— Какое счастье, что не все затрудняют нам работу так, как вы, Дитер Коссак!

Перевод с немецкого Н. БУНИНА.

Рис. И. УРМАНЧЕ.

ПОДРЫВНЫЕ ГОЛОСА

В идеологической борьбе между социалистической и капиталистической системами защитники старого мира широко используют средства массовой информации: печать, кино, телевидение, радио. В частности, очень активно действуют радиостанции «Свобода» (РС) и «Свободная Европа» (РСЕ). Их задача — подорвать единство братских народов, посеять сомнения в правильности избранного пути.

Что же собой представляют эти «радиоголоса», кто стоит у их микрофонов и кто — за кулисами?

Здесь находятся основные гнезда радиодиверсантов, откуда исходят потоки лжи, клеветы и дезинформации.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Не успели отгреметь залпы второй мировой войны, как милитаристские круги США заявили о своих притязаниях на мировое господство. А выразитель интересов английских монополий Уинстон Черчилль даже призвал страны «свободного мира» «повести христианскую цивилизацию в антибольшевистский крестовый поход».

В те годы в Нью-Йорке были образованы «Американский комитет «Свободная Европа» и «Американский комитет освобождения от большевизма» (АКО), впоследствии переименованный в «Комитет радио «Свобода» (КРС). В Мюнхене ЦРУ создало радиостанции «Свободная Европа» (1949), а затем «Освобождение» (1953) — ныне «Свобода», задуманные как оружие «тайной войны» — шпионажа и идеологической диверсии.

Их подрывная деятельность, словно в зеркале, отражает внешнеполитический курс американского империализма, подчинена этому курсу и видоизменяется в соответствии с ним. Вспомним хотя бы начало пятидесятых годов. Тогда РС и РСЕ прямо и открыто подстрекали к «освобождению» России от большевиков, к «отбрасыванию коммунизма». Затем тон меняется. После провала контрреволюции в Венгрии (1956) и запуска первого советского искусственного спутника Земли (1957), а затем космического корабля с человеком на борту (1961) там уже начали призывать к «сдерживанию» коммунизма. Мастера идеологических диверсий перешли к более изощренной тактике — «наведению мостов» в социалистические страны, «размыванию» социализма изнутри.

Незаконная деятельность этих «радиоголосов», упорно не желавших замечать изменений политического климата в мире, привела к тому, что в начале семидесятых годов ряд депутатов бундестага ФРГ и американских сенаторов потребовал закрыть эти станции, ибо они не отвечали духу времени и интересам немецкого и американского народов. В конгрессе США даже разразился скандал: выяснилось, что РС и РСЕ, в течение двадцати лет выдававшие себя за «эмигрантские», за «голос народов социалистических стран», оказались на самом деле филиалами ЦРУ и финансировались им.

В результате возникшего переполоха конгресс США образовал специальный орган — «Совет по международному радиовещанию» с задачей «общего надзора за станциями, осуществления общих функций посредника между ними и правительством, финансирования». А руководство? Оно, как и прежде, осталось тайной прерогативой ЦРУ. «Совет» оказался ширмой, назначение которой — прикрывать неприглядные дела разведки.

В 1975 году, в год совещания в Хельсинки, обе радиостанции были сведены под одну общую крышу, а вместо прежних двух комитетов был образован один — «Комитет РС и РСЕ». Радиостанции получили еще большие ассигнования (свыше 65 миллионов долларов вместо 38). Образованы три новые редакции (литовская, латвийская, эстонская), смонтированы десять новейших передатчиков, значительно увеличено количество часов работы в эфире. Более того, по предложению нынешней администрации США, к их бюджету добавляется более 14 миллионов долларов. Прежними остаются хозяин — ЦРУ — и курс на «тайную войну». Словом, прежней осталась

стратегическая линия. Как установил польский разведчик капитан Анджей Чехович, проработавший в логове врага семь лет, свыше 80 процентов собираемой РСЕ информации носит разведывательный характер и направляется в ЦРУ, остальная используется в радиопропаганде. Он сообщил также, что предварительно вся она пропускается через машину лживой интерпретации, фальсификации, «обобщения». Подобное положение и на РС.

ОСОБАЯ «ПАЛИТРА»

Если внимательно присмотреться, то окажется, что методы деятельности РС и РСЕ куда разнообразнее, нежели те, которой располагают обычные американские разведорганы.

Из них известны следующие:

выживание интересующих ЦРУ сведений путем обработки прессы, писем и других материалов, поступающих из социалистических стран (капитан чехословацкой разведки Павел Минаржик, проработавший на РСЕ с 1969 по 1976 годы, рассказал, что у него «была возможность устанавливать авторов материалов, поступающих из Чехословакии, и проследить их связи со «Свободной Европой». О подобной же возможности говорил и А. Чехович — только в отношении «корреспондентов» из Польши);

подслушивание и перехват радио- и телепередач, служебных и личных радиопереговоров между сотрудниками дипломатических представительств социалистических государств, аккредитованных в ФРГ, судами заграничавания, геологическими партиями и т. п. Для этих целей РС и РСЕ приданы мониторные установки;

получение шпионской информации непосредственно на территории социалистических государств с помощью завербованных граждан капиталистических стран, выезжающих туда в составе туристских групп, делегаций;

завязывание «контактов» с гражданами СССР и других стран социалистического содружества во время их выездов за границу (этим прежде всего занимаются «отдел РС по изучению аудитории и эффективности радиовещания» и его филиалы в Париже и Лондоне; «отдел спецпроектов», действующий под вывеской так называемой «Международной литературной ассоциации» (МЛА) и размещающийся в Италии; «социологическая служба» РСЕ в Вене, выступающая под крышей фирмы «Интора»).

ТАКТИКА УСТАНОВЛЕНИЯ «КОНТАКТОВ»

Выступают «наводчики» (так называют в ЦРУ агентов, на которых возложена охота за нужными ему людьми), как правило, под видом журналистов, философов, социологов, богословов, представителей фирм. Ну и, конечно же, они всегда — «борцы за свободу», «радетели», пекущиеся о социализме, «земляки, соскучившиеся по родине...»

Вот, к примеру, как орудовал один такой «деятель».

Во время работы над телефильмом «Радиодиверсанты» мы познакомились в Алма-Ате с Нургали Нусйпжановым — солистом Ка-

захского радио и телевидения. Он рассказал о случае, который произошёл с ним в Стокгольме.

После первого концерта к советским артистам подошел молодой казах, представился местным жителем, рабочим одного из шведских предприятий и выразил восхищение программой. Приходил он и в другие вечера. В одну из встреч разговорился, заявил, что он уроженец Синьцзяна, и всячески интересовался жизнью в Советском Казахстане. Затем стал высказывать свои соображения о Советском Союзе. Хотя в нашей стране никогда не бывал, но судил обо всем с видом «знатока».

Его позиция ничем не отличалась от той, которую проповедует буржуазная пресса. Иногда он вплетал в разговор националистические взгляды, пытался навязать собеседникам чуждые понятия и представления о жизни в СССР и на Западе, «Вы такие способные ребята,— подвел он неожиданно итог беседе.— Если бы вы остались за границей, могли бы хорошо заработать, хорошо пожить...» Чувствовалось, что он выполняет какое-то задание.

Снова Нургали встретился с «соплеменником» в шведском аэропорту. Тот получал в кассе билет на самолет, отлетающий в ФРГ. Увидев Нургали, стусевался, стал неуклюже выкручиваться: «Лечу вот в Мюнхен за женой... Уехала, поссорились».

Спустя некоторое время в одном из шведских отелей Нургали увидел «забытый» кем-то проспект радиостанции «Свобода» и... не поверил своим глазам: на фотографии был изображен человек, выдававший себя за шведского рабочего. В действительности это был сотрудник казахской редакции РС Хасен.

В малопочтенной работе по «ловле душ» агенты, подобные Хасену, обязаны следовать специально составленному «руководству для бесед с советскими гражданами об иностранных радиопередачах». Во избежание провала «загонщики» должны выбирать для разговоров «благоприятную обстановку и соответствующий метод, учитывать все непредвиденные обстоятельства». В нем говорится: «Нужно твердо помнить, что необходимо пройти три степени сближения: 1) первичный контакт, 2) период установления доверия, переходящий во 3) взаимное уважение и расположение... **Основное правило** для тех, кто хочет достичь результата и удачно втереться в доверие,— быть дружелюбным»...

Главным способом получения интересующей информации считается «прямая постановка вопроса» либо «обходный маневр, когда задаются косвенные вопросы». Только так, и не иначе!

«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ» ОПРОСНИКИ

Далее рекомендуется переходить к вопросам. Они разработаны в специальных опросниках в виде «социологических» анкет, предназначенных для введения в компьютер. Опрашиваемый должен отвечать лаконично — «да» (1), «нет» (2), «не знаю» (3), «не уверен» (4).

Пункты касаются личности опрашиваемого и окружающих его людей, города, в котором он живет, предприятия и отрасли, в которой работает... Каждый вопрос в отдельности на первый взгляд ничего собой не представляет, но если взять анкету целиком, то она далеко не безобидна. Якобы для того, чтобы выяснить мнение

об иностранных радиостанциях и передачах, идет прощупывание собеседника, изучение его осведомленности в разных областях советской жизни и настроениях советских людей, выведывание сведений, которые обычно могут интересовать только разведывательно-диверсионные службы. Но главная цель — закрепить таким образом отношения с человеком.

ТРЕБОВАНИЕ ОТЧЕТНОСТИ

В том же «руководстве» вводится требование отчетов «загонщиков-духоловов» и перечисляются сведения, которые в них следует указывать. Вот они: «...Мы требуем описания советских туристов, с которыми был установлен контакт. Мы должны знать их возраст, занимаемое положение, увлечения, осведомленность в военных делах, общее образование, семейное положение и домашний адрес... Мы хотели бы извлечь пользу из каждого контакта с советскими гражданами...»

Анализ ответов тех же туристов на анкеты и отчеты «загонщиков», которые имели с ними «контакт», позволяет ЦРУ решать ряд разведывательных проблем: изучать действенность проводимой Западом идеологической диверсии против советского народа и вносить в нее соответствующие коррективы; выискивать факты, которые можно было бы раздуть и на этом столкнуть между собой советский народ и партию, правительство, нации, поколения, социальные группы людей; находить сведения, при известной манипуляции которыми можно было бы создать видимость наличия в СССР «оппозиции» к советской власти; составлять шпионскую картину об экономическом и военном потенциале Советского государства. «Добытая» таким путем информация «обобщается» в ЦРУ и частично направляется в разведслужбы стран НАТО, частично — средствами массовой информации Запада. С ее помощью оно пытается дезинформировать и дезориентировать не только мировую общественность о действительном положении в странах социалистической системы, их политике, но и политических и государственных деятелей, формировать у них те взгляды, которые необходимы военно-промышленному комплексу США.

СТРАТЕГИЯ, ТАКТИКА, МЕТОДЫ

«...Тон и манера передач должны быть внешне дружелюбными... Побольше такта и тонкости... Не забывайте, что вы говорите с убежденными людьми, преданными своему строю и образу жизни... Если они недовольны отдельными недочетами, используйте это... Ваша задача — вызывать если не протест, то хотя бы сомнения... Чаще обращайтесь к молодежи...»

Короче говоря, важнейший прием «работы» — фальсификация фактов, клевета, подмена понятий, политические спекуляции и, в конечном итоге, навязывание слушателю представлений о буржуазной «демократии» и «свободе».

Передачи РС и РСЕ обращены не столько к сознанию и мыслям такого человека, сколько к его инстинктам и эмоциям — простым

и сложным, изменчивым и возвышенным, поскольку эмоциональная реакция на информацию наступает быстрее, нежели процесс ее сознательного осмысления. Постепенно влияя на слушателя с помощью подрывной пропаганды, кликуши эфира стараются незаметно для него управлять им — оторвать от нашего общества, противопоставить коллективу, семье, друзьям, внушить иллюзорные представления о преимуществах западного образа жизни.

— Слушайте «Свободу» и «Свободную Европу», — призывают радиодиверсанты. — И вы все узнаете о жизни на Западе.

И кое-кто слушал и... поверил.

Его зовут Виктор Шешелякин. Он был матросом на советском торговом судне и однажды в японском порту не вернулся на корабль. Спустя много лет он оказался снова на родине.

Его спросили:

— Скажите, Виктор, что вы приобрели за восемь лет жизни на Западе?

— Что я мог приобрести, — опускает он глаза. — Человек без родины, без документов. Большую часть времени я не имел работы, голодал, спал на улице. Человек в роли предателя, изменника родины. С таким никто не хочет встречаться, дружить. Мне приходилось наниматься на самую черную работу — хорошие фирмы беглецов не принимали. Людей, которые бегут из социалистических стран, не минуют американская разведка, антисоветские эмигрантские организации. Не обошли и меня. Мне предлагали работать на радиостанции «Свобода» в Мюнхене, но я отказался.

Другого зовут Золтан Ковач. В школе вблизи Дебрецена, где он учился, и сейчас учительницей работает его мать. Она не считала предосудительным, что ее сын слушает передачи радиостанции «Свободная Европа». Золтан поверил медоточивым голосам и уехал на Запад совсем юношей.

В письмах он уверял мать: «Женился, живу как все, у тебя теперь внук...» На деле ничего не было. Устав от бесконечных лишений, поисков работы, он пошел на крайность — завербовался в американскую армию.

Вскоре пришло сообщение: «Венгрия. Анталу Ковачу. Дебрецен, ул. Надьчере, 34. По поручению военного министра США с глубоким прискорбием сообщаем, что ваш сын старшина Золтан Ковач пропал без вести во Вьетнаме. Вертолет, в котором он был вторым пилотом, сбит огнем противника».

За что погиб венгерский парень в войне, которую в США называли «самой позорной войной»?

— За что он погиб? Не знаю, не знаю, — повторяет мать. — Ведь он писал, что все хорошо...

И сейчас еще РС и РСЕ продолжают заманивать неустойчивых в свои сети. Зовут, зазывают, беззастенчиво эксплуатируя итоги встречи глав тридцати пяти государств в Хельсинки, по поводу и без повода ссылаясь на принятые там документы.

Но вот что любопытно (об этом рассказывал П. Минаржик журналистам): перед встречей руководство РСЕ запретило передачи собственных комментариев и обязало использовать для этого материалы из западной прессы. В первую очередь выбирались те, которые искажали смысл предстоящего совещания...

Ну, а после Хельсинки? В октябре 1975 года американский «Совет по международному радиовещанию» опубликовал доклад о деятельности РС и РСЕ, в котором указал, что обе радиостанции «сосредоточивают свое внимание на сборе информации и анализе обстановки в СССР и других социалистических странах». Клеветническим передачам посвящено до 60 процентов времени в эфире. Такие передачи, по мнению авторов доклада, «должны способствовать возникновению внутреннего диалога...»

О том, что означает понятие «внутренний диалог», П. Минаржик рассказывает так:

«...Этими, столь невинными на первый взгляд словами, стратеги психологической войны маскируют одну из основных своих задач. Ее можно разделить на две части. **Первая** — попытка создать внутри каждой социалистической страны так называемую «внутреннюю оппозицию», что-то вроде «пятой колонны» (подобно той, которую создавал Гитлер.— Ю. К.), нарушить морально-политическое единство общества, союз партии и народа, разжечь националистические тенденции, создать видимость «конфликта» поколений и т. д. **Второе** — выдать желаемое за действительное, попытаться «доказать» общественности на Западе, что в социалистических странах дело обстоит именно так, как хотелось бы нашим врагам».

В ПОИСКАХ КАМУФЛЯЖА

Мы уже упоминали, что по сценарию ЦРУ, общественное мнение в США и за их пределами с самого начала должно было знать, что РС и РСЕ — это «частные», «эмигрантские станции» и «никакого отношения к США, а тем более к ЦРУ не имеют». Собственно говоря, именно с этой целью, прежде чем вознеслись ввысь радиомачты «Свободной Европы» и «Свободы», и были образованы «Американский комитет «Свободная Европа» и «Американский комитет освобождения от большевизма» (АКО). Они создавали видимость, будто служат «посредниками» между правительственными органами США и «эмиграцией из стран народной демократии и СССР».

В действительности же, на АКО возложили задачу объединить разрозненные антисоветские группы из числа изменников, беглецов и предателей советского народа — довоенных и периода войны — в единую антисоветскую организацию. Ей-то и предстояло выступить инициатором создания радиостанции «Освобождение» — ныне «Свобода».

В течение 1951—1952 годов АКО неоднократно предпринимал попытки собрать воедино эмигрантское отребье. На совещания, проходившие в городах ФРГ, приглашались недобитые белогвардейцы и сбежавшие от советского правосудия гитлеровские каратели, власовцы, меньшевики и эсеры, монархисты и националисты всех мастей. Но на этих сборищах тотчас же разгоралась грызня как вокруг «министерских портфелей» в будущем мифическом Российском государстве, так и вокруг кандидатуры экс-премьера Керенского (его называли «февральским шутом»), которого американцы пытались сделать знаменосцем «движения».

Не добившись толку среди эмигрантов-антисоветчиков, госдепартамент и ЦРУ приняли диверсионно-пропагандистскую работу против

Советского Союза на себя. К работе на радио АКО привлекал прежде всего тех, кто в годы войны преданно служил гестапо, да и разведкам других стран тоже, кто состоял в националистических формированиях и национальных легионах гитлеровской армии, сражался в рядах изменнической армии Власова, а после войны входил в состав антисоветских эмигрантских центров — НТС, ЦОПЭ, ОУН. Не брезговал он и «деятелями» «партий» — дашнакской, меньшевистской; представителями белой эмиграции.

КТО ОНИ, ЭТИ «РАДЕТЕЛИ» И «ПОКРОВИТЕЛИ»?

Руководящие посты на РС и РСЕ заняты профессиональными разведчиками ЦРУ. Они не только организуют провокации против граждан социалистических стран за рубежом, но и задают тон диверсионным радиопередачам.

Вот некоторые из них.

Уолтер К. Скотт — исполнительный вице-президент «Совета международного радиовещания» и европейский директор РС и РСЕ. Направляет всю подрывную деятельность мюнхенских центров.

Альберт Бойтер — шеф «исследовательского отдела»; занимается сбором, анализом и оценкой информации о Советском Союзе.

Джордж Перри, настоящая фамилия Перетяткович, — шеф отдела «исследования аудитории». Дважды был в СССР, с американскими выставками, пытался устанавливать «контакты» с советскими гражданами с целью шпионажа, но был распознан ими.

Джон Лодейзен — бывший шеф русской редакции.

Работая в Москве, прикрывался должностью второго секретаря посольства США. Был пойман с поличным и выдворен из СССР «за деятельность, не совместимую с дипломатической». После чего осел в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, а затем на «Свободе».

Работают на РС и РСЕ и платные агенты ЦРУ. Назовем некоторых из них.

Цвирко Владимир, он же Сурко Вадим Александрович. Возглавляет белорусскую редакцию. Родился в 1928 году в деревне Бережно Кореличского района Гродненской области. После воссоединения Белоруссии учился в коммерческом училище в городе Барановичи.

В период оккупации города гитлеровской армией был вывезен в Германию. В 1947 году оказался в Англии, где приобщился к националистической деятельности белорусских эмигрантов. Выступал в их журнальчике «Вперед» с антисоветскими статьями, которые подписывал псевдонимом «Архип Поплипка». В 1950 году переехал в Бельгию. Был завербован ЦРУ и направлен в Мюнхен (ФРГ), где возглавил созданный американцами «Союз молодежи народов СССР в эмиграции» (СМНССЭ). Здесь были собраны те, кто в годы войны сотрудничал с оккупационными властями. Действуя от имени этой организации, Цвирко вербовал юношей и девушек в американскую разведшколу. Выезжал в Вену и Хельсинки на VII и VIII фестивали молодежи и студентов мира и занимался «обработкой» членов советской делегации.

Диапазон его деятельности как «борца за свободу» поистине широк и многогранен — от фашиствующего националиста до провокатора-антисоветчика.

Кучухидзе Ипполит, он же Илья Самсонович. До недавнего времени — редактор грузинской редакции. Возраст приближается к семидесяти. Родом из села Свитери Кутаисского района Грузинской ССР. До войны преподавал грузинский язык.

Попав в 1942 году в плен, добровольно вступил в «Грузинский легион» вермахта, дослужился до звания фельдфебеля. Рвение его не осталось незамеченным, и он был переведен в Берлин, в редакцию газеты легиона «Сакартвело», а в 1944 году — назначен пропагандистом легиона. В своих статьях и лекциях восхвалял гитлеровский порядок, призывал легионеров к вооруженной борьбе против Советов, к установлению в Грузии власти царя и князей.

После войны сотрудничал с американцами в «Институте по изучению СССР». Издаваемые материалы подписывал «Миндия Лашаури». Состоит в созданной ЦРУ США эмигрантской антисоветской организации — так называемой партии «грузинских социал-реформистов».

Мкртчян Варадат Шагенович — редактор армянской редакции. Выглядит на все шестьдесят. Родился в Советской Армении. До войны жил в Ленинакане, работал учителем в школе. В дни Великой Отечественной войны переметнулся к врагу. Был шеф-полицаем в Херсонском этапном лагере для советских военнопленных, закончил школу разведоргана «ЦЕППЕЛИН».

Служа инструктором «Аусенкоманды» № 10, орудовал на территории Керченского полуострова, разъезжал по лагерям военнопленных, расположенных в Крыму и на Кубани, вербовал агентуру для заброски в тыл Красной Армии, а также солдат для «Армянского легиона» вермахта и рабочих для немецкой экономики. По фронтовому радио можно было слышать его призывы к советским воинам переходить на сторону гитлеровских войск.

В звании «лейтенант войск СС» он был назначен офицером связи и руководителем группы пропагандистов при созданном в Берлине националистическом «Армянском комитете», осуществлял связь с гестапо и политической разведкой ведомства имперской безопасности. Пользуясь своим положением, публиковал стишки антисоветского содержания, которые подписывал «Шауни». Издал брошюру «Я — враг большевизма». Она распространялась комитетом среди военнопленных армян. Когда конец фашизма был уже виден, по линии ЦК «Дашнакцутюна» занимался заброской агентуры на территорию Армянской ССР.

Он и сейчас сочиняет стишки. Коллеги его называют «лже-поэтом», «Хент Шауни» («Тронутый Шауни») — и, наверное, не без основания. Это его слова: «Для меня не существуют ни Армения, ни армянский народ». Ему принадлежит также изречение: «Неважно с кем, хоть с чертом, но против Советов». Его редко видят трезвым, а когда напьется, устраивает дебоши. От него отказалась жена — немка, его возненавидел сын.

Вишневский Виктор Николаевич — обозреватель русской редакции. В действительности под этим именем укрывается Лапонов Иван Николаевич, уроженец села Гремяче Навлинского района Брянской области. Родился в 1921 году в семье кулака. До Великой Отечественной войны проживал в поселке Навля. Сын за отца у нас

не отвечает, и он работал инспектором в Роно, учился на заочном отделении Брянского лесотехнического института.

На фронте Лапонов предпочел плен. Осенью 1941 года его отпустили, и он, прибыв в родное село Гремяче, тотчас же стал полицаем, затем — начальником полицейского участка. Его любимым изречением был лозунг, брошенный кем-то из рейхсляйтеров фашистской Германии: «Я намерен грабить, и грабить эффективно». Грабить-то у людей было нечего, но он все равно забирал последнее полотенце, бритву, ходики, курицу...

Зимой 1943 года в составе дивизии СС участвовал в облавах и карательных операциях против партизан, после чего ему было присвоено звание «унтер-офицер войск СС».

В Брянской области еще живы те, кто был свидетелем его преступлений. Перед нами показания Егора Демьяновича А. «...В марте 1943 года я был очевидцем, как Лапонов из пистолета застрелил двух молодых женщин и мужчину около здания полка СС в поселке Навля. Жертвы были со связанными руками. Каратели их захватили во время блокады Брянских лесов...»

В последний период войны Лапонов был направлен в армию изменника Власова, служил там офицером штаба в одном из полков. Бежал на Запад, долго скитался там, пока не обрел новых хозяев. ЦРУ помогло ему выправить фальшивые документы на имя Виктора Вишневого.

Хасен Оралтай, он же Калибек-улы, диктор казахской редакции. Ему перевалило на пятый десяток, родина его Китай, провинция Синьцзян, по национальности казах. Отец его в период гоминьдановского режима в Синьцзяне был начальником уезда. Потом эмигрировал с семьей в Турцию.

Хасен жил с родителями в пригороде Измира, работал экспедитором на американской базе, потом в органе снабжения НАТО. Тогда же был завербован ЦРУ в сеть своих агентов и использовался против прогрессивно настроенных казахов. Одно время печатался в пантюристском журнале «Туркели»; опубликовал брошюру «Казахские турки за свою свободу», в которой все оценивает с позиций, враждебных Советскому Союзу.

Во время Олимпийских игр в Инсбруке орудовал среди советских спортсменов, выдавая себя за «клерка торговой фирмы по доставке и сбыту овощей из Турции». Это именно он пытался склонить советских артистов, находившихся на гастролях в Швеции, к невозвращению на Родину.

Шифрин Абрам Исаакович — сотрудничает со специальным «бюро» РС в Париже. Ему 53 года, считает себя минчанином; окончил четыре курса юридического института. Работал юрисконсультом в трестах Жилстроя Караганды и Павлограда, учил резьбе по дереву в ПТУ Одессы.

Но главным занятием для него было всегда другое — он выполнял задания сионистского шпионского центра «Сохнут», находящегося в Австрии. Это импонировало ему и было полезно для кармана.

Одним из материалов, который он пытался передать иностранной разведке, был «Доклад о настроениях советских граждан».

Другим — «Список и характеристики лиц, подготовленных к выезду в Израиль» (им самим.— Ю. К.).

Шифрин вел развратный образ жизни, дважды судим. Несколько лет назад выехал к «тете» в «землю обетованную». Сейчас он курсирует между Тель-Авивом и Парижем. В Израиле встречается с теми, кто прибыл из Советского Союза, втирается к ним в доверие, выискивает, кого из них можно предложить разведке, собирает всякого рода слухи и небылицы о советской действительности, еще столько же сочиняет сам и летит с этой «разведывательной» информацией в Париж, к своему шефу из ЦРУ Максу Ралису.

Гариф Султанов — «советник» по татаро-башкирским делам и один из активных «загонщиков» ЦРУ. За свои 55 лет он во многом «преуспел». В бою под Харьковом, оставив поле брани, перебежал к врагу, выдал гитлеровцам все, что знал о своем подразделении и его людях. Оказавшись в плену, быстро понял, что от него требуется, сориентировался и пошел в услужение к фашистам. Как агент и провокатор находился на связи у эсэсовца Унгляубе; орудовал в «Татарише-миттельштелле» и лагерях для советских военнопленных, где разворачивала свою патриотическую деятельность антифашистская подпольная группа, вдохновителем и душой которой был поэт Муса Джалиль. В 1943 году, напав на след подполья, многое сделал для того, чтобы оно было разгромлено. Это по его доносу арестовали и казнили Мусу Джалиля.

После войны он служил верой и правдой новым хозяевам — английской разведке. Готовился для заброски в Советский Союз. В критический момент переметнулся к американцам. Длительное время работал в «Комитете радио «Свобода» в Нью-Йорке, теперь — на радиостанции в Мюнхене. Заметая следы, тщательно скрывает свою фамилию. При встречах с советскими гражданами представляется Гарипом Султаном, профессором Колумбийского университета в США, пасквильные письма деятелям советской культуры подписывает «Азат Салават».

Перечень предателей и беглецов, нашедших прибежище на РС, не так велик, как хотелось бы их шефам. Но велика ненависть этих отщепенцев к социализму. Они кощунственно называют себя «свободным голосом народов социалистических стран». На самом деле они далеко не свободные агенты иностранных разведок. Не имея своего флага, они выступают под иностранным — под флагом ЦРУ США.

Между тем практика использования наемников во всем мире осуждается как незаконная и преступная. Само существование РС и РСЕ тоже незаконно. Это противоречит конституции США, а также ФРГ, Австрии, Англии, Италии, Франции и других, которые предоставили им возможность осуществлять с их территории подрывную деятельность против третьих стран членов ООН.

Видный общественно-политический деятель ФРГ, член «Немецкого союза мира» Арно Бериш сказал как-то: «Нахождение на территории ФРГ американских радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» — нарушение принципов нашего государственного суверенитета. Это противоречит духу Московского и Варшавского Договоров, преамбуле нашей конституции... Эти радиостанции — органы «холодной войны». Их деятельность находится в резком противоре-

чий с политикой безопасности и разрядки напряженности... Мир означает значительно больше, чем просто отсутствие войны. Мир — больше, чем пауза между войнами. Мир означает ликвидацию старых лозунгов запугивания врагом. Мир означает закрепление принципа мирного сосуществования в качестве долгосрочного принципа западногерманской политики».

Выступал с осуждениями подрывной деятельности РС и РСЕ, их существования и американский сенатор Уильям Фулбрайт, утверждавший, что это «противоречит национальным интересам США». Его поддержал ряд других конгрессменов.

РС и РСЕ функционируют благодаря поддержке влиятельных реакционных сил США и ФРГ. Так же, как и эти силы, они стремятся затормозить процесс разрядки в мире. Они тем самым действуют вопреки международному праву, вопреки духу и букве Заключительного акта Совещания по сотрудничеству и безопасности в Европе.

Оправдание с опозданием

Он еле сдерживал рыдания, его голос прерывался, а в глазах стояли слезы. Мучительная боль многолетнего унижения и радость долгожданной победы, обида и гордость — такие противоречивые чувства отражались на лице шестидесятилетнего американского негра Кларенса Норриса, когда он предстал перед журналистами на пресс-конференции в Нью-Йорке. Наконец-то через сорок пять лет доказана его полная невиновность и с него снято обвинение в одном из самых тяжких преступлений. Губернатор был вынужден публично признать судебную ошибку.

В 1931 году Кларенс Норрис и еще восемь негритянских юношей были задержаны в поезде в городе Пейнт Рок (штат Алабама), арестованы и преданы суду по обвинению в изнасиловании двух белых женщин. Норриса приговорили к смертной казни на электрическом стуле, которую позднее заменили заключением. После пятнадцати лет тюрьмы, из которых пять были проведены в камере смертников, его выпустили под честное слово на свободу, но в 1946 году он предпочел бежать из Алабамы. Еще тридцать лет он числился в списках беглых преступников, разыскиваемых полицией.

И вот лишь теперь Кларенс Норрис торжествует — ему наконец удалось доказать свою невиновность.

— У меня отняли очень многое: свободу, права,— заявил он на пресс-конференции.— Меня три раза приговаривали к смертной казни и три раза отводили назад в камеру. Губернатор заменил смертную казнь тюремным заключением, но он мог бы решить и по-иному, и я был бы уже давно мертв.

Норрис победил, но как быть с другими восемью неграми, осужденными вместе с ним?

ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ...

Директор мелкооптового магазина объединения Татмашхимснабсбыт в Казани И. Г. Рыбкина, старший инженер объединения З. К. Аксельруд и заведующий складом Н. Р. Рахимов по сговору с работниками ряда предприятий занимались хищениями магнитофонов и других ценностей. Рыбкина по договоренности с Аксельрудом, Рахимовым и А. М. Черновым похитили два магнитофона «Комета МГ-201» и присвоили их. Для сокрытия хищения преступники составили ложные документы.

Рыбкина также сфабриковала подложные документы. На основании этих документов начальник бюро отдела снабжения В. С. Веселов, заместитель начальника отдела снабжения Н. Е. Краснов и старший инженер Г. П. Фомичев по сговору с Рыбкиной магнитофоны похитили.

Отдельные участники преступной группы похищали государственное имущество не только совместно с организаторами преступления, но и создавали свои группы или совершали хищения в одиночку. По сговору с Рахимовым, воровством магнитофонов и других ценностей занимался начальник отдела Татмашхимснабсбыта И. А. Нурисламов. Причем они не брезговали ничем, брали и по-крупному, и по мелочи. Так, со склада объединения они украли электрочайник и уют. Взамен их они принесли из дома старые вещи.

Начальник отдела снабжения И. Е. Зальцман воровал как совместно с другими преступниками, так и самостоятельно. Однажды ему удалось по фиктивному документу получить 4 телевизора на сумму 2200 рублей. Телевизоры он продал, а деньги присвоил.

Некоторые расхищатели совершали и другие преступления. Аксельруд с целью наживы скупил в Москве 5 портфелей, папку, 10 браслетов, 2 женских пляжных костюма, 5 флаконов духов, губную помаду и стал вместе с женой их продавать по более дорогой цене на вещевом рынке Казани. Однако им удалось продать только часть вещей, так как за спекуляцию они были задержаны работником милиции.

Всего преступниками совершено хищений государственного имущества на сумму 29 275 рублей. К уголовной ответствен-

ности привлечено 29 человек. Все они приговорены Верховным судом Татарской АССР к различным мерам наказания. В частности, Рыбкина — к 10 годам, Зальцман — к 9 годам, Нурисламов и Аксельруд — к 6 годам лишения свободы каждый. Кроме того, многие из них лишены права в течение 5 лет после отбытия наказания занимать должности, связанные с распоряжением материальными ценностями.

**по протесту
прокурора**

В соответствии с постановлением Совета Министров Казахской ССР от 21 августа 1968 года «О внесении дополнений в перечень должностей работников, с которыми могут заключаться письменные договоры о полной материальной ответственности за недостачу ценностей, переданных под ответственность работника для хранения или для других целей» с водителями трамваев и троллейбусов, работающих без кондукторов, могут заключаться договоры о полной материальной ответственности за проданные ими билеты, за исключением билетов в кассах самообслуживания.

Областные трамвайно-троллейбусные управления республики заключали с водителями договоры о полной материальной ответственности, в том числе и за сохранность билетов в ленточных кассах, ссылаясь на инструкцию Министерства коммунального хозяйства Казахской ССР «О порядке снабжения, хранения, выдачи и учета проездных билетов и порядке работы трамвая и троллейбуса без кондукторов», утвержденную еще 14 декабря 1966 года. В эту инструкцию не были внесены изменения, вытекающие из упомянутого постановления Совета Министров республики. Между тем инструкция возлагала полную материальную ответственность водителей за сохранность билетов, в том числе и в кассах самообслуживания.

Прокурор Казахской ССР внес министру коммунального хозяйства республики протест, в котором потребовал привести инструкцию в точное соответствие с постановлением Совета Министров Казахской ССР от 21 августа 1968 года.

Протест удовлетворен.

САДНИРЫ

НУ И ХОЗЯИН..

Ну и молодец Иван Прокофьевич Белов, ну и хозяин! Кому на зависть, кому на радость такую домину себе отгрохал — загляденье! И в доме все — и вода, и отопление, и газ, правда, от баллонов. В саду все прибрано и ухожено! С утра до вечера катался Иван Прокофьевич по своему хозяйству, как туго надутый футбольный мяч. Его умелые руки каждый ненужный предмет превращали в полезную вещь.

Как-то раз тихий покой улицы, где жили Беловы, встревожили шум машин и лязганье экскаватора. Выглянув со двора, Иван Прокофьевич увидел, что вдоль дороги роют большую траншею и кладут вдоль нее трубы. Прокофьев поинтересовался, зачем добрые люди роют землю. Газ проводим, услышал он в ответ.

- Это куда же проводите?
- А по всему городу.
- И в дома?
- И в дома, разумеется.

— А вот в мой дом нельзя ли провести газ? Я бы заплатил...

— Ну, что ты, дед! Это же магистральная трасса, по ней газ идет под средним давлением до газораспределительных станций, а от них в дома уже поступает под низким давлением, так что в твой дом прямо из трассы газ провести никак нельзя, да мы и не частная лавочка. У нас проект!

Из этих слов Белов ничего не понял, кроме того, что газ ему проводить не хотят, ссылаясь на давление и еще на что-то.

— Подумаешь, давление,— бурчал он.— Знаю я вас, просто цену себе набиваете.

И с этого момента Иван Прокофьевич потерял покой. Ежедневно заводя разговоры с рабочими на всякие житейские темы, постоянно возвращался к газу.

Как-то раз среди рабочих Белов заметил новенького, с пухлой физиономией и мутными глазами, от которого на метр разило перегаром.

«Клюнет,— радостно оживился Прокофьевич,— этот-то обязательно клюнет!» Как бы невзначай заведя беседу с новеньким, Белов пригласил его к себе на обед и, выставив бутылку яблочной наливки, стал кормить гостя. После первого стакана Иван Прокофьевич осторожно завел разговор про газ. Петро — так звали новенького — долго говорил мудреные слова, из которых Белов понял, что газ провести можно, надо только «заинтересовать».

— Короче, сколько? — решил Белов.

— Ну, что ты, дед! Разве так дела решаются, я должен обмозговать, с народом поговорить, материал найти, а в цене мы сойдемся! — И, откланявшись, Петр ушел.

На следующий день его на работе не было, не явился он и через день, и Иван Прокофьевич уже решил было, что состоявшийся разговор — просто праздный треп ради обеда и выпивки, как вдруг в конце недели Петр объявился и степенно предложил «потолковать». «Толковали» в саду у Белова. Петр запросил шестьсот рублей.

После небольшого торга сговорились: выполняют работу за триста, и выпивка за счет Белова по окончании.

— Бог с вами,— ударил по рукам Прокофьевич. А про себя решил по окончании работы заплатить не больше половины.

Через день маленький колесный экскаватор бойко подъехал к дому Беловых, затем подвезли трубы, и работа началась. Она шла, то прерываясь на несколько дней, то возобновляясь. Иван Прокофьевич от радости был сам не свой. Он несколько раз поил рабочих, ласково заглядывая им в глаза, и уговаривал закончить поскорее. Душа

его ликовала! «А больше ста-то можно и не платить,— мечтал он про себя.— И так много. Припугну их — и все тут».

Как задумано, так и сделано. По окончании работ Иван Прокофьевич вручил Петру сто рублей, остальные же деньги выплачивать наотрез отказался. Он заявил, что сто рублей и то слишком большая цена за такую работу, напомнил, сколько раз всех кормил и поил, и под конец пригрозил разоблачением.

Когда рабочие с криком ушли, Белов открыл все четыре газовые конфорки и долго с наслаждением смотрел на голубые огоньки. «Удача! — радовался он.— Какая удача!»

Но вдруг через три недели огонек газового пламени стал слабеть и еще через неделю совсем затух. Иван Прокофьевич похолодел. «Перекрыли задвижку, гады», — догадался он.

Два дня были проведены в горестных раздумьях, а на третий Прокофьевич решил самолично докопаться до трубы, а по ней копать до задвижки. «Открою потихоньку, потом все засыплю, никто и знать не будет!» И с этой мыслью он немедленно взялся за лопату. Три дня от зари до зари потел Белов, а на четвертый остолбенел. Труба закончилась, подведенная к закопанному в землю газовому баллону. «Паразиты, вот паразиты,— шумело в его голове,— а я то хорош, так дать себя надуть».

И. НОСЕНКО

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

В повседневной жизни люди, бывает, ошибаются. Пригласили, скажем, Ивана Петровича в гости во вторник, а он по своей рассеянности все перепутал и явился на день позже, в среду. Или, предположим, заметил Лука Кузьмич вопереди идущем гражданине старого приятеля, кинулся к нему со всех ног, хлопнул по плечу: «Здорово, дружище!» Глядь, а это, оказывается, совершенно незнакомый ему человек. Беды от подобных ошибок, в общем-то, немного. Извинились друг перед другом и разошлись в разные стороны. Гораздо хуже, если ошибку совершает должностное лицо, да если она, эта ошибка, принимает форму документа. Вот тогда начинается морока...

В тот день Борис Нестеров, молодой слесарь из Тольятти, получал у себя на предприятии зарплату. Когда стал расписываться в ведомости, то проставленная там сумма показалась ему слишком маленькой. Работал весь месяц нормально. Прогоулов не было. За что же урезали зарплату, почитай, наполовину?

— Да вы не беспокойтесь,— сказала кассир.— Сходите в бухгалтерию — там сразу все и выясните.

Пошел Нестеров выяснять. В бухгалтерии незамедлительно подняли бумаги и сказали, что возмущается он совершенно напрасно. На него-де из народного суда пришел исполнительный лист, и вот теперь начали высчитывать за нанесенный им ущерб...

— Кому же я нанес ущерб? — поразился Нестеров.

— Тучковскому комбинату строительных изделий и материалов № 1.

— Но я никогда там не был и даже не знаю, где он находится. Это какая-то ошибка!

— У нас на руках официальная бумага, где черным по белому значится, что Одинцовским городским народным судом осужден Нестеров Борис Михайлович... Вас зовут Нестеров Борис Михайлович?

— Совершенно верно.

— Вот видите! Все совпадает — фамилия, имя, отчество.

— Но меня никто не судил!

— Мы не можем не верить документу, который пришел из народного суда.

— Ну, и сколько мне... дали? — спросил ошеломленный Нестеров.

— Шесть лет лишения свободы. А Рузский городской народный суд решил взыскать с вас 4213 рублей 28 копеек.

— Когда же все это случилось?

— Как видно из документов, первый суд состоялся 21 мая 1975 года, а второй 15 июня 1976 года.

— Странно, — не переставал удивляться Нестеров. — Меня судят, а я даже об этом не знаю. Спокойненько себе работаю, выполняю производственные задания...

В грустном расположении духа отправился он домой. Можно только себе представить его состояние. Еще утром он вошел в проходную полный сил, энергии, надежд на будущее, а теперь возвращается поникший, неся на себе груз тяжкого преступления. Только вот какого? И как это он ухитрился нанести столь ощутимый ущерб неведомому ему комбинату? Но, пожалуй, самым существенным был вопрос: каким же образом он, не выезжая из Тольятти, смог что-то натворить в находящейся на солидном расстоянии Московской области?

Признаться, мне, когда я познакомился с этой историей, все эти вопросы показались не лишними основания.

Что же произошло на самом деле?

Действительно, Одинцовский городской народный суд приговорил к шести годам лишения свободы Нестерова Бориса Михайловича. А Рузский городской народный суд вынес решение о взыскании с него четырех с лишним тысяч рублей. Надо было отправить испол-

нительный лист в колонию, где отбывает наказание преступник. Но судебный исполнитель, руководствуясь неизвестно чем, отослал его на другое предприятие города, где, по воле случая, тоже оказался Нестеров Борис Михайлович. Совершенно другой человек, не причастный к преступлению. Не смутило судебного исполнителя Рузского городского народного суда: как же может осужденный преступник работать по вольному найму на предприятии, если в это время он должен находиться в колонии? Отослали бумагу — и с плеч долой. Сейчас в Рузе оправдываются:

— Малость перепутали!

Но вся-то беда в том, что эта «малость» обернулась для человека большими огорчениями. Не день и не два понадобились для того, чтобы все выяснилось и стало на свои места. А до этого молодому слесарю приходилось объяснять и должностным лицам, и товарищам, что ничего противозаконного он не совершал. И, видимо, ему не особенно верили, коли он вынужден был обратиться в Москву, в редакцию журнала «Человек и закон». Неправильно взысканные деньги Б. Нестерову, конечно, вернут. Но чем возместить моральную травму, которую ему нанесли?

Из-за путаницы произошел конфликт между группой работниц мебельной фабрики города Благовещенска и заведующим магазином № 333 Нафталинского курортторга, что в Азербайджане. А все началось с того, что женщинам захотелось благоустроить свои жилища плюшевыми коврами, которые, как им стало известно, продавались в этом магазине. Быстренько написали туда письмо: дескать, просим прислать девять плюшевых ковров. Стоимость их и транспортные расходы обязуемся оплатить немедленно.

В скором времени из далекого южного города в Благовещенск пришел объемистый тюк. Внеся положенную сумму, будущие обладательницы плюшевых ковров стали нетерпеливо распаковывать его. Извлекли один ковер. Второй. Потом вытащили... два покрывала. После них — джемпер. За ним еще один джемпер, но только другого цвета и размера. Словом, посылка оказалась набитой самыми разнообразными предметами, которых женщины вовсе не заказывали.

Узнав о столь необычной форме «обслуживания», редакция, естественно, заинтересовалась: как это могло случиться?

Заведующий магазином № 333 Нафталинского курортторга М. Баширов развел руками:

— Малость перепутал!

И тут же поспешно добавил, что он, дескать, полностью сознает свою вину. Готов заменить ненужные товары нужными. Все связанные с этим транспортные расходы берет на себя. Если же жительни-

цы Благовещенска раздумали брать ковры, то он может возвратить им деньги.

А может, все-таки было бы лучше вообще не допускать такой путаницы? Ведь порою такая «малость» приводит к достаточно ощутимым потерям. В городе Белая Церковь, что в Киевской области, начали строить теплотрассу. Занялось этим ответственным делом строительномонтажное управление № 1 треста Белоцерковьпромжилстрой. Но отнеслось к нему в высшей степени безответственно... Загудели экскаваторы, вгрызаясь ковшами в грунт. Вдоль улицы Курсовой протянулась глубокая траншея. Жители ходили по обочинам, с опаской поглядывая вниз, где пролегли толстые трубы. Потом работы вроде подошли к концу. Появились бульдозеры и, сдвигая горы земли, стали засыпать траншею. Только все заровняли, как кто-то спохватился: при строительстве теплотрассы допущены отступления от проекта. А тут еще — телефонный звонок:

— Это вы копали на улице Курсовой?

— Мы...

— Почему не обратили внимание на то, что эту улицу пересекает газопровод? При засышке траншеи вы его повредили.

Пришлось заново рыть траншею. Срочно отрядили людей ремонтировать газопровод. Потом стали доделывать теплотрассу. И все из-за того, что строители перед этим «малость перепутали». А ущерб от этой «малости», между прочим, составляет не одну тысячу рублей.

Ох, уж эти путаники! Что для них закон, что установленные правила — знай, гнут свое, невзирая на последствия. Потом спешно каются: мол, по нечаянности все вышло. А по нечаянности ли? Не лучше ли сказать: из-за безответственного отношения к делу? И взыскивать с них, мне кажется, надо по большому счету. Чтоб неповадно было путать.

МИХ. ВЛАДИМОВ

Нередко магазины отказываются принять бракованный товар от покупателей, переадресовывая их непосредственно на предприятие...

(Из писем читателей).

ФЕЛЬЕТОН

Туфли на платформе
Я взяла к сезону,
Рассудив при этом,
И не без резону,
Что не побоится
Ливня, снега, шторма,
Туфля, под которой
Прочная платформа.

Я надела, вышла
Из универмага...
Но успела сделать
Лишь четыре шага.
Не было ни ливня,
Ни пурги, ни шторма —
Напрочь отвалилась
Модная платформа.

В магазин вернулась:
— Явный брак — в продаже!!!
Продавщица глазом
Не моргнула даже:
— Сами разорвали —
Сами отвечайте!
И к себе укоры
Ваши обращайтесь!..

К мастерам пошла я
По модельной части.
— Явно брак фабричный! —
Молвил первый мастер.
То же подтвердили
И другие двое:
— Вы не виноваты!
Явный брак в раскрое!

В магазин я снова:
— Фабрика повинна!..
— Вот и разберитесь
с нею,

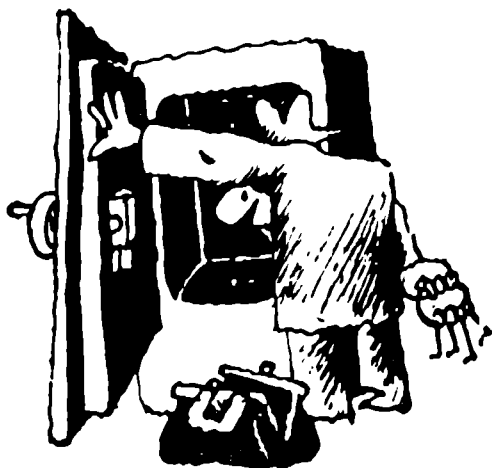
В чем причина!
Вот вам список фабрик
Полный — с адресами.
Вы свою найдите
И езжайте сами!

●
Видно, равнодушие —
В магазине норма...
Вот где бракоделов
Прочная «платформа»!

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

СТОЛКНОВЕНИЕ ПО-АМЕРИКАНСКИ

В Лос-Анджелесе столкнулись на улице два автомобиля. Все обошлось сравнительно благополучно, были разбиты только фары и слегка помяты кузова. Но полисмен, поспешивший к месту происшествия, немало удивился, что оба водителя молниеносно бросились наутек, хотя виноват был только один из них. Причину бегства удалось разгадать очень быстро: оба автомобиля оказались украденными.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

После двадцати часов напряженной работы в выходной день главный сейф одного римского банка был, наконец, открыт. Но в нем не нашлось ничего, кроме пары дамских сережек. Разочарованный взломщик написал на стене: «Я еще никогда не встречал такого бедного банка».

РЕКВИЗИТ СЕКТАНТОВ И... КОНЕЦ СВЕТА

Швейцарская полиция арестовала группу сектантов, возвещавшую скорый конец света. Они вербовали себе последователей преимущественно среди молодежи. А для того, чтобы произвести впечатление на легковверных, использовалась техника. В так называемом молитвенном доме полиция обнаружила скрытые стереофонические громкоговорители, проекционные аппараты, спрятанные в мебели, приборы, отражающие световые лучи, и даже вентилятор, вызывающий причудливое движение воздуха. Используя все это, проповедники инсценировали «явление» бога, который повелевал отказаться от мирских соблазнов, не забывая предупредить верующих об их обязанности вносить в поддержку секты значительные суммы денег.

**Художники
«Боевого карандаша»**

- МАМА!!!

— МАМА!!!

Рис. В. МЕНЬШИКОВА.

ХОДИТ ЗАПАДНАЯ МОДА...

**Рекомендуем эти моды
На тот известный всем сезон,
Когда летят на огороды
Полки прожорливых ворон.**

Рис. Д. ОБОЗНЕНКО.

**— ПУСКАЙ РЕБЕНОК
ПОРЕЗВИТСЯ!**

**С этим дитяtkом мамаша-
кенгуриха
И сама хлебнет немало лиха.**

Рис. В. МЕНЬШИКОВА.

Цена 40 коп.

Индекс 71075

